ДАГЕСТАН

№ 2

В сентябре председатель Госстроя России Анвар Шамузафаров вручил мэру Махачкалы Саиду Амирову Диплом за 3-е место во Всероссийском конкурсе на звание «Самый благоустроенный город России».

Фото Х. ЗУРГАЛОВА и Р. ХИЛИЧЕВА

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№2

ДАГЕСТАН

сентябрь/ октябрь 2002

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана

Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД

Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук

Булач ГАДЖИЕВ,
заслуженный учитель России

Казбек СУЛТАНОВ
литературовед

Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик

Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук

Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик

Арбен КАРДАШ,
поэт

Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ

Далгат АХМЕДХАНОВ,
главный редактор

Мурад АХМЕДОВ,
заместитель главного редактора

Гаджикурбан РАСУЛОВ,
ответственный секретарь

Джамал РАБАДАНОВ
специальный корреспондент

Ольга МАТАЕВА,
экономист

Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА,
корректор

Байгиши БАЙГИШИЕВ,
выпускающий

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Константин ЗАЧЕСОВ_____политология
Моя родина – наше государство. 2
Мурад АХМЕДОВ_____политология
Обманчивый призрак суверенитета. 4
Магомед БУТАЕВ_____история
Мрачные тайны 30-х. 5
Джамал РАБАДАНОВ_____события
Республика поделилась опытом. 7
Мухаммад-Нури ОСМАНОВ_____религия
«Коран призывает к добру, а не к ненависти». 8
Далгат АХМЕДХАНОВ_____нравы
Полосатое солнце менталитета. 12
Умар ТЕЙМУРОВ_____нравы
Золотое правило. 16
Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ_____здоровье
Бальзам. 17
Петр ЛЕОНОВ_____спорт
Горы зовут. 20

ЛИТЕРАТУРА

Магомед-Расул_____отрывок из повести
Ее колдовские ночи. 21
Магомед ГАМИДОВ_____поэзия
Восьмистишия. 24
Булач ГАДЖИЕВ_____из книги, которой еще нет
И вот что еще было… 25
Бадрутдин МАГОМЕДОВ_____поэзия
Родной язык. 30
Динислам КАРДАШЕВ_____критика
Цветы дождя не боятся. 31
Юлия ЗАЧЕСОВА_____поэзия
Помолись… 33
Алексей ЧАГИН_____критика
Разговор на распутье. 34
Зульхижат ГАДЖИЕВА_____критика
Рельефность мира – резцом вымысла. 36
Муэтдин ЧАРИНОВ_____наследие
Лакская литература: 70 лет назад. 38

Кроссворд. 40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала "Дагестан"

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

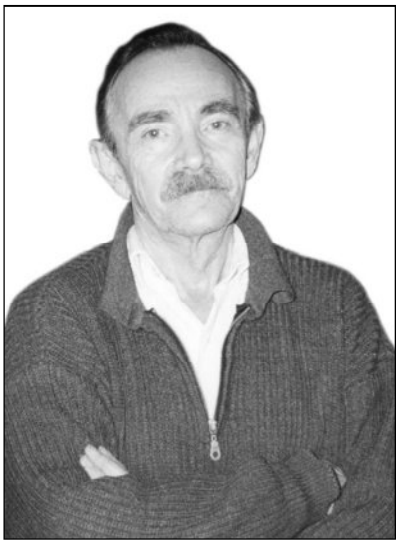
Усл. п. л. – 5. **Тираж – 1500 экз.**
Номер заказа – 485.

Подписной индекс – 78434.
Цена подписки на год (6 номеров) – 196 руб. 68 коп.; на полгода (3 номера) – 98 руб. 34 коп.
Цена номера в киосках «Роспечати» – 29 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТОЛОГИЯ

Моя родина – наше государство



Константин ЗАЧЕСОВ,
кандидат философских наук

В этой статье я затрагиваю два принципиальных вопроса, которые сегодня подспудно волнуют наше общество. Поэтому она разбита на две небольшие главки.

Дагестан – «маяк» России

Наша республика обладает своим государственным суверенитетом. И в то же время она – часть российского государства. Парадокс: «государство в государстве»? В известной степени, да. Одно суверенное, то бишь независимое, государство просто не может являться частью другого независимого государства. И наоборот: независимое государство не может состоять, в свою очередь, из суммы таких же независимых государств. Отсюда – лихорадочные поиски оптимального распределения полномочий. Кто, кому, какие права и возможности делегирует: периферия – Центру, Центр – периферии. Относится это в полной мере и к взаимоотношениям Москвы и Махачкалы.

Что на нашей дагестанской территории может и должна решать Москва, а что – можем и должны решать мы сами, без ее вмешательства? Вопрос этот во многом риторический, поскольку однозначного ответа на него найти пока еще не удается.

Скажем, проблема международного терроризма. Ясно, что это – проблема в первую очередь Москвы. Но ведь это – и наша, дагестанская, проблема. И кому ее непосредственно решать на дагестанской земле сегодня? Или проблема национального и религиозного экстремизма? Или экологическая, демографическая, здравоохранительная (достаточно вспомнить хотя бы СПИД) проблемы?

Ясно, казалось бы, что проблемы, которые сама республика решить не в состоянии по объективным, от нее не зависящим, причинам, относятся к компетенции Центра, а проблемы более частные, локальные, справиться с которыми по плечу самой – ее прерогатива. Беда, однако, в том, что эти проблемы довольно трудно разделить…

Автор этих строк и не ставит перед собой подобной «сверхзадачи». Моя цель скромнее: акцентировать внимание читателя лишь на одном обстоятельстве, в связи с которым суверенитет Дагестана при всех условиях имеет рациональный смысл. Речь о том, что этот суверенитет дает Дагестану юридическое право и основание закрепить один из самых важных ценностных приоритетов своей истории и своего менталитета, который, к сожалению, далеко еще не во всех регионах России достиг того фактического статуса, который он заслуживает и которого он в значительной степени достиг в Дагестане. Этот приоритет – жизнь, личные права и свободы человека независимо от национальности и вероисповедания.

Доказательств тому, что именно в Дагестане и именно этот приоритет в силу ряда причин самого различного порядка действительно сформировался в историческом прошлом и сохранился в современности, нет числа. Достаточно упомянуть хотя бы о том, что даже наименование нашей республики – Дагестан – образовано не от названия какого-либо этноса (в отличие от едва ли не всех других республик), а по чисто «географическому» признаку: «Страна гор». Уже даже этим простым обстоятельством национальные различия между дагестанцами оказались в серьезной степени как бы приглушенными, нивелированными, менее значимыми, нежели общедагестанское единство. Естественно, это не уничтожило и не могло уничтожить национальные различия между дагестанцами, но это не позволяло таким различиям выдвинуться на авансцену дагестанского массового сознания, стало одним из факторов предотвращения на территории Дагестана межэтнических войн в полном смысле этого слова.

Аналогичная ситуация сложилась в Дагестане и с религиозным фактором. Тесное, добрососедское, чисто товарищеское сосуществование на протяжении веков дагестанцев-христиан, дагестанцев-мусульман, дагестанцев-иудеев – давно признанный факт.

Доказательства тому – исторически сложившиеся традиции гостеприимства, куначества, побратимства и посестринства, аталычества (некровного родства), где национальность и вероисповедание не играли определяющей роли, и где с максимальной полнотой выразился дагестанский менталитет в сфере рассматриваемой проблемы.

Опыт Дагестана, разумеется, ценен и сам по себе. Он заслуживает в наши дни, переполненные вселенскими тревогами и опасностями, и внимания и изучения. Но не менее он ценен и как (в известном смысле) ориентир для всей России.

Мне много раз за последние полтора десятка лет приходилось на разных уровнях повторять мысль о том, что для решения, в частности, национальных проблем в нашем государстве необходимы два исходных условия. Первое – ликвидация «пятой графы» в наших официальных документах и в соответствии с этим отнесение национальности гражданина в разряд его личных прав (это, наконец, сделано, хотя последствия нашей бывшей практики, надо думать, еще долго будут сказываться). Второе – ликвидация национального принципа во внутреннем административно-территориальном делении страны. Оба эти принципа объективно порождали фактическое национальное неравенство между российскими гражданами и тем самым неявно, но постоянно генерировали взаимное национальное недоброжелательство.

Второй принцип остался в неприкосновенности. Дагестан же исключение из общего правила. И – как можно предположить – это сыграло свою роль в том, что даже при всех катаклизмах последних лет Дагестан сберег себя как целостное государственное образование, сохранившись одновременно в составе России.

И действительно: что было приоритетным для Дагестана и дагестанцев и в историческом прошлом и сейчас? Нет,

не национальный фактор. И не религиозный, что, кстати, подтвердили недавние события, связанные с вероломным нападением на Дагестан боевиков с территории соседней Чечни. Приоритетным для Дагестана и дагестанцев было и остается признание ценности человека, т.е. то, что в наши дни именуется гуманистической мировоззренческой ориентацией.

Хочется надеяться, что эта ориентация станет основой сохранения и процветания всей России, если она сможет воспользоваться дагестанским опытом. Пусть россияне будут, прежде всего, гражданами России, а потом уже представителями народов, к которым считают себя принадлежащими. И пусть россияне живут в таких государственных образованиях, которые созданы не по национальному признаку. В таких, как Дагестан. И пусть для всех россиян, как для дагестанцев, человек стоит выше и национальности и религии.

Это условие – гарантия сохранения России. И в определенном смысле «маяком» для нее в этом отношении может стать наша республика.

Неизведанный патриотизм

«Мне все народы очень нравятся...»

Р. Гамзатов

Патриотизм, безусловно, всем давно и прекрасно известен. Но, как показало наше время, патриотизм бывает разным. Он может нести с собой, как оказалось, не только благо… И, значит, не все в нем известно.

Можно быть патриотом своего народа? Конечно, можно! Но современный мир на собственном опыте убедился, что такое национал-патриотизм. Вспомните фашистскую Германию. Можно быть патриотом своего государства? Конечно, можно! Но современный мир на собственном опыте испытал, что такое «имперская политика» некоторых государств. Вспомните колониальные империи Англии, Франции, Испании.

А это означает, что времена бездумного славословия в адрес патриотизма, видимо, прошли. Настала пора, быть может, не безболезненного, но необходимого, на мой взгляд, переосмысления этого, как правило, исключительно позитивного для нас понятия.

Начнем с того, что подлинная любовь к чему бы то ни было, как и к кому бы то ни было, не терпит афиширования, всенародного, публичного и истошного верещания о ней. Настоящая любовь всегда застенчива, потому что касается сокровенных глубин нашего сознания. Поэтому чем громогласнее человек извещает общественность о любви своей к родине или народу, тем больше, откровенно говоря, сомнений возникает в его искренности. И как тут не вспомнить о существующей в нашей стране, и особенно у нас, в Дагестане, практике распинаться о своих чувствах при случае и без случая, громогласно объявляя публично о такой своей любви.

> ***«Государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»***
>
> ***Николай Бердяев***

Очень верно и точно писал об этом В.А. Сухомлинский: «Патриотизм – чувство самое стыдливое и деликатное… Побереги святые слова, не кричи о любви к родине на всех перекрестках. Лучше – молча трудись во имя ее блага и могущества».

Почему же, спросите вы, не следует объявлять о своем патриотизме, если он действительно есть?

Во-первых, потому, что, как заметил еще В.Г. Белинский, «патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих мечтах, не в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживаться не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно, во всяком отечестве». А во-вторых, панегирики и славословия в адрес народа или государства (как, впрочем, и в адрес конкретной здравствующей личности) приносят обычно больше вреда, чем пользы объекту подобного поклонения или фетишизации. Вспомним генсека Л.И. Брежнева: славословия в его адрес (как, впрочем, и в адрес других генсеков) только делали его героем анекдотов. И вспомним, что задушить можно не только веревкой, но и объятиями!

В условиях национального и государственного разделения мира патриотизм закономерен, естественен, понятен и неизбежен. Но ныне мы живем уже в условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира. И это не может не сказываться на многоликом патриотизме.

Проще говоря, патриотизм в наше время требует конкретного подхода, т.е. ясного осознания того, о каком именно патриотизме идет речь. И речь идет о границах этого патриотизма, переступать которые нельзя, если желаешь добра своему народу или государству. Публичные вопли о своем патриотизме, между прочим, как раз и есть сигнал нарушения этих границ.

А нарушить их недолго. Даже невольно и почти бессознательно. Уж очень легко и просто патриотизм перерастает в кичливость, зазнайство, высокомерие, гордыню. Что, я думаю, нам, живущим в Дагестане, достаточно хорошо известно. И это – та особенность патриотизма, которая изучена пока явно недостаточно.

Кто, к примеру, не слышал выражений «великое государство» или «великий народ»?! Они – банальны, тривиальны, затерты до расхожего клише. Они, бесспорно, выражение государственного или национального патриотизма, и в них, казалось бы, нет ничего предосудительного. Однако… Если есть «великие» народы и государства, то есть и «обычные», «простые», «рядовые». Кто же это? Не отсюда ли проистекают корни выражений типа «лица кавказской национальности»? Это в российском масштабе. А в дагестанском обществе предоставляю читателю возможность найти примеры самому. Думаю, это вас не затруднит. И нельзя не видеть, что патриотизм, включающий в себя применение подобных понятий, не может не вести к взаимному национальному или государственному недоброжелательству, которое при соответствующих условиях и обстоятельствах перерастает в национальную или государственную вражду со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Патриотизм, как таковой, был, есть и должен быть. Но это – обоюдоострое оружие. Им можно защититься или кого-то защитить, а можно кого-то, в том числе и себя, ранить или убить. Все зависит от того, в чьих руках находится это оружие, чем оно ограничено.

Есть ли вообще такие ограничения? Есть основания считать, что – да.

Ценность патриотизма ограничена ценностью человека, его жизни и личных свобод. Это означает, что патриотическая ориентация практически неизбежно утрачивает свой положительный смысл и переходит в этом плане в свою противоположность, когда посягает на жизнь и личные права человека. Вот почему патриотизм вовсе не всегда «есть высшее проявление прекрасной жизни» (М.И. Калинин). Патриотизм может быть разным. Под его флагом могут выступать и героизм и злодейство. Под его лозунгами (вернее, не без их участия) наш народ сокрушил гитлеровцев и… чеченские боевики вторглись на территорию Дагестана. Национальный патриотизм подвигает Россию на поддержку русских за рубежом и… споспешествует фашиствующим русским «бритоголовым».

Таким образом, «абстрактного патриотизма нет, патриотизм всегда конкретен». В соответствии с этим он и должен познаваться и оцениваться.

Мурад АХМЕДОВ

Обманчивый призрак суверенитета

Пару лет назад вечером у меня дома раздался телефонный звонок. Звонил наш бывший соотечественник, волею судеб переехавший более десяти лет назад в Израиль. Он мне не был знаком, поэтому меня это несколько удивило. Однако после первых слов разговора удивление исчезло. В то время я работал редактором республиканского еженедельника, и нашему земляку его высылали родственники. Вот он и решил обратиться ко мне с просьбой опубликовать его статью и, естественно, вкратце поведал мне о ее содержании. Тезисы статьи приблизительно таковы: Дагестан был оккупирован Россией в XIX веке, наибольшим благом для республики сейчас является суверенитет и национальная независимость, все это принесет Дагестану в одночасье неслыханные богатства, миллионные иностранные инвестиции и т.д.

Я сразу же мысленно перенесся в начало 90-х годов, когда идеями суверенитета было наводнено все пространство нашей обширной страны. В 1991 году шел референдум о сохранении СССР, в это время я учился на Украине, в Харькове, и ежедневно вынимал из своего почтового ящика листовки совершенно однотипного содержания: Украина ограблена Россией; ежегодно вывозится столько-то угля, столько-то масла, столько-то мяса, отделимся и заживем, как в раю.

Поражает похожесть этих схематичных суждений, между которыми целое десятилетие, доказавшее их абсолютную несостоятельность. Просто для нашего соотечественника, покинувшего родину на заре развала СССР, эти схемы до сих пор кажутся приемлемыми и принимаются за чистую монету. Хотя, впрочем, и другие наши земляки, при умелой их PR-обработке, вполне могут и сейчас присоединиться к подобным взглядам. Вопрос: кому это нужно?

Дагестан в силу своего геополитического положения находится в сфере влияния множества политических и экономических интересов, столкновение которых неизбежно. Именно это столкновение мы и наблюдаем последние десять лет на кавказской сцене. При этом народ неизбежно оказывается вовлеченным в игры неведомых ему игроков.

Что дало Дагестану присоединение к России и дальнейшее развитие в ее составе? Экономический подъем, рост уровня классического образования, позволившего нашим землякам достичь мировых высот в таких областях, как медицина, литература, физика, история и т.д., не говоря уже о росте промышленности, интенсивном строительстве, электрификации, разработке нефтяных и газовых месторождений, развитии сельского хозяйства и рыбных промыслов. Конечно же, можно точно так же подсчитать плюсы, которые получила Россия от вхождения в ее состав такой геополитически важной области, как Дагестан. Но усомниться во взаимной пользе этого союза нельзя никак.

Что касается насильственного вхождения Дагестана в состав России, темы, муссируемой до сих пор. Мы, люди XXI века, относящиеся как к данности к тому, что письмо по электронной почте может дойти на другой конец земного шара за несколько секунд, не можем не понимать, что исторические условия первой половины XIX века были совершенно отличными от нынешних. Сегодня ситуация такова, какова она есть. Дагестан – субъект России. Молодое поколение дагестанцев в своей основной массе ощущает себя россиянами, не испытывая ни малейшей национальной неполноценности.

В городской среде молодежь в большинстве своем плохо говорит или вообще не говорит на дагестанских языках, причиной чему зачастую являются смешанные браки. Но спасать дагестанские языки нужно не популистскими призывами некоторых деятелей нашей культуры, а долгосрочными образовательными программами, которые будут способствовать их поддержанию. Впрочем, проблема исчезновения некоторых языков не является только дагестанской. Во всем мире сохраняется тенденция стремительного сокращения языков, которые известны современному человечеству. Сегодня в мире существует примерно около 6000 языков, но реально говорят лишь на 3000, половина находится под угрозой полного поглощения более крупными языками.

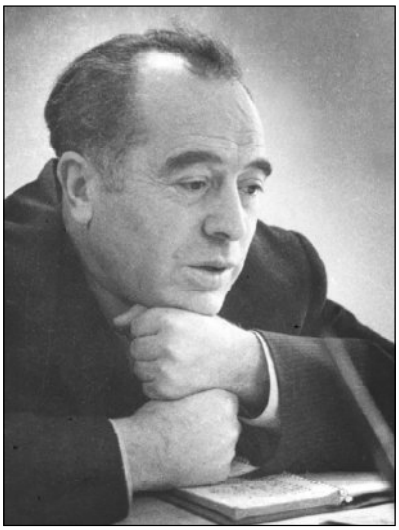
Налицо всемирная глобализация и влияние самых распространенных языков межчеловеческого общения: английского, русского, французского, арабского и т.д. Языковая ассимиляция – процесс во многом объективный, напомню, что когда-то с мировой сцены исчезла даже великая латынь, на которой говорило чуть ли не полмира. Однако это не означает, что дагестанцы не должны стараться сохранять и развивать свои языки, но делать это надо с учетом существующих реалий, сознавая, что для современного дагестанца очень важно также в совершенстве владеть русским и по возможности английским языками. Кроме того, в городе сохранение и развитие родных языков является не столько проблемой школы, сколько проблемой семьи. Но часто даже в интеллигентных дагестанских семьях, где родители имеют филологическое образование, дети не знают своих родных языков. Между тем в маленькой Швейцарии, где, как известно, целых четыре государственных языка, многие швейцарцы в совершенстве владеют ими всеми, да еще и английским. У нас же языковая проблема становится предметом спекуляции вокруг отношений Дагестана и России.

Даже сейчас многие наши сограждане склонны полагать, что национальная культура находится в упадке, что государство очень мало делает для поддержки языков, возрождения обычаев и традиций. Но, как известно, все познается в сравнении. В Турции, в сферу интересов которой входил и входит Дагестан, и куда после Кавказской войны переселилось немалое число наших земляков, и куда с вожделением до сих пор иногда поглядывают местные «освободители», вопрос развития культуры и языка переселенцев никогда не был государственной проблемой. Турция не федеральное государство, и даже такой крупный многомиллионный народ, как курды, не имеет в нем право на какую бы то ни было национальную автономию. Что уж говорить о национальном театре, литературе, изучении национальных языков в государственных школах, соблюдении национального паритета при распределении должностей.

Безусловно, проблема сохранения дагестанских языков актуальна, но и ее не нужно превращать некоторым деятелям от культуры в пиаровскую акцию при решении чисто политических задач. Расул Гамзатов в своем недавнем интервью справедливо заметил, что в Дагестане из каждого хутора норовят сделать отдельную республику, дабы заработать на этом политические очки. Чаще всего занимаются всем этим люди, не обремененные никакими талантами и способностями, кроме принадлежности к своей национальности, поэтому принадлежность эту они возводят в некий ранг, позволяющий им вещать от имени своего народа и требовать для себя государственных должностей и привилегий.

На мой взгляд, дагестанская государственность должна строиться не с пограничных столбов (в Европе, кстати, их постепенно уничтожают), а с укрепления благосостояния граждан, роста общественной культуры, с поиска общенациональной идеи, способной сплотить все его народы, направить их энергию на созидательный труд.

ИСТОРИЯ



Магомед БУТАЕВ,
профессор

Мрачные тайны 30-х

30 октября – День памяти жертв политических репрессий

В последнее время мы стали более пристально всматриваться в годы и судьбы. В героику прошлого и трагические страницы биографии своей родины. В те годы, веря в чудесное будущее, люди гибли на баррикадах, строили магнитки, объединялись в колхозы, а многие теряли жизнь в годы репрессий. Хотя ежедневно читали и слышали, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Партия сумела максимально использовать для своей цели веру в идеалы коммунизма, в том числе и творческую энергию значительного большинства творческой интеллигенции. Сейчас даже трудно представить, как миллионы людей, имея лишь минимум самого необходимого для человеческого бытия, верили, что они подлинные творцы судеб мирового пролетариата. И эту веру не удастся отнять у моего поколения.

Память хранит не только счастливые, но и горестные страницы нашей истории. В 1937 году шестиклассником сельской школы автор этих строк вместе с другими под диктовку учителя затушевывал портреты очередных «врагов народа», недавних вождей партии и комсомола, героев революции и гражданской войны. В конце концов, почти весь учебник оказался в фиолетовых пятнах. Эти пятна становились белыми пятнами истории на долгие годы. Теперь мы обращаемся к ним с высоты «периода гласности».

Сегодня мы знаем, что народы Дагестана понесли огромный урон в тридцатых годах. Необоснованным репрессиям подвергались многие дагестанские коммунисты – участники трех революций в России, борцы за установление советской власти в Дагестане. Невосполнимы утраты в среде научной и творческой интеллигенции. Почти поголовно была истреблена едва зародившаяся после революции национальная интеллигенция. Значительная часть культурного и научного наследия была скрыта от народа. Пресловутым каленым железом выжигалось национальное самосознание и достоинство. И делалось это под лозунгом борьбы с мнимым национализмом. Страх быть объявленным «националистом», увы, сохраняется до сих пор. В тюрьмах, в лагерях оказались почти все, кто высказывал тревогу за состояние национальной культуры и судеб родных языков, кто добрым словом отзывался о Шамиле, кто санкционировал исполнение песни «Храбрые горцы, угнанные царем в Сибирь». Кампания «раскулачивания» уничтожила самую инициативную часть крестьянства. Словом, колючей лагерной проволокой было опутано столько талантливых сынов и дочерей республики: и крестьян, и рабочих, и интеллигентов, и партийных, и беспартийных, и арабистов, и просто верующих. Как знать: останься они живы, насколько далеко шагнули бы мы! У нас выкрали наше будущее на несколько десятков лет. В заключении оказалась совесть, справедливость и правда Страны гор.

Организаторы репрессий не стеснялись в подборе выражений. «Мерзавцы», «подонки», «агенты», «шпионы», «разгромить до конца змеиные гнезда буржуазных националистов, предателей» – вот что произносилось на пленумах, собраниях, на судилищах, вот что писалось в статьях, передовицах республиканских газет 1937-1938 гг. А какую роковую роль в развязывании террора в республике сыграли статьи спецкоров «Известий» И. Шустер – «Буржуазные националисты орудуют в Дагестане» (21 сентября 1937 г.) и «Правды» М. Мизенина – «Гнилая позиция Дагестанского обкома» (24 сентября 1937 г.). Гнусная клевета авторов послужила основанием, чтобы обезглавить руководство Дагестанской АССР, объявить «врагами народа» сотни ни в чем не повинных людей. Неблаговидную роль в расправе над комсомолом Дагестана сыграла статья «Политические слепцы в Дагестанском обкоме», опубликованная в газете «Комсомольская правда» (20 сентября 1937 г.). Неблаговидна была в этом и роль местной печати.

Но кто составит полный мартиролог жертв репрессий? Кто знает сколько их? Разве что ледяные могилы ГУЛАГа. Любая цифра, которую сейчас называют даже по нашей относительно небольшой республике, увы, неточна. Цифру, конечно, восстановят. Но за каждой «единицей» оборванная жизнь. Кто измерит страдания родственников погибших! Согласно данным докладной записки обкома партии и ЦК ВКП(б) от 17 августа 1937 г., из партии было исключено около четырех тысяч коммунистов (по нашим подсчетам, за неполных четыре года – с 1934 по август 1937 – **М.Б.**), в том числе 5 членов и кандидатов в члены бюро обкома партии, 15 членов обкома, наркомов и других руководящих республиканских работников, 37 районных партийно-советских работников, 75 хозяйственников, директоров и инженеров предприятий… Фактически партийная организация к 1937 году лишилась более половины своего состава. Притом наиболее образованной и политически активной ее части.

Многих старых революционеров очень тревожили ненормальные явления, которые все чаще наблюдались в жизни республики. Они были потрясены необоснованными репрессиями, арестами своих товарищей. Но любая попытка выступить в их защиту оборачивалась расправой. Одних представителей старой гвардии сталкивали с другими и, в конечном счете, страдали все.

Великая Отечественная война была самой суровой критикой тех извращений в жизни областной партийной организации, которые стали приоритетными в предвоенные годы в условиях расцвета культа личности. Ликвидировав местную, дагестанскую, интеллигенцию, людей науки, искусства, литературы Ломоносов, Савин, Конорев, Махаев, Камфорин, Маммаев, Му-

хамедов и их приспешники поставили дагестанский народ лицом к лицу с дефицитом квалифицированных национальных кадров. Последствия этого ощущаются и поныне, особенно в области гуманитарной. Нарушена была преемственность, традиционная система школьного и вузовского образования, ибо были выбиты достойные деятели просвещения, науки, культуры. Люди признанные, такие как Э. Капиев, Ю. Гиреев, А. Салаватов, А. Патахов, ходили с репутацией подозрительных. Они так и ушли из жизни, не удостоившись заслуженного в то время признания.

Сейчас, когда пришла пора пересмотра многих исторических концепций, обществоведы республики оказались лицом к лицу с проблемой прочтения огромного количества документов и материалов, написанных и изданных с использованием арабского алфавита, поскольку не могут прочитать их. А ведь на этом алфавите в Дагестане столетиями, вплоть до 30-х годов, писались многие труды по истории, философии, праву, издавались учебники, газеты, литературные произведения. По весьма неполным данным одних книг было издано около 500.

Известно, что накануне Октября (1917 г.) в Дагестане насчитывалось 740 мусульманских школ, в которых обучалось около 7,5 тысяч учащихся. Они составляли половину всех мусульманских школ на Кавказе. На эту особенность горской жизни указывал еще в середине XIX века русский академик, один из основоположников научного изучения кавказских языков П.К. Услар: «Если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации». А известный советский историк М. Н. Покровский писал: «Эта груда горных скал (Дагестан – **М. Б.**) была едва ли не самым грамотным местом на Кавказе».

Все мы являемся свидетелями той огромной работы, которая ведется сейчас для восстановления доброго имени и увековечения памяти многих политических деятелей, ученых, представителей нашей литературы и искусства, больших патриотов земли нашей, которые, не оборвись их жизнь столь несправедливо и трагично, служили бы родине, своему народу еще долгие и долгие годы. Идет этот процесс и в нашей республике. Отмечу хотя бы такой факт. Институты ИАЭ и ЯЛИ ДНЦ РАН в книгах «Борцы за власть Советов», «Возвращенные имена» и других изданиях осветили деятельность славных сынов Дагестана, погибших в 1937-1938 годах. Широко отмечаются юбилейные даты рыцарей революции, деятелей культуры, науки, проводятся научные сессии, вечера памяти, выходят юбилейные статьи.

Пожалуй, самым заметным явлением стал выход в 1997 году сборника документов. Этот необычный сборник – памятник жертвам репрессий 30-х годов в Дагестане – издан на 526 страницах. Такой сборник был издан в Дагестане =впервые – многие документы были засекречены. Теперь гриф «Строго секретно» снят. На мой взгляд, он поможет широкому кругу читателей лучше понять трагедию нашей республики в 30-е годы.

Не секрет, что многие общественные и государственные деятели Дагестана трагических «тридцатых» годов долгие годы упоминались в исторических исследованиях лишь с отрицательной оценкой, как «враги народа», или о них вовсе умалчивалось. Ныне они полностью реабилитированы, статьи о них, как мы отметили, появляются в печати в связи с юбилейными датами. Но в фундаменталистских трудах историков они и сейчас нередко замалчиваются, что и в политическом, и в человеческом плане несправедливо, не говоря уже о том, что мы этим извращаем историю.

На мой взгляд, восстановление для истории имен легендарных личностей, высоко ценимых народом в последние десятилетия, шло как бы втихомолку. В книгах, сборниках, статьях недоговорены их биографии. А о репрессированных можно только догадываться по году их смерти…

По законам человеческой морали нас тревожат судьбы тех, кто безвинно и безвременно погиб. Трагедии тех лет находят живой отклик в сердцах современников. Отрадно, что в авангарде переоценки прошлого оказались журналисты, литераторы, ученые. Они обращают наше внимание на забытые факты, пишут о людях, которые стояли у истоков революции, но которых новое поколение совсем не знает, поскольку они были вычеркнуты из истории. Следует всячески поощрять в этом плане инициативу Г. Гамзатова, А. Агаева, А. Османова, М. Абдуллаева, В. Гаджиева, Г. Каймаразова, Г. Абашилова, А.-Г. Алиева, Г.-К. Какагасанова, С.-М. Акбиева, М.-С. Яхъяева, А. Гаджиева, Р. Джамбулатовой, Дж. Ахмедова, М. Шурпаевой, А. Магомаева и других ученых, писателей, журналистов, стараниями которых на страницах республиканской прессы появились первые публикации о так называемых «врагах народа», репрессиях 30-х годов в Дагестане.

Но это только начало. Это лишь мизерная доля правды о той большой трагедии. При этом надо стремиться, чтобы каждый факт был выверен, подтвержден документами, был безукоризненно точным! Считаю, что если человек был оскорблен публично, то и честь его должна быть восстановлена публично, в этом наш святой долг.

Недопустимо, чтобы нынешняя молодежь не знала имен видных партийных и государственных деятелей, руководивших строительством новой жизни в Дагестане, интеллигенции 30-х годов. Надо глубже и полнее осветить влияние таких фигур, как Д. Коркмасов, Н. Самурский, М. Рютин, К. Мамедбеков, Б. Шеболдаев, А. Тодорский, П. Ковелев, Ю. Шовкринский, Б. Астемиров, И. Алиев, А. Тахо-Годи, М. Далгат, Г. Далгат, М. Атаев, Р. Нуров, Г. Гаджиев, О. Османов, Д. Саидов, М. Шарапилов, Т. Бейбулатов, А. Каяев, Г. Исаев, М. Чаринов, А. Сеид-Гусейнов, М. Куяев, М. Мадиев, Ц. Магомедов, Д. Ибрагимов, Э. Капиев, Х. Арсланбеков, Х. Ханмагомедов, Г. Гаджибеков, А. Шамхалов, И. Махмудов, Ю. Кабуков, Е. Мататов, Г. Чукундалав, З. Феодаев, Г. Штанчаев, Р. Капланов, Т. Булач, М. Магдиев, А. Салаватов, А. Джафаров, Б. Малачиханов, М. Карагишиев, А. Патахов, Ю. Гиреев и многих других, чьи судьбы тогда были сломлены. Никто и ничто не забыто – этот священный лозунг должен относиться не только к героям Великой Отечественной войны, но и к жертвам той беспощадной машины, которая уничтожила ярчайшие дарования.

Замолчать больные вопросы нашей истории – значит пренебречь правдой, неуважительно отнестись к памяти тех, кто осужден и оклеветан невинно. Нам нужна полная ясность для четкого ориентира на будущее, а не подмена одной полуправды другой полуправдой. Пора изобличить доносчиков, «стукачей», организаторов «компроматов», тех, кто с готовностью откликнулся на «госзаказ», по чьей вине возникли трагедии. Это надо живым, как назидание на будущее.

«Государство – это я»

Людовик XIV

Кстати, мы порой упускаем из виду, что еще живы люди, бывшие свидетелями великих и трагических событий далеких уже лет. Нужно спешить! Рассказы очевидцев не заменить никакими куцыми судебными приговорами или постановлениями «троек» тех лет. Нельзя стоять на позиции физического преследования тех, кто так или иначе замешан в кровавых преступлениях времен культа личности. Однако если существуют неопровержимые доказательства их виновности перед судом истории, то пусть общественной карой будет обнародование правды о конкретных преступлениях конкретных лиц, соучастников войны против собственного народа. Сокрытие правды о преступлениях есть потенциальная опасность их повторения.

Привожу некоторые документы, о которых запрещено было говорить долгое время – это мрачная тайна тридцать седьмого года. Читая их, не можешь не содрогнуться от сознания произвола, чинившегося в отношении наших людей, в том числе и тех, кто своей кровью завоевывал советскую власть в Дагестане. В этой связи характерным является «дело» члена обкома партии, красногвардейца, члена партии с 1919 года Юсуфа Шовкринского, арестованного в 1937 году. Того самого Шовкринского, который был культпропом дагестанского обкома партии, был личным другом Михаила Томского, Николая Тихонова, Владимира Канторовича и других видных общественных и литературных деятелей страны.

«Государство – это не я»
Аркадий Давидович

Из застенок Юсуф Шовкринский писал Сталину, писал потому, что для него он воплощал партию и социализм, он не знал тогда правду, не знал того, что мы сейчас знаем. В своем письме из тюрьмы в КПК ЦК ВКП(б) Шовкринский писал на куске своей нательной рубашки.

«Я горец из Дагестана. Отец, дед – сапожник. Участвовал в Гражданской войне. Мой отец, брат и я подвергались жестоким репрессиям со стороны белых и турок. Окончил университет в Москве. А теперь я превращен в изменника Родины, буржуазного националиста… Ведь я не один. Здесь таких, как я, невинно погибающих, десятки и десятки из горцев Дагестана. А сколько уже померло в тюрьме!

Злодеи и негодяи сначала мучили пытками, одних заставляя давать клеветнические показания на себя и на десятки других, а потом и этих принуждая оклеветать и себя и третьих. Своей целью злодеи поставили разгромить актив национальной части Дагестанской парторганизации и применяли для ее достижения все средства.

Где же наш великий Сталин? Неужели вы верите нашим вынужденным признаниям, добытым под поркой?. .»

Надежды на кремлевскую «доброту» были тщетны. Без единого доказательства вины постановлением особого совещания НКВД Шовкринский был осужден. Его жизнь оборвалась в далекой Коми АССР в 1943 году. Ему было всего 40 лет. Трагедия коснулась и детей. В 1942 году была арестована и осуждена на десять лет лишения свободы его семнадцатилетняя дочь Октябрина. В приговоре по ее делу читаем, что «она, будучи дочерью врага народа, контрреволюционера и буржуазного националиста Ю. Шовкринского, питая острую ненависть к вождям мирового пролетариата, задела портрет вождя…» Надо же до такого додуматься!

Тридцатые годы… Пожалуй, трудно назвать другой период в нашей истории, в который мы сегодня вглядываемся более пристально. Время двуликое – великое и тяжелое. Оно вошло в историю страны как годы невосполнимых потерь, заблуждений, активного растворения талантов в массе и в то же время как эпоха исканий романтиков, открытий, трудового энтузиазма, крупных творческих результатов, изменивших облик Страны гор.

Это сложное десятилетие наложило отпечаток на судьбы тысяч людей, унесло жизни преданных высоким идеалам многих талантливых художников и ученых, государственных и политических деятелей, работников просвещения и здравоохранения, чьи имена сегодня вписаны в летопись Дагестана. Свою, подчас трагическую, участь наша интеллигенция в полной мере разделила со своим народом. Она не только страдала, но и созидала, творила, побеждала тоже вместе с народом.

Все это было. С болью в душе приходится отмечать, что трудно назвать уголок республики, где хоть кого-нибудь не коснулись руки тех, кто именем народа вел тайную войну с собственным народом. Мы должны знать, как это произошло, чтобы никогда никто не смог выкрасть наше будущее снова под любыми лозунгами. Изучение прошлого – спасение нашего будущего и его гарант.

СОБЫТИЯ

Республика поделилась опытом

В Махачкале 1-3 октября прошла научно-практическая конференция «Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации». Приуроченная к 10-летию со дня образования Регионального центра этнополитических исследований ДНЦ РАН, она была организована Министерством по национальной политике, информации и внешним связям РД, Ассамблеей народов России и городской администрацией.

Доклады участников конференции были посвящены актуальным проблемам современного Северного Кавказа: социально-экономической, политической и демографической, проблеме этноконфессиональной толерантности, идеологической консолидации и информационно-психологической безопасности региона и республики. «Дагестан с его пестрой этнической картой избежал возникновения межнациональной розни, – сказал в своем приветственном слове председатель президиума ДНЦ РАН И. Камилов. – И сейчас как никогда остро чувствуется необходимость этнополитических исследований».

Член Госсовета РД, первый проректор ДГУ Л. Авшалумова, выступившая на конференции, подчеркнула важность религиозного гуманизма как фактора этноконфессионального согласия. Доклад министра по национальной политике М. Гусаева затронул проблему национальных движений, чья деятельность порой дестабилизирует политическую обстановку в регионе. О необходимости обсуждения вопросов межнациональных отношений и, в этой связи, значении Центра этнополитических исследований говорил председатель Комитета Госдумы ФС РФ по делам национальностей В. Никитин. В докладе главы администрации г. Махачкалы С. Амирова анализировался опыт разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе.

Особый интерес вызвало выступление члена Совета Федерации ФС РФ Р. Абдулатипова. По его мнению, в сегодняшних реалиях народам России необходимо стремиться к единению, сохраняя при этом свою самобытность. В своей речи Р. Абдулатипов подчеркнул также примат индивидуальных прав человека над интересами коллектива.

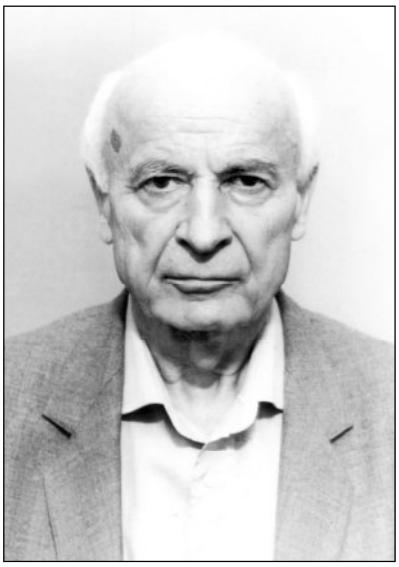
Участники конференции работали также на секционных заседаниях «круглого стола».

Джамал РАБАДАНОВ

РЕЛИГИЯ

Мухаммад-Нури ОСМАНОВ

«Коран призывает к добру, а не к ненависти»



На вопросы редакции журнала отвечает переводчик текста священной книги мусульман на русский язык, доктор филологических наук, профессор Мухаммад-Нури Османов.

– Коран переводили с арабского на разные языки мира много раз. Вы являетесь автором одного из самых последних полных переводов священной книги мусульман на русский язык. В чем принципиальная разница между вашим переводом и предыдущими?

– Все предшествующие переводчики делали дословный перевод коранического текста. И дело здесь не в том, что они плохо знали арабский язык. Среди них были такие блестящие арабисты, как академик Игнатий Крачковский, осуществивший, на мой взгляд, лучший дословный перевод Корана на русский. Однако дословный перевод, как бы он ни был хорош, не может дать читающему четкого представления о смысле сказанного. Многие словосочетания и аллегории, имеющиеся в Коране, просто не могут быть переведены дословно, так как при этом полностью теряется их смысл. Школа дословного перевода священного писания возникла еще в раннем средневековье, когда появились первые переводы Библии. Переводчики, боясь исказить священное писание, чаще всего переводили его дословно, иногда делая комментарии или пояснения непонятных мест в тексте. Подобная школа перевода сохранилась в мире до сих пор, и почти все переводы Корана на европейские языки, как, впрочем, и на восточные, выполнены именно так. Первый перевод Корана был сделан на персидский язык в X веке и также был дословным. До недавнего времени в Иране и Турции все переводы священного писания ислама были буквальными.

Начав переводить Коран, я поставил перед собой задачу раскрыть смысловое содержание священного писания, которое очень часто совершенно не совпадает с дословным переводом. Осуществляя перевод, я опирался не только на текст Корана и толковый словарь арабского языка, но и на многотомные тафсиры – комментарии к священной книге, толкующие многие сложные места в тексте. Те фразы текста, которые трудны для понимания, я перевел дословно, снабдив их пояснительными комментариями. Такая необходимость возникла потому, что в любом языке есть много словосочетаний, которые без подробного объяснения не могут быть правильно восприняты носителем другого языка.

Самую большую сложность в этом смысле представляет перевод переносного значения некоторых выражений, например, метафор и аллегорий. При их переводе лишь иногда удается находить похожие по смыслу словосочетания, но чаще всего приходится комментировать и пояснять дословный перевод. Например, в Коране есть такое выражение «все равно, что есть мясо покойного брата». В дословном переводе эти слова выглядят, мягко говоря, шокирующе. Однако в арабском языке выражение «съесть чьелибо мясо», кроме буквального смысла, имеет еще и переносный, и означает «злословить о ком-либо в его отсутствие». Есть и соответствующее ему русское выражение «перемывать косточки». То же самое касается и слова «птицы», в большинстве переводов Корана передаваемого везде дословно. На самом деле в одном из контекстов это слово обозначает не птиц, а дурные предзнаменования – оно многозначно. Нередко в таких случаях переводчики заходят в тупик, не зная, что лучше: дать дословный перевод с пояснением или подобрать подходящее по смыслу русское выражение, приведя в комментарии дословный текст оригинала. Поэтому я и взялся за смысловой перевод текста священной книги, который явился первым подобным переводом на русский язык.

– Что при переводе кораническо го текста было наиболее сложным?

– С тех пор, как текст Корана был графически изображен на бумаге, он совершенно не изменился. В принципе, так оно и есть. Однако необходимо знать специфику арабского письма того времени. У арабов отображались на письме лишь согласные звуки; диакритические знаки или огласовки, заменяющие в арабском письме гласные, были добавлены к тексту Корана гораздо позднее. Кроме того, многие согласные буквы в арабском письме очень похожи друг на друга и различать их позволяют лишь точки сверху или снизу символа буквы, которые тоже не существовали в первоначальной рукописи Корана, кодифицированной при халифе Османе. В этой ситуации говорить о полной неизменности текста, конечно же, не приходится. Подтверждают это и комментарии к Корану, в которых для некоторых мест в священной книге даются различные толкования с указанием того, что данное слово или словосочетание может быть прочитано и по-другому.

Исходя из мусульманского миропонимания, Коран не записан и не сотво-

> ***«Когда люди не верят ни во что, они готовы поверить во все».***
>
> ***Ф. Шатобриан***

рен, он извечно был в божественном знании и в форме откровения был ниспослан пророку Мухаммаду. Истинный смысл Корана знал только сам пророк, и пытаться встать на один уровень с ним невозможно.

Священную книгу можно переводить миллионы раз, и в каждом новом переводе обнаружатся новые, еще неизвестные до этого, нюансы. Человеческий разум совершенствуется из века в век, и также совершенствуется понимание мыслей, изложенных в божественном откровении. Коран призывает к добру, а не к ненависти. И однозначно толковать в нем отдельные части текста, связанные с такими тонкими сферами, как война или веротерпимость, могут лишь безответственные люди.

Нельзя забывать и о том, что многие аяты в Коране были отменены позднее ниспосланными аятами: первые именуются «мансух» – отмененные, а вторые «насих» – отменяющие. Кроме того, за протекшие века часто менялась арабская орфография, что тоже создает определенные трудности при переводе текста. Вспомните хрестоматийный оборот «казнить нельзя помиловать»: место постановки запятой меняет смысл на противоположный.

Помимо прочего, за долгие годы изучения священной книги мусульманскими учеными развивалось понимание Корана, многие места в котором, как я уже говорил, могут быть поняты по-разному. Переводчик должен выбирать наиболее близкое к духу Корана толкование того или иного аята или слова. В тафсире видного мусульманского ученого IX-X веков Табари одному слову иногда придается до шести значений, при этом нигде не говорится, какое же из них предпочтительнее. Переводчику предоставляется широкий простор для выбора, и искусство переводчика состоит в том, чтобы выбрать наиболее соответствующий общему духу Корана смысл того или иного выражения.

В любом языке очень много труднопереводимых выражений. Часто слова меняют свое значение и функцию в процессе развития языка. Вот, например, мы говорим по-русски «красные чернила», но это ведь все равно, что сказать «честный вор». Красные чернила – это оксюморон – оборот, в котором противоположные или контрастные слова обретают неожиданное смысловое единство. Изначально жидкость, посредством которой люди пишут, была черной, поэтому и стала по-русски называться чернилами. С появлением же чернил разного цвета появились выражения «красные чернила», «черные чернила» и так далее. Вот и получается, что слово, сохранив свое функциональное определяющее значение, утратило одно из своих прежних свойств.

Такой словесной проблематики в Коране великое множество, и подчас ее не замечают. Взять, например, слово «китаб». Перевести его можно как «писание» или «то, что написано рукой», но слово «китаб», употребленное в Коране вместе с такими словосочетаниями как «божественное знание» и «ясное руководство», превращается в метафору.

> ***«Если люди настолько плохи, обладая религией, кем бы они были без нее?»***
>
> *Бенджамин Франклин*

– Сколько же существует переводов Корана на различные языки вообще?

– В мире существует около 3 000 опубликованных переводов Корана. На один лишь язык урду есть более 700 переводов священной книги. Известно около 300 переводов Корана на персидский язык. Столько же приблизительно и на турецкий. Однако нельзя считать эти данные полными, потому что в Турции и Иране есть много неучтенных и неизданных рукописных вариантов перевода, которые существуют в единственном экземпляре и хранятся в мечетях на протяжении веков. На русский язык осуществлено около 10 переводов Корана, среди которых и мой.

– Как востоковед, что вы можете сказать о переводе смыслов Корана, осуществленном Валерией Пороховой?

– Судя по самому переводу, можно сказать, что уважаемая переводчица не знает в должной мере арабского языка. Хотя она уже много лет живет в Сирии, но освоить арабский в такой степени, чтобы достоверно перевести священное писание, ей, по-моему, так и не удалось. Она пошла по самому легкому пути и, взяв за основу дословный перевод Крачковского, зарифмовала некоторые его фрагменты, назвав свою работу «Перевод смыслов Корана». Но вся беда-то в том и состоит, что смысл остался при этом за кадром, так как перевод Пороховой полностью основан на работе Крачковского. Последний прекрасно знал арабский язык и, делая свой перевод, допускал смысловые неточности сознательно, так как этого требовали стандарты дословного перевода. Порохова же, не зная тонкостей языка, повторила все их слепо. Поэтому, несмотря на невероятные слухи о том, что этот перевод был признан египетскими учеными каноническим, могу сказать, что употребление подобной терминологии в отношении переводов Корана вообще недопустимо. Приведу лишь один пример. Как-то в беседе с одним крупным религиозным деятелем Ирана – аятоллой Тасхири – я сказал, что даже сотая редакция перевода Корана не может быть окончательной, на что получил лаконичное подтверждение: «Да. Этому нет конца». Перевод священной книги – процесс бесконечный, и каждая последняя его редакция неизбежно будет отличаться от предыдущей. Коран не просто отражает быт и реалии аравийского общества, в котором жил Мухаммад – да благословит его Аллах и приветствует – кому было ниспослано откровение, хотя и это само по себе уже намного усложняет процесс достоверного перевода текста, прошедшего через века. Это, прежде всего, книга вечных ценностей, которая предопределяет дальнейший ход развития истории, поскольку является божественным знанием.

– Многие слова в Коране стали предметом безответственных спекуляций, как бы вы прокомментировали аяты о джихаде – священной войне, которые часто берут на вооружение экстремистские силы? Как вы вообще относитесь к термину «исламский экстремизм»?

– Нужно искать в Коране объединяющее начало, так как ислам – религия мира. Нашим ретивым реформаторам ислама в Дагестане тоже следует вспомнить коранические слова о том, что нет принуждения в вере. Каждая религия – это дорога к Богу, и клеймить всех тех, кто придерживается другого пути, предрекая им адские муки, недопустимо, ведь духовные лица – тоже всего лишь люди. Ислам нельзя превращать в поле битвы, где невежественные люди пытаются навязать свое мнение силой.

Многие аяты в Коране, в том числе и аяты о джихаде, являются ситуативными. То есть, относящимися к конкретной ситуации или случаю. В отличие от фундаментальных аятов, которые вечны и неизменны, ситуативные аяты нельзя абсолютизировать и распространять их действие на то, что не имеет к ним отношения. Многие ситуативные аяты являются отмененными. Приведу в качестве примера аяты о вине. Первый аят говорит «не совершайте ритуальную молитву, будучи пьяным», отсюда логически можно сделать вывод, что не стоит пить вино перед сроком совершения молитвы, а в остальное время можно пить. Второй аят гласит «в вине много полезного и вред-

ного, но больше вредного, чем полезного». Этот аят также относителен, так как прямого запрета употреблять вино в нем нет. В третьем аяте наряду с вином перечисляются также свинина, мертвечина и азартные игры, которые в других местах Корана объявлены запретными – «харам». Говорится, что все они являются деяниями шайтана, и нужно сторониться их. Но и тут мы не видим категорического запрета пить вино. Но поскольку вино здесь перечислено с другими запрещенными Кораном деяниями, и оно считается запретным.

В исламе только два учения или мазхаба, маликитское и ханафитское, понимают слово «джихад» однозначно – «сражение и гибель за веру». Само же это слово, происходящее от арабского глагола «джахада», имеет несколько значений и переводится не только как сражение за веру, но и как усилие, усердие, старание в достижении чего-либо хорошего, например, в учебе, строительстве и т. д. К «джихаду», в этом смысле, можно отнести и помощь сиротам, и раздачу милостыни, и рождение детей. Поэтому толковать слово «джихад» в одном значении – значит грешить против истины.

Что касается термина «исламский экстремизм», то я считаю его недопустимым. Экстремизм, в какие бы одежды он ни рядился, остается экстремизмом. Тенденцию радикализации ислама во многих регионах, конечно же, отрицать нельзя. Но виноват в этом не Коран и не ислам, а люди, которые, вводя в заблуждение других, способствуют кровопролитию и имеют с этого разного рода дивиденды. Часто люди, выкрикивая религиозные лозунги, хотят достичь политических и экономических целей, стремясь к вполне мирским благам. Некоторые из этих людей, возможно, искренне веруют, что они вершат доброе дело во имя Аллаха, но в основном радикализм этот взращивается на почве корысти.

Нужно разграничивать, что имеется в виду, когда говорят о джихаде. Надо помнить о том, что Мухаммаду пришлось всю свою жизнь посвятить борьбе с теми, кто не принимал ислам, и постоянно находиться под угрозой внешней опасности. Этим и объясняется такая радикальность некоторых ситуативных аятов. Но радикализм нельзя выдавать за основу мусульманской веры. Если, прикрываясь исламом, убивают невинных людей или безгрешных детей, вершат нечистоплотные дела, называть это подвигом во имя религии кощунственно! Я не думаю, что на весах Аллаха могут перевесить какие бы то ни было поступки, запятнанные кровью непорочных младенцев. Тот, кто проповедует исламские идеи, не должен на практике совершать то, что он осуждает на словах. К сожалению, мы сплошь и рядом видим, что это делается.

– Совет алимов Дагестана в свое время выносил по поводу вашего перевода две взаимоисключающие резолюции: одну – положительную, другую – отрицательную, с чем это, по-вашему, связано?

– Два этих решения показательны и напоминают театр абсурда. Первый вердикт Совета алимов гласил, что мой перевод «признан наилучшим среди имеющихся». После критики некоторых членов Духовного управления за откровенное невежество, видимо, в отместку, было вынесено второе решение с формулировкой, что мой перевод «далек от истины и противоречит нормам ислама». Странно, что одни и те же люди могли принять два столь противоречивых решения. При таком хамелеонстве о людях, которые к нему склонны, говорят, что у них семь пятниц на неделе. Люди, критикующие мою работу, не в состоянии сами осуществить перевод Корана из-за поверхностного знания арабского и совершенно плохого знания русского языка. Сами они вынуждены использовать чужие переводы, но пытаться давать при этом квалифицированную оценку чьей-либо работе вообще безнравственно. Настоящие ученые всегда пытаются сами добраться до истины, не занимаясь бесконечной эксплуатацией плодов чужого труда. Я убежден, что без знания всемирной истории, философии и истории религий нельзя претендовать на роль образованного человека и уж тем более учить исламу. Да и вообще, у нас в последнее время чуть ли не каждый человек, несколько раз посидевший на мавлиде, мнит себя алимом и считает себя вправе давать оценки всему, что происходит в исламском мире, навешивать на других ярлыки и судить о том, что никак не может входить в сферу его компетенции. Но тот, кто учит других, как совершать намаз, соблюдать пост и вести себя во время хаджа, вовсе не алим, а всего лишь гид. У католиков отлучить от церкви может только римский папа, у православных – священный синод, у нас же каждый малообразованный сельский мулла чуть что кричит, что кто-то кафир, вероотступник. Такое, безусловно, недопустимо. Чтобы рассуждать на религиозные темы, нужны фундаментальные знания Корана и хадисов. Кстати, существует немало поддельных хадисов, которые тоже часто принимаются за чистую монету и берутся на вооружение некоторыми несведущими людьми. Даже в сборнике хадисов Бухари, считающемся самым правдивым, специалисты признают около сорока хадисов недостоверными.

– Как же отличить настоящие хадисы от поддельных?

– Как известно, хадисы – это рассказы о словах и действиях Мухаммада, и состоят они из двух частей. Первая часть – само повествование из жизни пророка, а вторая – перечень людей, передававших смысл хадиса друг другу. Если в этой цепи обнаруживаются имена людей, которые хронологически никак не могли встретиться, чтобы поделиться между собой этой информацией, хадис признается поддельным. Кроме того, нельзя забывать, что некоторые передатчики намеренно искажали истинный смысл хадисов во имя достижения каких-либо собственных целей, других просто-напросто подводила память. Весь комплекс этих вопросов должны изучать и знать люди, претендующие на звание исламских ученых. Объявить себя исламоведом не составляет большого труда, а вот вникнуть в смысл множества проблем, существующих в современной мусульманской теологии, гораздо сложнее.

– В последние годы заметно усиление роли ислама в жизни дагестанского общества, однако разные люди относятся к этому по-разному. Кто-то желает, чтобы эта роль была еще сильнее, кто-то выступает против излишнего, на их взгляд, влияния религии на жизнь республики. Как вы относитесь к этим тенденциям?

– Все граждане любой страны должны соблюдать конституцию и законы этой страны. Нельзя забывать, что у нас религия отделена от государства. Государство у нас светское. Оно не может и не должно отдавать предпочтение ни одной религии. Представители разных конфессий должны быть в равной степени защищены государством, исключая приверженцев фанатических и экстремистских организаций, которые запрещены законом. С другой стороны, никакого навязывания своих убеждений, тем более религиозных, быть не должно. Важнейшим атрибутом цивилизованного общества и государства является полная веротерпимость. Мирное сосуществование всех народов и религий в современном мире стало еще большей необходимостью, чем когда-либо до этого.

Кстати, о веротерпимости. Сегодня часто приходится слышать об Исламской Республике Иран, как об оплоте экстремизма и радикализма и в исламском мире. В свете этих высказываний вам, думаю, будет небезынтересно узнать о том, что один из лидеров исламской революции в Иране, Мохаммад Хосейн Бехешти – образованнейший человек своего времени, учившийся в Германии и бывший офи-

циальным преемником аятоллы Хомейни – был убежденным сторонником идеи о недопустимости какой-либо религиозной вражды, чему ваш покорный слуга был непосредственным свидетелем. Звероподобный облик ислама, который подчас создают некоторые безответственные журналисты и политики, никак не сочетается с открытостью и терпимостью взглядов представителя одного из самых строгих течений в исламе. Мохаммад Хосейн Бехешти умер, но тех, кто признает его авторитет и разделяет его мнение, в исламском мире по сей день немало.

– Как вы относитесь к тому, что ислам порой превращают в моду, в прямом и переносном смысле этого слова. Исламская одежда и пятикратный намаз для многих – искреннее стремление приблизиться к Богу, но для некоторых лишь дань моде. Что перевешивает на весах ислама: внутренняя вера или ее внешние атрибуты?

– Конечно же, самое главное в исламе – это глубокая вера во Всевышнего, а не обрядовая сторона. Ведь сам Аллах является духовной, а не телесной субстанцией, хотя многие, например, ханбалиты и маликиты в исламе придают ему антропоморфические черты, ссылаясь на то, что в Коране есть такие слова, как «десница Аллаха» и «лик Аллаха». Но если бы Бог был телесной субстанцией, он должен бы был обладать телесными качествами. Поэтому шафииты, ханафиты и шииты, напротив, понимают эти слова, как метафоры, имеющие переносный смысл.

К сожалению, у нас значительная часть населения и малообразованного духовенства основное внимание уделяет именно внешним проявлениям религиозности. Как ни странно, при этом нередко нравственность и вера отходят на второй план. Нельзя в религиозном мышлении возвращаться на столетия назад. Буквальное понимание многих утверждений в Коране нередко вводит людей в заблуждение. Когда речь заходит о религии, нельзя подходить к этому безответственно и, без какой-либо подготовки, самовольно толковать отдельные фрагменты священного писания. Если дело доходит до прямого разжигания межрелигиозной розни, то тут невежество уже граничит с преступлением.

Люди, не обремененные большим грузом знаний, пытаются и текст священной книги низвести до своего уровня. Малообразованные фанатики уже доходят до того, что материализуют райские блага, представляя рай как некое мирское пиршество. Конечно, в их примитивном понимании и не могут родиться иные образы, но навязывать это понимание другим людям, выдавая

его за абсолютную истину – метод достойный дикарей, а не теологов.

Что же касается внешних признаков набожности, то они, к сожалению, нередко служат лишь благопристойной ширмой, за которой кроется полное отсутствие истинной веры. Но нужно помнить, что пышные мавлиды и щедрая раздача садака после смерти того или иного человека не могут никому служить пропуском в рай. Добрые дела люди должны делать при жизни.

– Не секрет, что некоторые новоявленные проповедники ислама и ревнители его чистоты раньше проповедовали атеизм, а некоторые и вовсе были известны не с лучшей стороны, мошенничали, воровали? Как относиться к таким людям?

– Это перерожденцы, беспринципные люди, которые в зависимости от ситуации готовы проповедовать что угодно и служить кому угодно. Их не пугают даже упреки в измене своим прошлым убеждениям. Они всегда найдут, что сказать в свое оправдание, сваливая свое прошлое поведение на давление со стороны системы или отдельных людей. Для таких приспособленцев важны не идеи, не нравственная чистота, а земные блага, которые можно получить для себя. Если люди, кроме приспособленчества, не имеют других талантов, любой режим и любая идея для них станут кормушкой и источником дохода. К сожалению, нередко, мы видим это и у нас, в Дагестане.

– Сейчас вы занимаетесь работой над третьей редакцией перевода Корана, каковы ваши дальнейшие творческие планы?

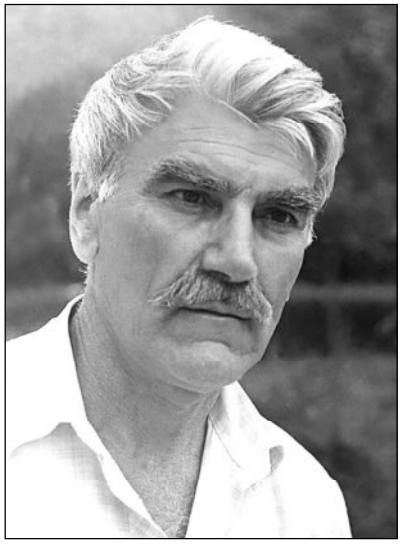
– Завершить работу над третьей редакцией перевода я собираюсь к концу этого года. Опубликован Коран будет с арабским текстом, перевод которого планируется расположить отдельными пассажами, составляющими тематико-смысловое единство. Помимо работы над третьей редакцией, я составляю словарь трудных слов и выражений Корана. Под трудным я подразумеваю то, чего нет в прекрасном арабско-русском словаре Баранова, считающемся одним из лучших в мире. Использовал я и большой арабско-арабский словарь к Корану, выпущенный Академией арабского языка в Каире. Нужно сверять каждое слово со множеством источников, чтобы не допустить ошибочного толкования.

– Что для вас значит эта работа?

– Меня часто спрашивают, почему я перевожу Коран? Но никому же не взбредет в голову интересоваться, почему поэт пишет стихи, учитель учит, а певец поет? У каждого свое призвание, которое, увы, нередко не совпадает с основным занятием в жизни. Есть люди, которые в свободное от основной работы время занимаются любимым делом. В этом смысле мне повезло. Мое любимое дело – это моя профессия, которой я могу посвящать все свое время без остатка.

В заключение хотел бы сказать, что не оскорблял никого из своих оппонентов, а лишь на их оскорбительные выпады отвечал едко и резко. И впредь готов полемизировать с кем угодно, но в уважительном тоне, без угроз и оскорблений. Готов встретиться с любым оппонентом за круглым столом (на телевидении или в редакции газеты), но при одном условии: не переходить на личности, обойтись без приклеивания ярлыков. Дело не в том, что я кого-либо боюсь. Я ничего и никого не боюсь кроме Аллаха и закона – просто я бы хотел полемизировать с образованными и интеллигентными людьми. Честь имею кланяться.

Беседовал Мурад АХМЕДОВ



Далгат АХМЕДХАНОВ

Полосатое солнце менталитета

О чем можно подумать, услышав такую рекламу продукции кизлярской птицефабрики: «Бери, хорошие яйца, директор – русский, курам дает все что надо…»

Если вычленить главную мысль из всех возникающих, то, как ни прискорбно, ее можно сформулировать приблизительно так: то, что директор не мошенничает, женщина напрямую связывает с его национальной принадлежностью. Если не вся правда, то значительная ее доля в таком выводе есть.

Что тут прискорбного? Забудем свое прежнее ханжество и признаем, что в национальном портрете каждого народа есть разные краски, у каждого свои национальные, специфические черты. У дагестанцев есть общие со всеми кавказцами характерные особенности. Но мы сильно отличаемся от закавказцев, сохраняя в то же время много общего с северокавказцами. Однако мы и не такие, как жители соседних республик – мы все-таки другие. А дома мы тоже отличаемся друг от друга. Стоит любому из нас сказать, откуда, из какого района и села родом он сам или его родители, как окружающие моментально и непроизвольно сделают о нем хоть какое-то заключение. Оно может затем утвердиться или кардинально измениться, но нечто неуловимое, проскальзывающее в оттенках поведения, пусть совершенно незначительных, все же остается. И это «нечто» позволяет нам, дагестанцам, отличать себя друг от друга, позволяет нам и лучше друг друга понимать.

К чему все это? К тому, что с течением времени все изменяется. Становимся другими и мы. И эти трансформации не равнозначны. Есть со знаком «плюс», но есть и со знаком «минус». Сегодня мы находимся на довольно крутом повороте своей истории. Предполагаю, это четвертый такой поворот за последние двести лет. Первый произошел в начале девятнадцатого века, когда Дагестан присоединился к России. Второй, когда в середине того века закончилась Кавказская война. Третий, когда в начале века двадцатого Дагестан стал советским. И четвертый – нынешний, когда мы возвращаемся вместе со всей страной к естественному общественному устройству. На каждом таком изломе происходили качественные скачки не только в политике и экономике. Ощутимым колебаниям подвергались нравственные установки, поведенческие ориентиры людей. Человеческие устремления, оставаясь незыблемыми в своей основе, приобретали новые черты, приспосабливаясь к возникающим в обществе преобразованиям. «И чем дальше в лес», тем больше вариантов такой трансформации, и тем они круче. Что мы сегодня с вами и наблюдаем.

> ***«Нравственность учит не тому, как стать счастливым, а тому, как стать достойным счастья»***
>
> ***Иммануил Кант***

Повторюсь: речь не о масштабных поворотах в политике и экономике, а о тех изменениях в нашем образе жизни, в характере, привычках, нормах поведения, которые им, этим поворотам, сопутствуют. Задумаемся об этом. Иначе не добиться, чтобы минусов было меньше, а плюсов больше. Ведь помимо обусловленных общественным прогрессом, и потому неизбежных, новаций, есть и новации, порождаемые человеческой волей, уровнем нашей культуры. Не такие уж мы беспомощные перед неумолимыми жерновами истории, как нам недавно преподносилось. Что ни говори, а историю делают люди.

Заметили ли вы, что наряду с сохраняющимися в нашем дагестанском характере прежними плюсами и минусами, появляются новые. Причем некоторые из прежних исчезают. Вас не шокирует, что я признаю наличие в нашем общем характере отрицательных черт? Возможно, нет, но наверняка есть и те, кто признавать этого не захочет. Но, думаю, пора уже отказываться от привычки считать себя умнее остальных. Таковых народов нет. Вот, кстати, один наш минус, который все еще живуч. Обратимся к остальным.

Недавно немолодая уже москвичка, приехавшая на лето погостить в Махачкалу, видно, искренняя и умная, рассказывала, какой она пережила шок, попав в ситуацию, когда близкие ей люди, наши земляки, не вернули ей крупный долг, поставив ее в тяжелое материальное положение. «Я всегда считала, – говорила она, – что для кавказца сдержать слово – священный долг, закон, который он не может нарушить. И вдруг – такая беспардонность…»

Она, конечно, не считала всех дагестанцев столь необязательными. Да, людей в заложники для получения выкупа крадут и дагестанцы, и чеченцы, и русские, и кто угодно еще… – у преступности нет национальности. Но в долг у нее взяли ведь не просто знакомые, а очень хорошо знакомые люди. И я вспоминаю, сколько раз приходилось быть свидетелем, как нарушались назначенная дата и время деловой встречи, как повисали в воздухе клятвенные обещания вернуть, позвонить, прийти, вмешаться, не вмешиваться, прислать, отослать, сделать, ни в коем случае не делать… и т.д. и т.п. А ведь нарушение данного, вроде даже по пустякам, слова нередко затем ведет к вероломству и предательству. И не только мне это знакомо, а практически всем, с кем доводилось говорить на эту тему. По всему выходит, что такая необязатель-

ность присуща немалому числу дагестанцев. Что парадоксально на фоне постоянно и публично декларируемого нами крепкого мужского слова, скрепляемого крепким рукопожатием.

Что это так, убеждают и встречи с дагестанцами, живущими за пределами республики. Они говорят, что, занимаясь бизнесом, как правило, избегают деловых контактов с земляками. Завязывая их поначалу и столкнувшись с подобной необязательностью, терпя из-за нее крупные неприятности, преуспевающие дагестанские бизнесмены большей частью теперь избегают такого партнерства. Гораздо меньше шансов попасть впросак, говорят они, вступая в контакт с предпринимателем из российской глубинки, из Москвы или Петербурга, нежели со своим земляком. Разумеется, это не закон, но тенденция – явная.

Зато она же явно свидетельствует о замечательном качестве дагестанского характера – предприимчивости. Посмотрите вокруг – наши люди не могут сидеть без дела. Вся республика превратилась (как только отпустили вожжи) в огромную стройку. А Махачкала – особенно. Частное жилье растет как на дрожжах. Как бы ни было тяжело, как бы резко ни сократилось число рабочих мест на государственных предприятиях, дагестанцы в своем большинстве не канючат кусок хлеба, не ждут, что кто-то их накормит, а, засучив рукава, берут свою судьбу в собственные руки. И зарабатывают тем, на что способен каждый лучше всего: стройкой, автосервисом, прикладными ремеслами, работой на земле, скотоводством, общепитом, сферой услуг, торговлей. Я не вижу беды во множестве возникших рынков, они кормят тысячи людей, а раз кормят, значит, они – благо. Брюзжание по их поводу – рецидив соцвоспитания и соцбыта, когда работа в торговле справедливо ассоциировалась с неизбежным воровством у государства и у потребителя. Сегодня торговец – это предприниматель, воровать у себя ему бессмысленно, у покупателя же есть выбор. А издержки перехода к капитализму со временем исчезнут, хотя негативная сторона предприимчивости (обман партнеров и т.д.) останется. Но это вечная проблема для всего человечества.

Сейчас принято (чтобы не сказать – модно) лить слезы, стеная, что расцвели проституция, наркомания и другие социальные пороки. Как не привести пример древнего мудреца, который две тысячи лет назад обвинял современное ему общество в том же. Вспоминаю слова Расула Гамзатова, который много лет назад, давая интервью, сказал, что в мире ничего в принципе не меняется: все также зимой идет снег, а летом палит солнце. Помню, как в нашем большом дворе, в Буйнакске, в военные и в послевоенные годы жили одна явная и две не очень явных проститутки, и одна пара нетрадиционной сексуальной ориентации. Все, между прочим, местных национальностей. И все об этом знали, даже мы, маленькие дети. Это только в одном нашем доме, в маленьком Буйнакске. Помню, как тогда мои сверстники, школьники, почти не таясь, курили анашу, которую можно было запросто достать у таких же пацанов, как мы, только чуть постарше. Что же изменилось? Ни-че-го. Только одно стало иным: о пороках, наличие которых раньше не признавалось, сегодня можно говорить открыто, что и дает повод утверждать, что они появились вместе с перестройкой и демократией.

> ***«Должно быть нравственность – горький плод, если мы отдаем его женам и сестрам...»***
>
> ***Александр Свентеховский***

Как развивается все, что существует в обществе (образование, телефонизация, компьютеризация), развиваются наряду с позитивными сторонами его жизни и негативные (проституция, наркомания, преступность). Это объективный процесс. И тут ничего не поделаешь. Но если первое – хорошо, то второе – плохо. Чтобы успешно противостоять плохому, надо искоренять его причины, а не лить крокодиловы слезы. Ведь вместе с ангелом всегда существовал и будет всегда существовать дьявол. Всегда были и будут мужчины, желающие легких денег, добывая их войной, грабежом, мошенничеством. И всегда были и будут женщины, торгующие ради легких денег своим телом. Они были во всех городах и весях до всемирного потопа и после него, до революции и после нее, до перестройки и после нее. Будут и впредь. Вопрос только в одном – в каких масштабах.

Ответ на него – тоже один: в таких, в каких позволит уровень нашей культуры. В цивилизованном обществе люди научились максимально использовать развивающийся «позитив», а развивающийся «негатив» загонять в определенные рамки, стараясь его от себя оградить и нейтрализовать с минимальными потерями. Чем выше уровень культуры, тем лучше это удается. Но то – в цивилизованных странах, к коим Россию и Дагестан, в частности, причислить пока трудно. Тогда что же происходит с уровнем нашей культуры? Он растет, вопреки утверждениям об упадке морали? Или, действительно, покатился вниз?

Судя по всему, в некоторых своих компонентах этот уровень все еще оставляет желать лучшего. Вот вам и такой факт. Очень старые муж с женой, дагестанцы, еле встают на остановке с переднего сиденья в автобусе, еле подходят к передней двери и просят водителя открыть ее. Тот принципиально не открывает, отсылает их к задней. Тогда русская женщина заступается за стариков, стыдит водителя, но тот упорствует. Женщина не унимается, желая помочь старикам, требует открыть дверь. И тогда на нее обрушивается с руганью (мол, «русская свинья» и т.п.) сидящий неподалеку молодой парень, тоже наш земляк. Водитель все-таки дверь открыл, а старик, выходя, сказал, обращаясь к водителю и к парню: вы не дагестанцы.

Всегда найдется пример, чтобы подтвердить любую высказанную мысль. Всегда были, есть и будут хамы, в том числе, конечно, и среди дагестанцев. Это не новость. Новость в том, что примеров хамства становится не меньше, если не все больше. Объясняется это увеличением количества городского населения, особенно за счет сельского, молодежь которого почему-то считает, что вправе вести себя в городе, в новых, непривычных для нее условиях, не так, как в родном ауле. Это тоже объективный процесс. У такой молодежи понижается уровень внутренней культуры, постепенно предаются забвению усвоенные с детства народные традиции – уважение к старшим, к женщине, законы гостеприимства, нормы поведения в общественных местах. Громкая музыка по ночам, не дающая спать соседям, громкая – на уровне почти крика – речь на улице молодых людей, не обращающих внимания на окружающих, орущий в салоне маршрутки магнитофон… – все это тоже признаки бескультурья. Базарность поведения становится инструментом самоутверждения, проявлением, как считают такие люди, мужественности, хотя она всегда была и ос-

тается проявлением просто хамства.

Но в фундаменте народного поведения уровень культуры в целом высок, он во многом нередко выше, чем в других регионах страны. Приведу три примера из жизни наших водителей-дальнобойщиков. Это, как правило, простые ребята, не отягощенные особым образованием, но уровень внутренней культуры определяется ведь не бумагами с печатями и высокими должностями, а впитывается с молоком матери, пестуется примером отца, общественной моралью родного города или аула. Поэтому как в капле воды отражается море, так в поведении дагестанцев-водителей за пределами республики отражается уровень культуры всех ее жителей.

На стоянках в других городах, где водители ждут попутного груза, клиенты, определяя по номерам дагестанские машины, нанимают прежде всего наших земляков. На возмущенные порой вопросы соседей, мол, у дагестанца даже не надежный КамАЗ, а ненадежная «Колхида», отвечают, что дагестанские шоферы надежнее – груз берегут, на них можно положиться в долгой и опасной дороге, мол, не машина важна, а человек за рулем. Другой пример. Стоит наш водитель на трассе – полетел подшипник. Земляков не видно, другие не останавливаются. Мимо проносится очередной грузовик, но вдруг подает назад. Водитель спрашивает: в чем проблема, друг? Что заставило ленинградца остановиться на дороге в российской глубинке? «А как я мог проехать мимо машины с дагестанскими номерами, – поясняет тот. – Меня ваши ребята, не в пример другим, не раз выручали?!».

Пример третий. В Харькове на стоянке в лютую стужу местный водитель попросил у дагестанца бензин, в городе с ним были тогда большие трудности. Тот дал. В ответ украинец упросил поехать ночевать к нему, что, мол, в такую холодину спать в машине, ты, мол, выручил здорово. Дагестанец долго отнекивался, но раз такое дело, купил водки (на всякий случай) и они поехали. В доме мать хозяина, который раньше много пил, но теперь «завязал», накрывает стол. Тут приходит второй ее сын и слезно просит дать денег, хотя бы на сто граммов. Мать отказывает, возникает ругань. Тогда наш земляк достает свою сумку и дает ему бутылку. Что произошло в сознании хозяев, сказать трудно, но они дагестанца привечали в своем доме три дня, пока тот не привел свою машину в порядок. А вернувшись в Махачкалу, собрал посылку с южными дарами и отправил новым друзьям в благодарность за гостеприимство.

Мне довелось быть свидетелем, как в небольшом селении близ Буйнакска местный сторож принимал летом у себя дома отдыхавшую неподалеку довольно случайную компанию. Гулянка шла два дня с перерывом на ночь, гости съели подчистую всю хозяйскую живность, время от времени посылая машину в город за водкой. И когда на подворье не осталось куриц и гусей, хозяин, взяв топор, отправился в коровник. Только когда жена встала на его пути, крича, что не позволит зарезать кормилицу, гости опомнились и, наконец, убрались. Что я вижу в этом эпизоде? Высокий уровень культуры хозяина, простого неграмотного сельчанина, и низкий уровень культуры гостей, людей, кстати, с дипломами и учеными званиями.

Помню, как встречали у нас других гостей, немецких журналистов, причем женщин. Я с ними объехал за две недели почти половину Дагестана. И каждое утро в каждом селении в доме у местного чиновника или председателя колхоза на столе обязательно стояла водка, которой настоятельно угощали приезжих, чуть ли не насильно старались заставить их выпить – а то, мол, обидимся, дескать, у нас так принято, закон гостеприимства. «Как можно пить по утрам? – наконец стали возмущаться гости. – Ведь нам и работать надо. Нельзя ли отложить водку на вечер?». «Вечером тоже все будет, – отвечали им, – а сейчас выпьем, дорогие гости». Мои увещевания, аргументы, что сами мы по утрам ведь водку не пьем, действия не оказывали. Хозяева искренне считали, что напоить с утра людей, приехавших к ним работать, есть высшая степень гостеприимства. Бедные немки… В конце путешествия одна из них – в ответ на мои потуги как-то оправдать хозяев их непосредственностью – спросила: это благо или зло, когда хозяин уставшему путнику, который еле волочит ноги, взваливает на спину в подарок мешок, скажем, фруктов? Я только и нашелся, чтобы ответить: пусть путник, чтобы не обидеть хозяина, дойдет до ближайшего поворота и оставит мешок на обочине.

> ***«Наш долг – это право, которое другие имеют на нас»***
>
> ***Фридрих Ницше***

Такое хлебосольство из-за недостатка культуры приобретает иное качество. Кстати, будучи в Берлине, я позвонил этой журналистке, спросил о здоровье. Мы мило побеседовали, но домой она, хотя бы из приличия, не пригласила. Тоже, видимо, с культурным уровнем проблемы, правда, другого свойства.

Какой же недостаток – дагестанский или немецкий – тем не менее предпочтительней? Думаю, тот, в котором больше не практичности, а искренности. То есть, дагестанский. Но чувство меры, такта – великое завоевание человеческого духа. Не всем из нас, к сожалению, оно знакомо в должной степени. Поведение в общественном транспорте в этом смысле – лучший тест на наличие внутренней культуры. И вот еще одно очень наглядное свидетельство.

Сегодня в Махачкале появилось много уличных кафе. Ну, Европа, да и только. Хорошо? Конечно – ведь город у нас южный. Но Европой только пахнет. Там столики стоят на специальной площадке или сбоку, никому не мешают, а у нас нередко – прямо посередине тротуара, и прохожие вынуждены обходить столики с «европейцами» вплотную и с разных сторон. Или стоящие прямо на тротуарах табуном и поодиночке машины, преимущественно иномарки. Их хозяева демонстрируют полное презрение к родной милиции, которая молча его проглатывает. Впрочем она и сама нередко делает то, за что штрафует других – нарушает правила дорожного движения. И это тоже очень «культурно».

Кажется, чего проще – если никто ни в чем не будет ограничивать соседей, то все окажутся в выигрыше: я никого не стесняю и никто не стесняет меня. Если же каждый станет думать только о себе, то такая возникнет толкотня, в прямом и переносном смысле, что вообразить трудно. Знаете, что более всего поражает в поведении американцев в трагедии 11 сентября прошлого года? Сразу после тарана самолетами небоскребов, когда здания в любую минуту могли обрушиться, похоронив под обломками всех, кто в них находился, сотни людей шли вниз по лестницам, поддерживая друг друга, не толкаясь, не наступая друг другу на пят-

ки, так спокойно, как только было возможно в такую минуту. Можно ли, не дай бог, представить такую картину у нас? Ведь даже у билетных касс, при посадке в транспорт возникает невообразимая толчея.

Но главное все же не в этом. Знаете, что главное? Это когда за пределами республики, представляясь, говоришь, что из Дагестана, и в ответ получаешь радушные улыбки и дружеские рукопожатия: знаем, мол, дагестанцев, отличные ребята, помогли в том-то и том-то. И на волне заслуг неведомых земляков встречаешь понимание и помощь. И самое-самое главное в том, когда сам делаешь нечто такое, что укрепляет созданный незнакомыми людьми положительный образ дагестанца. Когда встречаешь дома земляка, и тот говорит: а я был там после тебя, встречали отлично, о тебе хорошо отзывались…

Да, война в Чечне, теракты, похищения заложников, взрывы и все, этому сопутствующее, подпортили нам имидж. Что ж, в семье не без урода… Поэтому все последние годы пустовали наши пляжи, турбазы, не было обычного наплыва гостей в санатории. Этим летом редкая гостья из Москвы рассказывала на пляже, что рискнула приехать погостить к друзьям, покупаться в море после долгих и мучительных сомнений. И уже здесь, в Махачкале, страх, рожденный негативной информацией о Дагестане, все еще не отпускает ее. Даже родным, чтобы их не тревожить, она солгала, что едет в Астрахань. Такие вот у нас сегодня, наряду с другими, проблемы.

Есть в нашем сознании пунктик вроде не столь важный, но по последствиям, им вызываемым, очень вредный. Он тоже рецидив нашего недавнего прошлого. Ведь несколько десятилетий (трем поколениям) внушалось, что советские люди живут правильнее всех – строят светлое будущее, которое все остальные (ну не глупцы ли!) строить не хотят. Поэтому все нам вредят: и изнутри, и снаружи. Поэтому во всех наших бедах сами мы не виноваты, виноваты другие: кулаки, предатели, диссиденты, капиталисты, шпионы, диверсанты, бывшие богачи и их приспешники. А когда внутри с «нечистью» покончили, виноватить стали людей по другим признакам, по профессиям: чиновников, военных, врачей, ныне – олигархов, и по национальной принадлежности: вечно виноватых евреев, а ныне – и лиц кавказской и всякой (лишь бы другой, не своей) национальности. Сегодня в своих неудачах у нас очень часто виноваты не спортсмены, а судьи; в армейских проблемах – не командиры, а солдаты; в технических катаклизмах виновата техника, а не те, кто должен за нею следить, соблюдать правила эксплуатации. Так и в политике (виноваты происки из-за рубежа), так и в экономике (виноваты погода и воры). И вопрос, почему со всем этим всерьез не боремся, закономерно повисает в воздухе.

> ***«Я из тех, кто хочет выстирать флаг, вместо того чтобы сжечь его»***
>
> ***Норман Томас***

Не осознав своей ответственности за все, с нами происходящее, невозможно решить существующие проблемы и предупредить возникновение новых. Зато все учебные заведения у нас стали университетами, колледжами, лицеями, число академиков и лиц, остепененных высокими научными званиями, утроилось, если не выросло еще больше. Зачет, оценку на экзамене, даже диплом вуза можно купить, как на базаре картошку. Все об этом знают, все обсуждают, но приводить ситуацию в норму никто не собирается. А ведь страдает целое поколение. Чему его научат взятки? Зато гремят юбилейные торжества и хвалебные речи, раздаются награды и премии, прямо как в басне о петухе и кукушке, заходящихся в экстазе во взаимных славословиях. Получать награды и слышать похвалу всегда приятно. Но всегда ли оправданно оповещать о них всю республику?

Можно ли при этом ожидать скорых приятных перемен? Можно. Только вряд ли они будут скорыми. Хотя… Вы заметили, что на улицах Махачкалы все чаще водители автомашин стали притормаживать, пропуская пешеходов? Раньше приоритет всегда отдавался «железному коню». Следовательно, и у нас прививается то, о чем с изумлением и восторгом рассказывают земляки, побывавшие за границей. Скажете – пустяк? Не думаю. Как в капле воды отражается море… Значит, в общественном сознании появились новые обнадеживающие тенденции. И вообще: основной набор присущих дагестанцам в целом нравственных черт, выдерживает сравнение (если без зазнайства) с любым другим этническим букетом подобных характеристик. А то и превосходит. Можно было бы привести еще немало других, не менее обнадеживающих примет. Но – хватит.

Так каков же ответ на вопрос об уровне культуры? Таков, как ответ на вопрос, какова жизнь. Она, как зебра – полосатая. Как сказал умный человек Ясон Эвангелу: «Нужда рождает изобретение, изобретение – две нужды». Тем не менее, ответ есть, и весьма убедительный. Его дали дагестанцы осенью 1999 года. Ведь решительный отпор врагу – самое убедительное свидетельство высокого уровня культуры народа.

Да, неприятно слышать, что дагестанец в среднем предполагается потенциально менее законопослушным, чем русский. Возможно. Но я отношу это качество (вовсе не утверждаемое бесспорно) не к его сомнительным наклонностям, а к его инициативности, которая требует найти выход в самых, казалось, безвыходных ситуациях. И посмотрите на молодежь: ведь в целом интеллектуальный уровень каждого нового поколения обязательно выше уровня предыдущего. Таков неоспоримый закон: иначе общество остановилось бы в своем развитии. В Дагестане этот закон действует с той же силой, что и везде. В чем залог и успехов культуры. Да, проблемы у молодежи есть, но виновата в том не она, а люди постарше, мы все. Это мы – взрослое общество – должны были наперекор всем обстоятельствам не допускать снижения отдельных параметров культурного уровня. Не сумели? Бывает. Не мы первые и не мы последние. Главное – понять это.

Поэтому вывод, к которому прихожу в результате этих размышлений, оптимистичен: несмотря на грустные факты нынешней действительности, уровень культуры дагестанцев зиждется на крепком фундаменте многовековых традиций и житейского опыта нашего народа. Его не сумели поколебать бури двадцатого века. Наше нравственное здоровье, несмотря на некоторую «полосатость», доказывает простой, как дважды два четыре, факт: все, или почти все, и прежде всего русские – те, кто переехал из Дагестана на новое местожительство, жалеют об этом. Объяснение тому только одно: нравственная аура здесь выше. А минусы… Что ж, утешимся тем, что и на солнце есть пятна…

Умар ТЕЙМУРОВ

Золотое правило

Около двух тысяч лет назад была сформулирована простая истина: «Чтобы люди во всем поступали с вами так, как вы хотите, то и вы поступайте так с ними». Она стала сутью священного писания, основным этическим принципом и выражением долга человека по отношению к другим. Она побуждает каждого делать в этом мире только добро. Эта чеканная и нетленная формула впоследствии стала называться «золотым правилом» и является главной заповедью пророка, ибо она универсальна и применима везде и во все времена. Можно представить себе, каким бы стал наш мир, если бы она исполнялась. Какой бы стала прекрасной жизнь, как благоденствовали бы все народы! Но это еще долго останется голубой мечтой.

Возникает вопрос: почему же, если все так просто, не осуществляется великая идея? Хорошо бы нам всем в этом разобраться.

Человек, живя в обществе, не может и не имеет права быть бесконечным эгоистом. Не принцип «падающего подтолкни» должен главенствовать во взаимоотношениях людей, а взаимопомощь, взаимовыручка и даже – пусть это не вызывает у вас улыбки – взаимозабота. Увы… Известно, что у нас никто не хочет отдавать. Все хотят безудержно получать, и «золотые правила» многим, если не большинству, только мешают. Однако истинное благо обретают лишь те, кто внемлет голосу разума, именно они будут одарены судьбой, ибо, помимо человеческих, незримо действуют божественные законы, которые намного выше.

Давно замечено, что люди, живущие во лжи, живут намного меньше праведных, даже если имеют роскошные материальные условия. Их обязательно настигают какие-то непредвиденные болезни, непредвиденные катаклизмы. Тем не менее, слово «честный» стало сегодня почти синонимом слов «недотепа», «придурок». Какой ужас! В каком обществе мы живем! К тому же ведь честность – это категория не только нравственная, но и материальная. Представим себе, что с завтрашнего дня все станут жить честно. Тогда во всей огромной стране не понадобятся бронированные двери, железные решетки, высокие заборы, охрана, перестали бы уплывать за океан ворованные миллиарды, прекратились бы непроизводительные затраты ресурсов, высвободились бы огромные средства на истинные нужды государства и его граждан. Таковы материальные издержки бесчестья.

Повседневные заботы настолько поглощают нас сегодня, что мы не задумываемся, что именно нам дает уверенность в будущем. Мудрые слова были сказаны еще в древности: «Кто стремится к богатству, тот никогда не насытится»; «Сладок сон труженика, а пресыщение богатством не дает человеку уснуть». Немало сказано в мире мудрых слов, но никакие светлые умы никому не помогут, если бог не вдохнет в человека волю самому все верно осмыслить.

Существует расхожее мнение, что, мол, люди у нас еще хорошо не понимают, что деньги нужно зарабатывать, а не приворовывать. Уверен, что это вовсе не так. Все и всё хорошо понимают, но берут грех на душу. Велика сила инерции мышления и поведения. Но приносят ли деньги спокойствие и уверенность? Избавляют ли они от забот? От каких-то – да, но в принципе, конечно, нет. Потому что деньги и власть сами по себе спокойствия и благости дать не могут. Глава одной богатой семьи, сколотившей немалое состояние, признался, что чем больше есть денег, тем больше ты можешь потерять, и тем больше хлопот, тем в большей опасности ты себя чувствуешь. Да, всем нужно каждый день есть, но существуют и другие ценности, которые делают жизнь стабильной и достойной. Нельзя забывать об этом, впадая в повседневную суету.

Духовное и материальное должны развиваться одновременно и равноценно, дополняя друг друга. У нас чаще всего, если развивается интеллект, «в загоне» оказываются материальные возможности, и наступает комичная ситуация: всё знаем, но ничего не можем. А когда наращены материальные возможности, то это еще хуже: не знаем, как вести себя со своим богатством, начинаем «беситься с жиру», что кончается нередко трагически. Примеров тому сколько угодно.

В заключение приведу коротенькую, но весьма любопытную притчу, имеющую хождение в некоторых странах Африки.

Как-то раз молодой рыбак, возвращаясь домой с рыбалки, встретился с бизнесменом, приехавшим по делам в его страну. Бизнесмен спросил рыбака, почему тот так рано возвращается домой. Рыбак ответил, что мог бы порыбачить и подольше, но его семье будет достаточно и такого улова.

– Что же ты делаешь в свободное время? – спросил бизнесмен.

– Сижу на берегу с удочкой или играю со своими детьми. В полуденный зной мы спим, вечером всей семьей ужинаем. Потом я встречаюсь с друзьями, слушаю музыку или занимаюсь чем-то другим.

– Послушай, – прервал его бизнесмен. – Я закончил университет, в котором изучал разные науки. И я хочу помочь тебе. Рыбачь дольше и заработаешь много денег. Вскоре у тебя будет возможность купить лодку побольше, чем твоя пирога. Рыбача на большой лодке, ты сможешь заработать больше денег и приобрести рыболовную флотилию.

– И что потом?

– Потом ты уже не будешь сбывать рыбу через посредника, а будешь продавать ее непосредственно заводу или даже купишь себе рыбоперерабатывающий завод. Тогда ты сможешь уехать из деревни в Париж, Лондон или Нью-Йорк и управлять делами прямо оттуда. Если захочешь, сможешь вложить свои деньги в акции, и тогда будешь получать миллионы.

– Как много на это потребуется времени?

– Лет 15 или 20.

– А потом?

– Потом настанет самое интересное. Ты оставишь работу, уедешь от всей этой суеты в маленькую деревушку.

– И что тогда?

– Тогда у тебя будет время посидеть на берегу с удочкой, поиграть со своими детьми, поспать в полуденный зной, потом всей семьей поужинать, а после собраться с друзьями и послушать музыку!

Этот поучительный рассказ наглядно показывает, что все возвращается на круги своя. Спрашивается, во имя чего же мы так суетимся в этой быстротечной жизни? Не задумываясь, творим зло и поступаем с другими не так, как хотели бы, чтобы они поступали с нами?

Тем не менее, как бы все ни казалось мрачным, говорят, что здравый смысл все же в конце концов побеждает. Ведь стремление к здравому – естественное, изначальное свойство человеческого мышления. Это такой же великий природный инстинкт, как и половое влечение, продолжение рода. Ему вольно или невольно подвержены все. И поэтому есть надежда на лучшее будущее.

Вместо предисловия

У книги, страницы которой мы предлагаем вниманию наших читателей, странная судьба. Ее автор, Зульфукар Зульфукаров, известный дагестанский писатель, перу которого принадлежит немало полюбившихся широкой публике произведений, сейчас живет за границей. Я познакомился с ним почти 40 лет назад, мы оба работали тогда в редакции газеты «Комсомолец Дагестана». Зульфукар уже в то время был известен своим творчеством, особые пристрастия он питал к спортивной теме. Что было понятно: получив тяжелое ранение на фронте, после которого другие становились инвалидами и не могли вести обычный (не говоря уже – здоровый) образ жизни, он восстановил свое здоровье, стал мастером спорта по двум спортивным дисциплинам. Глядя на его прекрасно физически развитую фигуру, атлетическое телосложение, нельзя было даже подумать, с чего он начинал. А он, обладая сильной волей, аналитическим умом, перечитал горы всякой литературы, перепробовал на себе, казалось, все мыслимые и немыслимые системы оздоровления. И своего добился: стал здоровым, физически крепким человеком, тренировал даже сборную Дагестана по стрельбе из лука и сам участвовал в соревнованиях, будучи старше уже 50 лет.

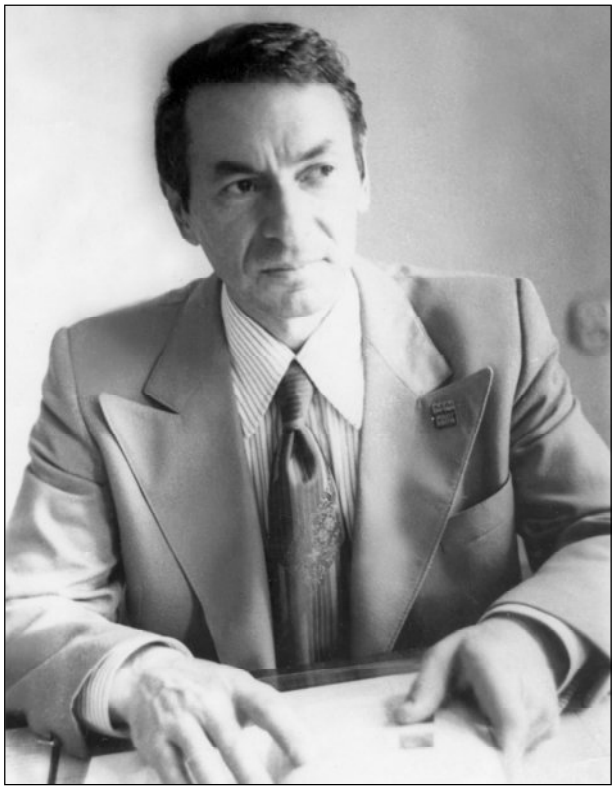
Закаливание холодной водой, йога, рефлексотерапия, гимнастика, постановка правильного питания и дыхания, траволечение и другие традиционные и нетрадиционные системы – все это перепробовал, испытал на себе, что позволило ему вынести собственное суждение об их эффективности. Столь бесценный опыт он не мог держать втуне и написал «Бальзам» – книгу, в которой, основываясь на своей практике, систематизировал полученные из первых рук знания. Помимо выводов, сделанных на основе собственных успехов и неудач, З. Зульфукаров включил в книгу сведения, почерпнутые из других книг, которые, на его взгляд, полезны читателю. Они комментируются автором и горячо рекомендуются или столь же горячо опровергаются. И человеку, который все это испытал «на собственной шкуре», нельзя не верить.

Странность судьбы книги в том, что она не была в свое время напечатана в Дагестане. Будучи за границей, я договорился о ее публикации в газете «Новое дело», редактором которой работал. Затем продолжил ее публикацию, следуя желанию автора, в газете «Время, Право, Мы», в которую перешел и которую редактировал до последнего времени. Так случилось, что теперь работаю редактором журнала и, по-прежнему выполняя желание автора, могу продолжить публикацию «Бальзама» в новом печатном издании. Думаю, что очередные страницы книги Зульфукара, которые он пересылает мне из-за рубежа, привлекут ваше внимание. Предыдущие публикации были у читателей весьма популярны. Интерес к проблеме улучшения собственного здоровья ведь вечен.

Тех, кто захочет ознакомиться с предыдущими страницами книги Зульфукара Зульфукарова (многие, я знаю, вели подшивки газетных страниц), можно отослать к номерам газет «Новое дело» (№№34-35, 37-41 за 1998 г. и №№ 3-5, 7-8, 11, 15, 17, 22-23, 28-30, 40-44, 46-49 за 1999 г.) и «...Мы» (№№13-22 за 2001 г. и №№ 2-3, 5, 7, 9, 11. 13, 15, 17, 19 за 2002 г.).

Надеюсь, что эта книга, которая может стать настольной для каждого, выйдет, в конце концов, в книжном переплете.

Далгат АХМЕДХАНОВ



Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

Бальзам

ЖИЗНЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ

Если вы проснетесь и тут же начнете энергично размахивать руками и ногами, приседать, отжиматься, бегать и прыгать и будете думать, что вы делаете зарядку, заряжаетесь здоровьем, то вы шибко заблуждаетесь. Это не зарядка, это разрядка, вы самым натуральным образом разряжаетесь здоровьем. А если, не дай бог, вы из тех, которые из постели галопом готовы мчаться прочь от инфаркта, да побыстрей, да подальше, да в любую погоду – дело плохо. Инфаркт к вам ближе, чем к вашему соседу, который плетется к нему прогулочным шагом.

Если вы поклонник такого способа добывания здоровья – пожалуйста. Только отложите это сумасшествие на вечер, когда ваше сердце войдет в рабочий ритм, когда оно наиболее сильно по биологическим часам и... ограничьте себя рамками, памятуя, что перебор вреден во всем, а больше всего – в здоровье.

Открыть глаза – не значит проснуться. А бег и прыжки – не лучший способ пробудиться. Нет ни одного живого существа на свете, которое, открыв глаза, начинает метаться почем зря без причины на то. Наоборот, есть потребность вздохнуть поглубже, чтобы запастись кислородом впрок для ближайших, побуждающих к просыпу, движений, есть желание потянуться, прогнуться, потереть затекшие во сне места и местечки, зевнуть так,

чтобы челюсть свернуть. Так и делайте. Зачем быть палачом своих желаний?!

Тем более что я вам подарю свою гимнастику, которая служила мне и моим последователям верой и правдой многие годы, вполне оправдала себя как источник мощного заряда энергией, омолаживающего, оздоравливающего, целебного воздействия на организм, и к тому же она потакает желаниям. Даже словно бы вознаграждает вас за то, что вы не пошли наперекор себе самому.

Упражнения взяты из многих восточных оздоровительных, гигиенических и лечебных комплексов гимнастик и путем проб и ошибок отобраны в оригинальный комплекс по принципу: самые-самые.

Чтобы убедиться в действенности предлагаемого комплекса, вам не нужно будет ждать двадцать-тридцать лет. Прилив энергии вы ощутите, еще не закончив первого же в своей жизни занятия по этому комплексу.

Так что не комплексуйте понапрасну, примите мой подарок себе во благо. И, честное слово, я нисколько не обижусь, если вы нарушите негласную установку: дескать, дареное не дарят, и подарите мой дар кому еще пожелаете уже от себя.

Открыв глаза, вытянитесь, выдохните поглубже, но не до упора, сделайте паузу, пока не захочется вдохнуть. Вдохните тоже не до упора и сразу выдохните, но уже глубже, чем в первый раз. Все тихо, медленно, без насилия. При вдохе живот с каждым разом сильнее выпячивается, при выдохе, понятно, наоборот. Так 20-25 раз.

И все 20-25 раз воображайте. Воображайте, что с каждым выдохом из вашего организма уносит ноги хоть махонькая, но все же часть ваших хвороб, а с вздохом – эту часть замещает здоровье. И заклинайте:

Я – спокоен. Весь день буду спокоен.

Я – спокоен. Голова – спокойна, легка, свежа, свободна.

Я – абсолютно спокоен. Дыхание – ровное, легкое свободное.

Я – уверен. Каждый вдох наполняет меня здоровьем, силой, свежестью, радостью.

Я – улыбаюсь. Глаза мои улыбаются.

А до того, как ваши глаза заулыбались, с самого начала крутите глазами, во всех мыслимых и немыслимых направлениях, беспрестанно переводя взгляд с близких на далекие предметы, и убеждайте себя, что видите все лучше и лучше и все отчетливей. Так оно и будет.

После этого – всласть потянитесь. Сперва – одной ногой, будто хотите достать пяткой что-то, потом – другой ногой, затем – обеими ногами.

Встаньте и отправляйтесь на кухню. Там налейте кипяченой или талой воды попрохладней в полулитровую емкость, добавьте в воду половину чайной ложечки пищевой соды, размешайте, попранируйте. Выпейте.

Выйдите туда, где вам будет приятнее, и продолжайте гимнастику.

Растирайте ладонями спину, начиная как можно выше и до крестца. Потом – кулаками вдоль позвоночника. 20-30 раз. Это хорошая профилактика радикулитов, ишиасов и импотенции.

Растирайте ладонями живот. Спиралью по ходу часовой стрелки от пупка, потом к пупку. 30 раз каждой рукой. Это улучшит работу кишечника, предупредит запоры.

Горячими от массажа спины и живота руками помассируйте лицо, словно умываясь. Раз 20, но лучше до отчетливого ощущения излучения лицом тепла. Это омолаживает кожу лица, предупреждает появление морщин и мигрени.

Указательным и средним пальцами каждой руки ощутимо побарабаньте на висках ближе к углам глаз, а затем до ощущения тепла средними пальцами делайте массирующие круги вокруг глаз от носа по бровям и к носу под глазами. Это оздоровит глаза и подпитает их энергией.

Растирайте ладонями голову и шею от макушки вниз с акцентом на зоны за ушами. Раз 20. Это улучшит кровоснабжение мозга, устранит регидность мышц шеи и плеч, благотворно скажется на зрении, слухе и сердечно-сосудистой системе.

Делайте глотательные движения, будто слюну глотаете. Чередуйте эти движения с высовыванием языка, с напряжением в корне и словно собираетесь достать им подбородок. Всего – 5 раз. Потом, запрокинув голову, крепко помассируйте попеременно пальцами каждой руки шею-глотку от подбородка к ключицам. До ощущения тепла. Это спасет вас от многих неприятностей: ангин, воспалений миндалин, простуд, охриплостей, дряблости кожи и застойных явлений.

Покрутите головой во всех направлениях с нарастающей скоростью и резкостью, пока не почувствуете, что хватит. Это не только профилактика и лечение шейного остеохондроза, но и еще одно упражнение, стимулирующее кровообращение мозга. Оно же улучшает зрение, слух и равновесие. Избавляет от скрипа и хруста в шее.

Теперь – самое интересное. Наносите себе короткие, быстрые и переносимо болезненные удары ладонями по лбу, пока в закрытых глазах не появится яркий свет. На это уйдет 10-15 ударов каждой ладонью. По столько же ударов нанесите по щекам, шее, груди, животу, ягодицам и бедрам.

Избив себя подобным образом, с горящими, широко раскрытыми глазами, энергичными и решительными шагами отправляйтесь снова на кухню, налейте полстакана кипяченой прохладной воды, плесните туда чайную ложечку яблочного уксуса, ступайте в ванную и умойтесь этой смесью, больше заботясь о глазах.

После самоизбиения вы хорошенько возбудите организм и еще раз предохраните себя от импотенции.

После такого оригинального умывания исчезнут боли в глазах, они постепенно перестанут слезиться, кожа лица не будет шелушиться и чесаться. Все!

«Здоровье не купишь, им можно только расплачиваться».

Сергей Крытый

СОВЕТ, КОТОРЫЙ ОЧЕНЬ ПРИГОДИТСЯ

При умывании по моему методу вы, понятное дело, будете иметь еще две выгоды: сэкономите воду и мыло. Вы сэкономите воды еще больше, а, кроме того, и немало шампуня, если последуете моему совету и станете мыть голову стаканом теплой кипяченой воды с чайной ложкой яблочного уксуса. Если вы любитель патл или женщина – то хватит пол-литровой кружки теплой кипяченой воды с двумя чайными ложками яблочного уксуса.

С первого же раза сверх этих меркантильных экономий вы начисто и навсегда избавитесь от привычки че-

сать голову и от раздражающей перхоти.

Будете вы так мыть голову или нет, но обязательно обзаведитесь жесткой (не металлической), коротковорсной щеткой и утром обязательно, а вечером желательно, хорошенько массируйте, «подметайте» свою голову. Она будет не только чиста, но и никогда не облысеет.

ХАТХА-ЙОГА ДЛЯ ВАС

О йогах я, конечно же, был наслышан. Чай, не зря меня чуть ли не с пеленок дразнили «энциклопедией». Но знал я, может быть, немножко больше того, что отмерила для моего кругозора «родная и любимая» коммунистическая партия. А знал и факиров, фокусников с чуждой нам идеологией и всякой иной белибердой.

Однажды написанная мной пьеса понравилась нашему махачкалинскому драмтеатру, а чтобы спектакль получился интереснее, было решено пригласить оригинального и идущего в рост режиссера из Ленинграда – Леонида Хейфица. Приехал молодой, но по-актерски морщинистый, с грушеподобной фигурой человек. Поставил спектакль и уехал, найдя во мне друга, а в директоре и главном режиссере театра, который в свое время выгнал из театра за профнегодность самого Иннокентия Смоктуновского, смертельного врага.

Спектакль по моей пьесе и в режиссуре Хейфица зрители приняли. И было решено, что пьеса займет место в репертуаре и следующего театрального сезона, но взамен выбывших артистов надо было ввести в спектакль целых семь новых, только что взятых с театральной биржи. Сам директор и одновременно главреж сделать этого не смог и был вынужден пригласить для этого снова Хейфица. Я встречал его на вокзале и не сразу узнал его в молодом парне без единой морщинки и с фигурой горского джигита. Я был настолько поражен, что, отбросив всякие приличия, спросил:

– Что за метаморфоза?

Хейфиц сразу все понял, извлек из сумки красную книжицу с изображением йога в позе лотоса и с заголовком на болгарском языке «Упражнения на йогите».

Буквально через несколько дней после начала занятий упражнениями, описание которых записал мне в блокнот собственной рукой «мой» режиссер, мои непременные ежедневные головные боли исчезли без следа, кишечник, который то и дело норовил напакостить мне, исправно стал исполнять свою нелегкую службу…

Леня Хейфиц! Спасибо тебе! Рад был бы еще разок пожать твою мужественную и бескомпромиссную руку!

Я всерьез и навечно занялся изучением и практическим применением хатха-йоги. В Ленинской библиотеке в Москве, невзирая на то, что я козырял красным билетом члена Союза писателей СССР и гербовой бумажкой оттуда же, пришлось обманывать, чтобы получить периодику, демонстрируя свою заинтересованность речугами Хрущева. А книги Рамачараки и Вивикананда так мне и не дали. Их я получил в дни Декады искусства и литературы в Ленинграде: мои коллеги заседали в президиумах и делились своими творческими планами, а я все девять дней безвылазно заседал в публичной библиотеке, и со мной делились своими знаниями индийские мудрецы.

> ***«Легче зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту»***
>
> ***Конфуций***

Из Софии, где уже давно (как только на такое их генсек Живков пошел) работал научно-исследовательский институт йога-терапии, возглавляемый доктором с мировым именем – Лозановым, я получил целую библиотеку нужных книг. Есть у меня и нелегальная книга в переводе на русский Сельвораджана Эсудиана и Элизабет Хейч – «Хатха-йога».

Опять же путем проб и ошибок я составил для себя комплекс самых-самых упражнений и под видом кружка здоровья во время «горбачевизма» опробовал его на себе и на множестве самых разных людей с потрясающим успехом. И сейчас я дарю его вам. Пользуйтесь на здоровье!

В ЧЕМ ТУТ СОЛЬ?

Да, именно, в чем соль самого комплекса и тех упражнений в отдельности, которые я подобрал в этот комплекс?

Вся соль в том, что, отбросив наносное, второстепенное, ненужное, я остановил свой выбор на самом главном. И как стержень в этом главном – позвоночник, о котором сами же йогские авторитетные мудрецы не уставали говорить: если вы сумеете сохранить объем легких и гибкость позвоночника на уровне молодого, то сами молодыми и будете в любом возрасте.

С легкими мы разобрались в той части книги, которая была специально этому посвящена. Настала очередь позвоночника. К чему нам сейчас упражнения, скажем, для пальцев ног? Обойдемся пока. Так ведь?

Я подобрал упражнения, которые как можно лучше и полнее проработали бы позвоночник во всех плоскостях, и даже в прокручивании.

Нужно ли не менее полугода заниматься подсобными, подготовительными упражнениями, чтобы потом перейти к главным? Другими словами, нужно ли готовиться к приему лекарства, которое тебе требуется немедленно, полгода, принимая малодейственные, хотя и полезные, лекарства? Думаю, нет, не нужно. Лучше сразу принимать самое эффективное лекарство, но начинать с малых доз, чтобы постепенно дойти до оптимальной дозы. Ведь ни одно упражнение йоги вы сразу не выполните в совершенстве, не выдержите его и полчаса. Сначала оно вам поддастся на десять процентов, на секунду… Вот вам и искомая постепенность. Вот и считайте, что вы делаете подготовительные, подсобные упражнения. А к заветной цели ближе, чем через полгода. По сути – вы уже у цели.

Кроме того, я изобрел незапатентованное средство, сказочно ускоряющее процесс овладения упражнениями. Средство это – выдох. Да, да. Попробуйте вот прямо сейчас, читая эти строки. Наклоните голову до предела, убедитесь, что дальше не можете. Теперь глубоко вдохните и тут же выдохните: голова свесится больше. Еще раз – голова свесится еще больше.

Только, когда будете овладевать упражнениями, воздействующими на позвоночник, ради Бога, действуйте осторожно, не то скрутите или сломаете себе позвоночник, даже не заметив этого. Хорошее средство? Ну, еще бы! Чай своими извилинами допер. Ни один мудрец не подсказал.

Скромности у меня только и хватило, чтобы по патентным бюро не шастать, а вот чтобы не похвастаться – нет. Простите и… за дело.

Продолжение следует

СПОРТ

Горы зовут

В горы нашей республики возвращаются альпинисты. Великих трудов стоило мне уговорить руководство Федерации альпинизма России и команды регионов провести 20-й чемпионат Российской Федерации по альпинизму в горах Южного Дагестана на 1000-метровой стене горы Ерыдаг.

Причины этих трудностей читателю понятны. Альпинистам не страшны вертикальные отвесы. Они их ищут сами. Наши восходители опасались пресловутой дагестанской «обстановки». На многочисленных встречах я приводил свои доводы. Наиболее весомым аргументом был следующий: «Наши девушки тоже носят мини-юбки и купаются на каспийских пляжах в ультрамодных купальниках».

Другие доводы (богатые базары, множество кафе, шашлычных, ночная жизнь городов и т.п.) на этом фоне меркли.

Таким образом, мне удалось преодолеть усилия некоторых телекомпаний по, мягко говоря, однобокому освещению жизни Страны гор. И 15 команд подали заявки на 20-й чемпионат России по альпинизму в горах Дагестана. На старт вышло 11 команд. Четыре группы не приехали по финансовым мотивам.

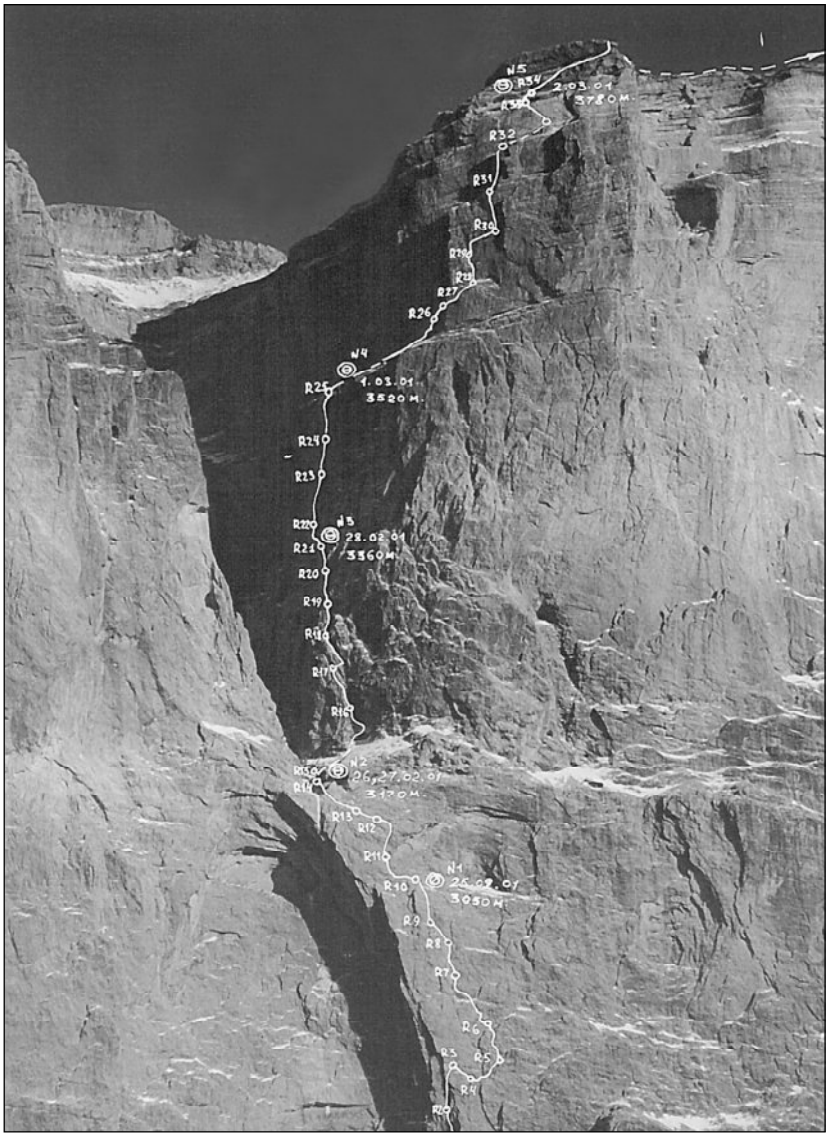
До финиша дошли лишь пять из них. Остальные сошли с дистанции, поскольку по достоинству не оценили сложность маршрутов. Ерыдаг – стена действительно мирового класса, и готовиться к восхождению на эти отвесы было нужно очень и очень серьезно. Не обошлось без спасательных работ (были травмированы три человека). К сожалению, ошибка при страховке привела к гибели уральского альпиниста Алексея Блинова.

В целом же, все прошло на высоком спортивном уровне. Команды из Дагестана, Москвы, С.-Петербурга, Ульяновска, Саратова, Тольятти, Магнитогорска, Красноярска, Екатеринбурга, Иркутска показали высочайший класс. Но самое главное было в том, что во время спасательных работ команды, в ущерб своим спортивным результатам, оставляли маршруты и оказывали помощь пострадавшим.

Чемпионами стали альпинисты Магнитогорска. Они и получили памятный кубок работы унцукульских мастеров.

Чемпионат завершился. Команды разъехались по своим городам. Следующим летом мы ждем их снова. Как говорится – горы зовут!

Петр ЛЕОНОВ, председатель федерации альпинизма Дагестана, мастер спорта



На снимках: *стена массива Ерыдаг с обозначением маршрута; альпинистам потребовалось от 4 до 6 дней (с ночевками на вертикальной стене), чтобы преодолеть его.*

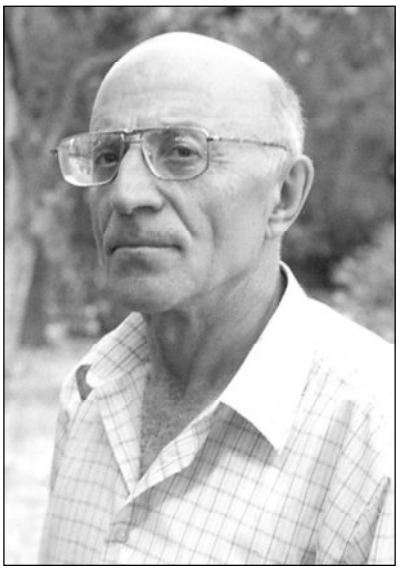
Фото автора

ЛИТЕРАТУРА

Магомед-Расул

Ее колдовские ночи

(Отрывок из повести)



Не дай Аллах, чтобы родители отказывали детям быть самими собой.

Не потому ли в каждом из нас до сих пор ссорятся наши родители? А в наших родителях – их родители?

В детстве я любила тянуть за торчащий конец шерстяной нитки и смотреть, как расползается джураб. Мама ругала меня, но я не могла избавиться от дурной привычки.

Все, что делала и говорила мама, со временем все больше и больше расползается, словно достопамятный джураб, но продолжает пахнуть детством.

С тех пор как помню маму, с лица ее не сходила тень безмолвной печали. В темных глазах пряталось что-то невысказанное. В пасмурном взгляде было нечто зовущее, жаждущее чего-то другого.

Женщина мягкой и вкрадчивой красоты, полная чувственного тепла и здоровья, была мучительно раздвоенной личностью. И ушла она из жизни, не удовлетворив своего желания в откровенности. Даже улыбалась как-то смущенно, словно человек, сделавший что-то непотребное: за окошком – солнышко, да на сердце – горюшко.

Откуда могла я знать, что творилось в ее душе, если она не делилась со мной? Да и ни с кем другим. Не принято. Интим у нас – священная тайна, на которую наложено табу.

Тем не менее, с самого раннего возраста я оказалась причастной к неисповедимо-печальной материнской тайне.

И в эту ночь, как обычно, лежала в люльке со спеленутыми шелковой тесьмой руками и ногами.

Мама качала люльку и пела:

Ножницами гумекинских княжон
Ты раскроена,
Иголкой азайнинских мастериц
Ты сшита.
Ты – край бескрайнего мира
И вершина высокогорий.
Наводящая глянец на потолке
Ты моя,
Держащая пол в блеске
Ты моя.
Стирающая платья матери
Ты моя,
Несущая траву с росой
Ты моя.
Утренний огонь разжигающая в очаге
Ты моя,
Носящая из источника воду
Ты моя.
Танцующая на торжествах
Ты моя,
Достойная того,
чтобы умыкнули в круге танца,
Ты моя.
И сколько б раз ни умыкали,
Ты моя,
Выдам только за любимого
Я тебя!

Закончив петь, едва слышно говорила: «Песня-то какая чудесная! Спи, сердце мое, спи!». А потом, оглянувшись и убедившись в том, что папа уже отошел ко сну, украдкой вздыхала и тихо добавляла: «Когда-то песню эту пела мне и моя мама, но со мной она поступила почему-то наоборот».

А когда папа не ночевал дома, она с неизбывной тоской пела:

Оттого, что влюблены,
Нет добра нам, добрый друг,
Коль разлучены сердца,
Как вершины снежных гор.

Если б можно было нам
Так сердца соединить,
Как в стволе ружья слиты
Пуля с порохом в одно!

Оттого, что страсть влечет,
Нет нам света, светлый друг,
Коль разлучены тела,
Точно с морем выси гор.

Если б можно было нам
Так тела соединить,
Как египетский клинок
Входит в плотные ножны!

Только со временем дошел до меня смысл происходящего с мамой.

Наверное, было за полночь, когда я ощутила, как что-то мягкое и светлое стало заглядывать мне в глаза, гладить и обволакивать лицо, даже слегка раскачивать люльку. В ответ я, видимо, улыбалась, ибо на душе было тепло и сладостно.

Спать я не спала, и дремать не дремала, но все слушала и слышала.

Это умилительное состояние полусна и полуяви настолько нравилось, что боялась подать голос, хотя душа пела и просила простора.

Невольно открыв глаза, испугалась: прямо на меня, едва вмещаясь в окошко, с высоты серо-бирюзового неба смотрела изжелта-голубая огромная луна!

Если я смотрела на нее неотрывно, она делалась стыдливо-робкой и пряталась за облака.

Если приглашала к себе, становилась безгласно-грустной: видно, сожалела, что не может спуститься ко мне.

Если пыталась погладить ее своей ладошкой, дружелюбно трепетала: видно, давно ее никто так не ласкал, и этого ей всегда не хватало…

Я настолько увлеклась луной, что не замечала вокруг нее бесконечного количества звезд до тех пор, пока одна из них не сорвалась с места и не полетела ко мне.

Я рванула руки и, освободив их из-под тесьмы, протянула навстречу летящей звезде, но не успела поймать: то ли не долетела до меня, то ли, пока я соображала, что к чему, растаяла в моих ладошках.

Там, где сорвалась звезда, пыталась обнаружить дырку в небе, но, к досаде своей, не нашла: луна, наверное, успела залатать ее!

И только тут заметила, какое разноцветное это ночное небо.

Вокруг луны то появлялся, то исчезал (видела – не видела!) едва заметный красноватый круг.

Около красноватого круга – молочно-белое прозрачное пространство.

Поодаль, справа – клочковатый мутный кусок неба, покрытый разорванными дымчатыми тучами.

Еще дальше, в стороне – белесо-серая широкая полоса с бездной мелких, видимых и невидимых, серебристых звезд. По краям полосы, там и тут, в полном беспорядке, выделялось несколько ярких звезд.

А где-то там, далеко-далеко, лучистая звезда подмигивала мне: ну что, мол, лежишь, лети ко мне – сыграем в прятки!

Изжелта-голубая луна и красноватый круг, мерцающие звезды и дымчатые тучи – все неуловимо двигалось, шептало, вздыхало…

Вместе с ними и со всем бездонным небом двигалась, шептала, вздыхала и я… То я была луною, то звездой, то красным кругом…

Странно как!

Вместе с тем и как-то хорошо-хорошо…

Вдруг внимание мое привлекли дробные звуки мелодии, донесшиеся откуда-то сверху через открытую форточку. Под аккомпанемент чунгура кто-то пел:

Если выйдешь ты за дверь,
Точно солнце из морей –
Как над морем камыши,
Тело вздрогнет у меня.

Если выглянешь в окно,
Как луна в просветы гор –
Точно птица в камышах,
Взор трепещет у меня.

Песня разбудила маму, спящую на полу рядом с моей люлькой. Она встала и, не замечая меня, в белой ночной рубахе двинулась, словно привидение, к окну. Вздохнула. Подозрительно оглянулась, хотя и знала, что дома, кроме нас двоих, никого нет. Замешкавшись, осторожно открыла окно. В проеме его виднелись темные силуэты высоких гор на фоне притихшего (прислушиваясь к песне!) бледно-голубого звездного неба.

Душа моя вместе с люлькой и вся комната наша переполнились трогательно-тонкими звуками чунгура и бархатным голосом певца.

Печально-одинокая луна вот-вот готова была спрятаться за верхним углом окошка и, наверное, поэтому, как бы на прощанье, ярче прежнего освещала комнату тающим бронзовым светом.

От красного круга и следа не осталось.

В молочно-белом прозрачном пространстве далеким эхом отдавались ставшие задумчивыми молитвенные звуки чунгура.

Разорванные дымчатые тучи, что-то не поделив между собой, наскакивали друг на друга, обнажая одни звезды, укрывая другие.

Белесо-серая широкая полоса с бездной мелких, видимых и невидимых, серебристых звезд медленно таяла от щемящих душу звуков чунгура.

На всем этом взбудораженном небе лишь крупная лучистая звезда все так же весело, хотя и уже в прорве облаков, продолжала подмигивать мне: ну что, мол, лежишь, лети ко мне – сыграем в прятки!

Певец все пел:

Если б люди от тоски
Покидали свой аул,
Раньше, чем они свой дом,
Я б покинул белый свет.

Если б от любовных дум
Пропадала голова,
Я б, наверное, давно
В землю черную сошел.

Хотела спросить:

– А ты все это слышишь, мама? Видишь?

Но вместо мамы увидела темное пятно: она чуть не вся высунулась за окно, и белая спина ее скрывалась под распущенными черными волосами.

Не найти было в ауле женщины, не завидовавшей волосам матери: длинные до пят, густые и черные. Она сплетала их в косы и аккуратно скрывала под чухто, памятуя о том, что женщине не подобает обнажать голову перед людьми.

Видно, песня так теснила маме грудь, что ей невмоготу было держать волосы заплетенными в косы, и она распустила их.

В глухой тишине послышалось, как во дворе тягуче вздохнула корова. Говорят, чем продолжительнее вздох – тем больше молока накапливается в вымени.

Или это был мамин вздох?

С другого конца аула донесся упорный, надсадный собачий лай.

То ли рассветало, то ли молодой да ранний петух поспешил заявить о себе, закричав первым, но, едва прохрипев, сорвался.

Где-то далеко-далеко ухнула ночная сова. Не к добру, говорят, она ухает…

Хотела спросить:

– А ты все это слышишь, мама? И что ты скажешь?

Но я не могла спросить об этом, а мама молчала.

Когда все притихло, задыхающимся голосом она прошептала:

– Дила уркIила хIяли! Дила хIулбала шала!*

Как бы в ответ словам мамы послышалась песня:

Я иль дом твой повалю,
Как гроза валит хлеба,
Или в жизнь твою ворвусь,
Как войска в Нарын-Кала.

Или я в Сибирь уйду,
Как на Астрахань корабль,
Иль сойду в могилу я,
Как солдат заходит в храм,

Но тебя, мой светлый рай,
Так иль этак я добьюсь.

Не успел певец закончить песню, как из соседних домов раздались разные сонные голоса:

– Вададай-вабабай! Всякую совесть потеряли мужчины!

– Да и она хороша: не успел отлучиться муж, как готова из окна выпрыгнуть к любовнику!

– Только сердцем слепой может осудить любовь…

Нервный щелчок ногтя о крышку чунгура возвестил о том, что все кончено.

Мама поспешно закрыла окно и виновато юркнула под одеяло.

Луна скрылась за окном.

Небо потемнело.

Колдовская ночь погасла, как внезапно прерванный волшебный сон.

Меня подмывало выскочить из люльки, выпрыгнуть из окна, взлететь на небо и ходить по звездам, не отрывая взгляда от таинственно-задумчивой Луны. Не могла понять, почему Луна спряталась от меня, хотя звезды продолжали мерцать и манить меня к себе…

С той ночи немало воды утекло.

Однажды возьми да и спроси я у мамы:

– Кому ты говорила в ту ночь «Дила уркIила хIяли! Дила хIулбала шала!», мама?

Она не сразу поняла меня, но насторожилась:

– В какую ночь? О чем ты?!

– Когда большая-большая луна заглядывала к нам, а дяденька за окном играл на чунгуре и пел, – сказала я с присущей детям прямотой и непосредственностью.

Мама растерялась. После неловкой паузы непослушными губами произнесла:

– Это тебе приснилось, доченька. Держи язык за зубами! – Вдруг больно щипнув меня за ухо, перешла в другую комнату.

Через некоторое время, поглядев в щель не совсем захлопнувшейся две-

* Боль сердца моего! Свет очей моих!

ри, увидела, как мама давилась горькими слезами.

Видно, я задела ее больную струну.

Стало жаль ее.

Хотела утешить, но боялась нечаянно еще раз причинить ей боль.

Прошли годы, пока я под строжайшим секретом узнала от подруги о маминой тайне. Оказывается, она любила не отца моего, а сверстника своего Сабура. Да и Сабур был без ума от мамы. Но судьбу их определяли родители: по древнему обычаю, еще с детских лет они были засватаны. Так врозь сложилась их жизнь, хотя и продолжали любить друг друга. По принципу: лучше самому потерпеть, чем родителей обидеть. Так, наверное, возникла поговорка: жениться – беда, не жениться – беда, а третья беда – не дадут за меня…

Как потом я узнала, в ту ночь Сабур поднимался на дикую грушу, растущую через дом от нас, и играл на чунгуре, повернувшись лицом к нашему окну, чтобы мама услышала его. А папа не ночевал дома, так как поехал в соседний аул к кунаку на соболезнование.

Хотя маме и Сабуру казалось, что они держат свою любовь в тайне, в ауле давно догадывались об этом.

Да и я Сабура любила больше, чем папу.

Мне было досадно, что это так, хотя не помню, чтобы папа хоть раз взял меня на руки, посадил на колени, приласкал, повел за ручку гулять. Воспитывал в суровом горском духе: женщина с ранних лет должна, мол, знать свое место в семье!

А Сабур, завидев меня, еще издали широко улыбался, протягивая навстречу руки, поднимал высоко над головой, оглянувшись вокруг и убедившись в том, что никто не видит нас, чмокал в щечку, давал конфету и, мягко хлопнув по попке, отгонял от себя. Но мне всегда хотелось вернуться к нему.

Говорить с ним.

Смеяться.

Гулять.

Однажды спросила:

– Ма-ам! Почему дядя Сабур не мой папа?

Мама побледнела.

Покраснела.

Почернела.

– Ты что, с ума сошла?! Держи язык за зубами! – шлепнув меня по щеке, перешла в другую комнату.

Через некоторое время в замочную скважину увидела, как мама давилась горькими слезами.

Видно, опять задела ее больную струну.

Стало жаль ее.

Хотела утешить, но боялась нечаянно еще раз причинить ей боль.

Злые языки поговаривали: мама с Сабуром встречались и встречаются в чужом ауле, я, мол, не от папы родилась, а от Сабура. Во мне даже какие-то черты его внешности находили.

«Не может быть!» – протестовал во мне внутренний голос, хотя мне и хотелось быть дочерью Сабура. Но всевидящие и всезнающие женщины придерживались иного мнения: «Жизнь на то и жизнь, что в ней все может быть».

Это сейчас женщина свободна говорить: «От кого хочу, от того и рожу. Мое личное дело!..» Если бы мама сказала так, опозорила бы не только наш род, но и весь аул: ее бы посадили задом наперед на осла и закидали камнями…

Обиднее всего то, что мама так рано ушла из жизни.

Умирая, она долго пыталась сказать близким что-то важное для нее, но не могла говорить. Не было сладу с дыханием. Да и голос пропал.

Мама делала знаки руками, глазами, мотала головой, но никто не догадывался, о чем она просит.

Сидящих вокруг мамы раздражал тягостный вой соседской собаки.

Кто-то заметил:

– Надо прогнать ее подальше!

Другой голос ответил:

– Грех это делать. Она скорбит по душе отходящей…

И все притихли.

Я хотела быть рядом с мамой, но меня и близко не подпускали: не положено детям говорить с умирающими, смотреть на них.

В какое-то время вдруг почудилось, что мама окликнула меня, и я, сорвавшись с места, вихрем ворвалась в ее комнату, прошмыгнула между ног сидящих женщин и позвала:

– Ма-а-ма!

Глаза были закрыты. Мама пыталась открыть их, но не могла. Казалось, не дышала, но услышала меня.

Сделала губами едва уловимое движение – и я поняла ее! Не дав опомниться скорбящим, выскочила из комнаты и, как учила мама, держа язык за зубами, побежала в другой конец аула. Я неслась сломя голову и ничего не видя перед собой. Вдруг кто-то схватил меня за платье и остановил:

– Ты куда, Шамайка?

Это был Сабур!

– Ма-а-ма умирает! Она сказала «Дила уркIила хIяли!». Беги к ней! – От нетерпения потянула его за руку.

Он оглянулся кругом, не стал поднимать меня над головой, опустился на корточки, обнял и сказал:

– Спасибо тебе, девочка моя. Видишь, какая ты уже большая! Держи язык за зубами. Возвращайся. Я приду. Поняла?

Я его всегда понимала.

Он дал мне конфетку и проводил, но не хлопнул по попке.

Может, я и в самом деле тогда повзрослела?

Когда Сабур пришел к нам, молла, прочитав Ясин (молитву за упокой души), уходил от нас.

Да и собака соседская перестала выть.

Значит, мама умерла.

Душа покинула ее тело.

Сабур зашел не один, а вместе с другими мужчинами, но, опустив голову, первым поднял у груди руки ладонями вверх и прошептал: «Аллагьумма вагъфирлагьу вархIямгьу бихIурмати сурат ал-ФатихIа».*

Вдруг мама открыла необычно расширившиеся желтоватые глаза и, переполошив всех, жадно уставилась на Сабура.

Лица переполнивших комнату людей выразили смятение и страх.

Сабур не замечал, как по щекам его текли запоздалые слезы: смерть да жена – Богом суждена!

Первой нашлась бабушка, спокойно и со знанием дела закрывшая маме глаза. «Горя много, а смерть одна», – сказала она многозначительно.

Аульчане долго судачили о роковой тайне материнской любви, о Сабуре, обо мне.

Спустя много лет, перебирая мамин сундук, на дне его нашла завернутые в тряпицу и исписанные женской рукой растрепанные страницы тетрадных листов, и удивлению моему не было предела, когда узнала, что это были те самые песни знаменитого поэта Батырая, которые пел для мамы Сабур, взобравшись на дерево. Некоторые буквы настолько расплылись и расползлись, что невозможно было прочитать их: наверное, когда записывала песни, мама не могла сдержать слез. Я трепетно подносила листы к лицу, прикладывала к ним губы, принюхивалась – они пахли моим улетевшим детством, бездонным материнским теплом, ее несбывшимися горькими мечтами… Я долго не могла успокоиться – рыдала и рыдала.

Со временем все утихло.

Заглохло.

Забылось.

Только во мне ничего не утихло, не заглохло, не забылось.

Я вошла в материнский возраст и, как когда-то мама, почувствовала себя мучительно раздвоенной личностью, и все это дало знать о себе незаживающей раной.

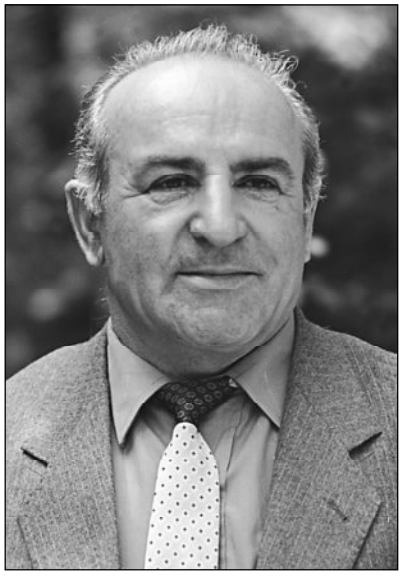
Неужели все возвращается на круги своя?

И мне суждено повторить судьбу матери?

* Да проявит Аллах милосердие к вашей покойнице и утешит ваши души терпением.

Магомед ГАМИДОВ

Восьмистишия



* * *

На щедрых лозах тяжелеют гроздья.
Под поздний шелест пожелтевших нив,
Пронзая воздух, опадают звезды,
Красой недолгой взоры полонив.

Над быстрой речкой
ты ревниво шепчешь:
«Пусть август гасит звезды без следа.
Ты только на меня смотри весь вечер,
Ведь я навечно для тебя звезда».

* * *

Хлещет дождь по кровле и стерне
Грустным послесловьем катастрофы.
В тишине черчу я на окне,
Как во сне, твой полудетский профиль.

Изморось туманит без конца
Мой рисунок. Только нету средства,
Чтоб черты любимого лица
Вычеркнуть из горестного сердца.

* * *

Спят ветра. И тишиной обласкан,
Гасит краски медленный закат.
Только Каспий, пьяный под завязку,
Кружит в пляске бешеный накат.

Все, что скажешь, делаю, не споря,
В гости не хожу, не пью вина.
Только ты бушуешь, словно море.
Но скажи мне, в чем моя вина?!

* * *

Все сущее в итоге без следа
Мчит в никуда без цели и дороги.
Наверное, на долгие года
Наш мир убогий позабыли боги.

Пускай надежды сожжены дотла,
И выбил из седла скакун крылатый,
В проклятом мире силу жить дала
Твоя любовь, прекрасная, когда-то.

* * *

Утром рано у той же реки
Я тебя повстречал, как ни странно.
И вопросы твои, как штыки,
Что направлены в старые раны.

«Ты грустил обо мне хоть чуть-чуть,
Словно ветер, скитаясь по свету?»
Что сказать? Я печально молчу.
Ведь ответа по-прежнему нету.

* * *

Мой путь идет к концу. Но, страха не тая,
Закон существования приемлю.
И я уйду в края небытия,
И небо не обрушится на землю.

Но, видит бог, когда бы в должный срок
Я на рассвете милую не встретил
На перекрестке жизненных дорог,
И дня б не смог прожить на этом свете.

* * *

Говоришь, что мы с тобой не пара:
Мне пора уйти, как ни крути.
Но судьба переплела недаром
Наши непохожие пути.

Разобраться нам сполна непросто,
Где моя и где твоя вина.
Лучше у судьбы решенье спросим
И поступим, как велит она.

* * *

Моя звезда, ты хочешь без следа
Навечно затеряться во Вселенной,
Чтобы плененный красотой нетленной
Тебя не отыскал я никогда.

Но страсть моя – крылатый конь Варак,
Вознесший в поднебесье Мухаммеда,
Святым путем,
что лишь влюбленным ведом,
Домчит к тебе сквозь пустоту и мрак.

* * *

Тебя повстречав, позабыл свой очаг,
С тоскою в очах по дорогам
Я пьяным безумцем брожу по ночам,
Вина не пригубив из рога.

«Опомнись!» – твердят мне друзья поутру,
Любовь свою пеплом развеяв.
Но сразу умру на веселом пиру,
Когда от любви отрезвею.

* * *

Речет Коран: «Любовь – подарок Бога».
Свет негасимый в тьме житейских бед.
Святой завет на жизненных дорогах
Я соблюдаю строго с юных лет.

Не отвергай божественного дара,
Не нарушай свой мусульманский долг!
А пара мы с тобой или не пара,
Пускай рассудит милосердный Бог.

* * *

Время быстротечными ручьями
В вечность мчит без тропок и дорог.
Что имело на земле начало,
Кончится, когда настанет срок.

Сменит осень солнечное лето,
Радость – безответная печаль.
Но, пока вращается планета,
Светлым песням о любви звучать.

* * *

Ты ушла. И все трудней дышать.
Мир готов на части расколоться.
Тьму и свет смешав, померкло солнце.
Бьется в адском пламени душа.

Милость мне, красавица, яви:
Вызволи из адского полона!
Пусть всегда сияет с небосклона
Для влюбленных солнышко любви.

* * *

Снег на сердце, мир кромешным адом,
Если рядом твой не слышен смех,
Только осуждать меня не надо,
Сам себя сужу я строже всех.

Кончим споры. Если ты не хочешь
Быть моим жестоким палачом,
Дверь, что нараспашку днем и ночью,
Отвори улыбкой, как ключом.

* * *

– Ты много песен посвятил другим,
Слагал им строчки днем и поздней ночью.
Но почему любви высокий гимн
Мне, проча счастье,
посвятить не хочешь?!

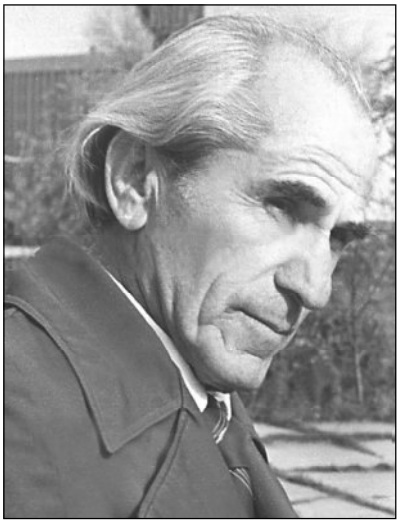
– Любимая, в скитальческой судьбе
Ты самая заветная из песен.
А те, что раздарил я повсеместно,
Пропеты для тебя и о тебе.

Перевел с даргинского С. СУЩЕВСКИЙ

ИЗ КНИГИ, КОТОРОЙ ПОКА НЕТ

Булач ГАДЖИЕВ

И вот что еще было...



Эта книга, в основу которой лягут, возможно, более 500 рассказов, записанных автором со слов собеседников за несколько десятилетий путешествий по родному Дагестану, пока не имеет названия. Но, как и все предыдущие книги Булача Гаджиева, она, несомненно, станет еще одним его вкладом в копилку знаний о своей республике.

«С ЧЕМ СРАВНЮ…»

Вскоре после Кавказской войны началось строительство дороги между Темир-Хан-Шурой и Ботлихом. Она проходила через горные аулы Аркас и Араканы. Строителей развлекали танцоры и музыканты, канатоходцы и певцы, приглашенные со всего Нагорного Дагестана. В работе принимал участие и поэт Тажутдин Чанка из Батлаича. В Араканах он встретил певицу Айшат и воспылал к девушке горячим чувством. С той минуты ему стало все нипочем, в том числе и строгие правила адата, запрещавшие открыто, всенародно восхищаться женской красотой, тем более ее воспевать. Поэт не мог молчать, хоть сошли в Сибирь, хоть на месте казни… Вот тогда-то и родилась его знаменитая песня «Араканинка».

Пусть потом и стыдно будет –
Все открою, не тая.
Пусть весь мир меня осудит,
Но молчать не в силах я.

Вместо рецензии

Кладезь народной памяти

«Тайны дагестанских скал» – так называется новая книга Булача Гаджиева. Да, того самого, которого в Дагестане знают все. Или – почти все. Для тех, кто «почти» и для самых юных напомню: Булач Имадутдинович Гаджиев – преподаватель истории в средней школе №5 Буйнакска, заслуженный учитель СССР и школ России, автор множества книг о Дагестане, исходивший со своими воспитанниками-туристами почти всю республику, а его телепередача «В стране легенд и преданий», выходящая в дагестанский телеэфир уже около 40 лет, давно просится в Книгу рекордов Гиннесса.

И вот новая книга. Тиражом всего в 1000 экземпляров. Как это мало. Ужасно мало. Только в Буйнакске проживает около 15 тысяч семей, каждая должна иметь ее на своей книжной полке. Потому что много интересного рассказано о Буйнакске и его окрестностях. А это уже 15-тысячный тираж. А сколько познавательного, исторического (из фольклора, легенд и преданий) рассказано о самых разнообразных уголках республики, о людях, живших в них! Книга будет желанной в любом нашем городе или ауле, в горах или на равнине. Все, о чем рассказывает автор, он услышал от конкретных людей, почерпнул в письменных источниках, порой сегодня для нас недоступных, и на которые непременно ссылается. В общем, очень любопытно. Как всегда и как все, о чем рассказывает Булач Имадутдинович.

Порой приходится слышать сомнения, насколько, мол, это достоверно. Вопрос скептический, но скорее – смешной. А насколько достоверны рассказы о деяниях наших современников, совершенных всего два-три десятка лет назад, очевидцами которых мы были сами? Или, если заглянуть поглубже, насколько достоверны сведения о Хочбаре, Парту Патиме, нашествии Надир-шаха? Или, если взять российскую историю, насколько верны подробности Куликовской битвы, Ледового побоища, «подвигов» Григория Распутина, даже недавних полетов в космос? Все это – народная память, сохраняющая и передающая из уст в уста, из поколения в поколение все значительное, что происходило в жизни страны, республики, города или аула, или даже маленького хутора, все, что привлекло внимание их жителей. Честь и хвала подвижникам, собирающим по крупицам эту память, чтобы передать потомкам. Булач Гаджиев – один из таких редких людей.

И еще. Читая это бесхитростное повествование о событиях минувших, собранных в книге в 144 небольших главках, наиболее ярко ощущаешь свою причастность к родине, тому месту, где родился и вырос, где стал таким, каков есть, к народу, частицей которого являешься. Неважно, какой ты национальной принадлежности – аварец, даргинец, кумык, лезгин, лакец, табасаранец… Тебе все дорого, все близко, все понятно, все объяснимо и все значимо. Потому что в книге все свое, дагестанское. А если книгу прочтет не дагестанец, а русский в Нечерноземной полосе, украинец на Полтавщине или немец в Баварии, американец в Техасе, то все они, думаю, получат представление о нашем крае и о нас, дагестанцах, тоже. Вот в чем еще одно достоинство книги. Да, простой безыскусный язык, да, рассказ зачастую о незначительных для истории края бытовых подробностях. Но в том и искренность книги, ее убедительность. Ведь в капле воды отражается море…

Что до меня, то я немало узнал из того, что хотелось узнать о родном Буйнакске, об исхоженных в детстве городских окрестностях, об именах, знакомых, но ничего до прочтения книги мне не говорящих. Теперь я знаю, что за ними стоит. Спасибо за это Булачу Имадутдиновичу. Я уверен, вслед за мной сказали бы ему спасибо тысячи читателей, узнав из его новой книги много интересного о том, что их окружало и окружает с детства. Но тираж ее, повторюсь, всего тысяча экземпляров. Увы!

Итожа свои впечатления от новой работы Булача Гаджиева, хочется высказать, пожалуй, главное из них. Чтобы рассказать о времени, о стране, о людях, можно написать роман, поэму, повесть, сказку. Как это сделали, скажем, Л. Толстой, А. Пушкин, Х. Андерсен, Р. Гамзатов. А можно собрать о стране и о времени то, что люди передают от родителей к детям. Эти бесхитростные рассказы, объединенные под книжной обложкой, тоже создают свой неповторимый портрет.

Д. АХМЕДХАНОВ

О зачем, араканинка,
Ты приехала в Чалда?
Лучше б нам, араканинка,
Не встречаться никогда!

Был я бит судьбой сурово,
Беды шли со всех сторон,
Ты пришла – и мукой новой
Я, страдалец, уязвлен…

Дразнишь ты жемчужной кожей,
Гордой поступью своей…
О неладный свет! О боже!
Эта мука всех страшней!

Вижу стан великолепный -
И немею, задрожав,
Взор твой встречу я – и слепну,
Словно солнце увидав.

С чем сравню я это тело?
Как убога наша речь…
И пылинка б не посмела
Лечь на белый мрамор плеч.

Лоб твой зеркала яснее,
Гладок, нежен, как атлас,
Словно буквы нун, чернеют
Брови с яхонтами глаз.

Всех жемчужин мира краше
Подбородок твой литой.
Как серебряные чаши,
Груди, скрытые фатой.

Сладки звуки милой речи,
Как стихи поют слова,
О тебе летит далече
Восхищенная молва.

И любуюсь, и тоскую,
И не в силах я понять:
Неужель тебя, такую,
Родила простая мать?

До кончины не расстанусь
Я с мечтою о тебе,
Хоть судьба и не свела нас –
Благодарен я судьбе.

Ты уходишь, дорогая,
Ждет тебя далекий путь,
Об одном прошу тебя я:
Не забудь…
О, не забудь!
(Перевод с аварского Д. Голубкова)

Эту песню без устали мог исполнять Чанка Тажутдин.

В 1974 году самым старым жителем села Балахани Унцукульского района считался 100-летний Гаджи-Магомед Мирзоев. Я к нему заходил в сопровождении местных педагогов. Когда речь зашла о женской красоте, дед встрепенулся и сказал: «Я знал Айшат Араканскую. Она приходила на мою свадьбу со своим братом Ахмедом. Айшат я запомнил стройной, среднего роста. Танцевала красиво, не хуже чем пела. Я в качестве жениха сидел за столом и думал: вот бы мне такую жену, как Айшат. Лучше бы не приходила она в Балахани. Она светилась как солнечный луч. Я не поэт, а то бы подобрал слова, достойные ее красоты. Два дня шла свадьба, два дня я ее видел, а запомнил на всю жизнь…»

Но вернемся к поэту и поэтессе.

Не бывает любви без страданий. Находились люди, исподтишка бросавшие на них злобные взгляды. Но по другой причине Айшат и Тажутдину не пришлось сойтись. А по какой – ни близкие, ни знающие ее мне не могли точно сказать. Так, туманные намеки, а настоящая причина оставалась тайной за семью печатями. Будто… Но не будем сплетничать…

Стоит рассказать об отношении сельчан к своей поэтессе. Муж никогда не запрещал Айшат выступать перед публикой, жители же с восторгом принимали ее пение.

…Когда в село приезжал царский чиновник, генерал, наиб округа или какая-нибудь другая знаменитость, то Айшат по просьбе бегаула и стариков выступала с песнями, импровизациями.

…В Гимрах, на родине Шамиля, росло такое развесистое дерево, что в тени его могли отдыхать почти все жители аула. Однажды из Араканы пришли аксакалы и просят: «Мы построили молельню, но для омовения не хватает ванны. Если уважите нашу просьбу, мы для этой цели спилили бы ваше знаменитое дерево».

Послушали гимринцы, почесали затылки и решили пойти навстречу араканцам. Спилили дерево, тут же обтесали его, сделали громадную, в три сажени длиною, глубокую лохань, а затем несколько молодцев на плечах с трудом понесли удивительное сооружение. Тащили день, тащили два. Наконец дошли до того места, где дорога от Аварского Койсу круто идет вверх. Сил уже не хватало. На арбу лохань не положишь – не поместится, да и быки такую ношу не потянут.

…Догадался араканский бегаул. Он привел Айшат и при народе попросил: «Спой!». Ее не надо было упрашивать. Она пела и шла в гору, а народ из аула высыпал, помогает, подбадривает… До сих пор цела ванна из гимринского дерева, в которую день и ночь стекает холодная родниковая вода…

В 1927 году Айшат Араканская вместе с Татамом Мурадовым, его племянницей Барият, гармонистом Шубаевым, бубнистом Ядо и певцом Умаром Арашевым ездила в Москву, где дагестанцы выступали с концертом. О поездке в столицу мне рассказала Барият Мурадова: «Когда Айшат вышла на сцену, то застыдилась и стала боком к зрителям, кусала губы, чтобы не заплакать, а мой дядя, Татам, из-за кулис по-аварски шепчет: «На публику смотри!». Через несколько минут, может быть, самых долгих в ее жизни, она освоилась, запела. Пела она песню Махмуда. Целая капелла в маленьком горле. После возвращения в Махачкалу Айшат уехала на родину, и более я ее не видела. Уверяю – она пела бесподобно».

В 1968 году я встречался с дочерью Айшат Араканской – Патимат Асельдеровой и записал следующий рассказ: «Первым мужем моей мамы был Асельдер. От него было двое детей, которые умерли в раннем возрасте. А третьей была я. С моим отцом, Асельдером, мама разошлась, когда мне исполнилось два года.

Маму запомнила полной, рослой, со светлым лицом. Главное – глаза – бездонные колодцы. Жаль, что нет ее фотографии, все бы сказали – красавица. Смелая была. Одевалась во все черное. Лицо не закрывала. Была автором песен, которые сама исполняла. Не знаю, правда или нет, люди говорили, что при царе Николае ее возили в Москву, где она выступала с песнями, и домой ее отпустили с подарками, в числе которых была почему-то и лошадь. В это время я проживала у отца в Дженгутае. Второго мужа мамы звали Джахбар. Он имел в Араканах магазин да в придачу и мельницу. Всегда в его доме или на мельнице слышались песни. Заходи, кто хочешь. После революции Джахбар ремонтировал дороги и до самой смерти получал пенсию».

В 1927 году в Араканы прибыл начинающий композитор Готфрид Гасанов с художницей Екатериной Львовой. Гасанов вез на лошадях ящики с фонографом и восковыми дисками. Тогда-то и были записаны песни из уст самой поэтессы. Бывший при Гасанове переводчик Сааду Нурмагомаев вспоминал, что, невзирая на то, что Айшат тогда было под 60 лет, голос ее отличался необыкновенной чистотою. Не впервой было сельчанам слушать свою землячку, но после каждой песни араканцы громко одобряли Айшат словом: «Баркала». Умерла она в 1954 году в возрасте 84 лет. Похоронена в родном селе.

«Литература – это новости, которые не устаревают»

Эзра Паунд

А я думаю, не сохранились ли восковые диски? Хоть бы голос певицы услышать нам, потомкам.

«НЕ ВЕРЮ, ЧТО ВЫРОСЛА ТЫ В КОЛЫБЕЛИ…»

Махмуд жил в родном ауле Кахаб-росо, а совсем недалеко от него, в Бетле, проживала Муи. Он стал непревзойденным лирическим поэтом, а она славилась неотразимой красотой.

Чтобы стать великим, Махмуду пришлось не только пройти школу всеми аварцами почитаемого Тажутдина Чанки, но и много пострадать.

Муи перенесла немало невзгод, однако за свое главное богатство – внешность – ей беспокоиться не пришлось, этим занималась сама мать-природа. Девушка безвыездно жила в Бетле, а Махмуд приходил туда пешком из своего Кахаб-росо. В Бетле он учился в примечетской школе. Ее посещала и наша героиня. Вот тут-то Махмуд впервые вблизи увидел девушку небесной красоты, чей образ навечно пленил его сердце:

Не верю, что выросла ты
в колыбели,
Что песни тебе колыбельные пели,
Что грудью кормили тебя, как других,
Ласкали, растили тебя, как других!
Смотрю на тебя, перед чудом немея:
Весь мир, словно в зеркале,
вижу в тебе я!

Друзья Махмуда были удивлены, что он скоро забросил медресе. Свой поступок он объяснял тем, что азбука ему нужна была только, чтобы записывать свои песни и стихи.

Я думаю, причина была совсем в ином: Махмуд понимал, что родители Муи, люди довольно состоятельные, и слышать не захотят о каком-то поэте без роду и племени, сыне бедняка-углежога. А видеть ежедневно любимую девушку и не иметь на нее никаких прав – это было выше его сил.

Вскоре Муи выдали замуж за офицера Дагестанского конно-регулярного полка Кебет-Магому. Началась первая мировая война, муж Муи уехал на фронт и героически погиб в бою. В том же дагестанском полку служил Махмуд. Аллах миловал его, и он через три года без единой царапины вернулся домой. Не буду описывать, как все эти годы поэт скучал по родине, по любимой. Скажу только, что, будучи в Австрии, он создал великолепную поэму «Мариам», посвященную Муи:

«О, как сердце мое сжигает тоска,
Облака, облака, возьмите мой вздох!
Известите, прошу, небесную власть:
Пишет жалобу страсть, что я занемог!
За тобою везде брожу день за днем,
Я в народе родном пословицей стал!
Что постигло тебя? Взойди на крыльцо,
Хоть одно письмецо
страдальцу отправь.

Вдова офицера не только не думала писать письма, а наоборот, когда Махмуд возвратился с войны и вновь стал домогаться ее руки, через людей предупредила, что родители непреклонны, так что пусть Махмуд оставит ее в покое.

Ах, любовь, любовь… На что только не толкает она нас. И что, думаете, придумал наш поэт? Упорно, день за днем, на рассвете, преодолев расстояние между Кахаб-росо и Бетлем, появлялся он в ауле, и, взобравшись на небольшой холмик, начинал утреннюю серенаду. И, знаете, никто не смеялся над ним. Наоборот, сочувствовали. Махмуд не был профессиональным певцом, слова песен произносил речитативом. Да и на пандуре не был мастером играть.

Однажды все-таки дрогнуло сердце вдовы. На тайной встрече она сказала: «Махмуд, ради Бога, сделай так, будто бы похитил меня». И сама предложила план: «В сумерках я пойду жарить кукурузу, а ты и твои товарищи «украдите меня».

Едва дождались поэт и его друзья назначенного времени. Смотрят, идет желанная. Схватили Муи, посадили на лошадь, для видимости постреляли в воздух из пистолетов и ружей и по горной тропе спустились в Ашильта. Хаджи-Мурат, друг Махмуда, хотел забрать женщину к себе, но Муи рассудила иначе: «Ты, Махмуд, иди к своим кунакам, а я пойду к своим. Так будет лучше и вернее».

– Почему? – удивился поэт.

– Пусть так будет, пока старики Ашильта отправятся в Бетль просить у родителей моей руки.

Довод был резонным. Возлюбленные разошлись по своим кунакам. Однако утром произошло невероятное. На вопрос аксакалов, желает ли Муи выйти за Махмуда, она ответила отказом.

– Меня насильно увезли, – объявила женщина. Все были поражены коварством бетлинки. Тогда Махмуд сказал:

Казались мне речи твои золотыми,
Но были они медяками простыми.

Серебряным ты мне сияла лицом,
Но сердце свое заливала свинцом…

Ты в мненье людском
оправдаться стремилась,
прибегла ты к злобе, коварству и лжи.

Измене молилась, обману молилась,
Какого же рая ты жаждешь, скажи?

И только лишь через годы оставшиеся в живых поняли, почему так жестоко обошлась Муи с поэтом. Слухи о ее встрече и сговоре с Махмудом и его друзьями все равно разошлись бы, как круги от брошенного в воду камня. И тогда бы не миновать кровопролития. Вот почему пожертвовала своей любовью Муи.

А тем временем поэт терзал себя упреками: «Ах, какой я глупец, что отпустил свою голубку и кунакам!».

Глава аула Ашильта Тагули отправил Махмуда и его сообщников – Хаджи-Мурата, Абдулмаджида, Мухитдина и Муи с ее отцом к окружному начальнику Арашу в Унцукуль. Тот строго принял их и рассадил одних по одну сторону от себя, а других – по другую. А сам – высокий, здоровенный, в скрипучих сапогах, в каракулевой папахе и со служебным знаком на груди – нервно ходил между ними.

– Встань, Муи! – наконец приказал наиб. – Ты сама пошла к нему или тебя украли? Отвечай!

А та в ответ: «Разве, Араш, ты не знаешь, что я его не люблю? Они, вот эти молодцы, меня насильно забрали!».

Махмуд горько улыбнулся, но ничего не сказал. Наиб впился в него глазами: «Что было между вами, Махмуд? Теперь ты говори!».

– Если моя подруга, Муи, так изложила события, что мне остается добавить?

Наиб поднял и Хаджи-Мурата. Тот, не моргнув глазом, сказал: «Утром я взял топор и пошел к Абдулле, чтобы идти в лес. Ты же знаешь, ожидаются холода. А Абдулла мне и говорит, что из Кахаб-росо пришли Махмуд и Муи. Я обрадовался и пошел на них поглядеть. Вот и все!».

Ответ держал и Абдулмаджид: «В сумерках они пришли ко мне…»

– Кто они? – перебил его наиб.

– Как кто? Да вот же они сидят перед тобою: Махмуд и Хаджи-Мурат. Так вот, в сумерках они пришли ко мне. И все.

Мухитдин ответил: «О приходе

«Нужно очень много истории, чтобы получилось немного литературы»

Генри Джеймс

Махмуда и Муи я услышал на годекане. Как мог я там усидеть?! Уж очень хотелось поглядеть…»

– Правду ли они говорят? – обратился Араш к Муи.

– Неправда все это! – отвечала женщина.

Араш еще походил, скрипя дегтем смазанными сапогами и, показав на портрет императора Николая II, потребовал: «Поклянитесь, что вы мне говорите правду и только правду!».

– Валлах, еще какую правду говорили! – не моргнув глазом, воскликнули молодцы. При этом Махмуд молчал, будто оцепенел.

Выпроводив мужчин, Араш резко повернулся к Муи, чтобы сказать: «Недотрога, ты тоже хороша!».

…Я у моего информатора спрашивал: «С кем из ваших женщин можно было бы сравнить Муи?».

– Сравнивать не берусь, боюсь, обижу ашильтинок, – отвечал Хаджи-Мурат, – но и Муи мне показалась самой обыкновенной горянкой, особой красоты я что-то в ней не увидел. Впрочем, Махмуд на нее смотрел не моими глазами… Для него она была необыкновенной.

Муи умерла. Но подрастал в Бетле ее сын Гасан. Говорят, ребенку полюбилась одна из песен Махмуда. Сосед-старик растолковал Гасану, что песня в свое время адресовалась его матери. Это очень опечалило мальчика, и он сказал: «Эх, если бы не умерла мама, а Махмуд не погиб, то я бы ее за руку к нему отвел и попросил: будьте вместе!».

…Много-много лет назад в пути из Унцукуля в Кахаб-росо меня и моих юных друзей накрыл проливной дождь. Было холодно, хотя стоял июль. Через часа два мы оказались у разрушенного и заброшенного аула Бетль. Стены домов без крыш, некоторые сакли развалились совсем, и на их месте лежали лишь груды камней.

Здесь, в Бетле, много лет назад жила и умерла любовь Махмуда – красавица Муи. В ауле ничего не осталось, что напоминало бы о них.

Время превращает в пыль даже гранит, но оно бессильно перед памятью. Имена Махмуда и Муи не забыты. Люди помнят о них, из поколения в поколение передают суровую повесть о неразделенной любви кахабросинца к бетлинке.

ВЫРУЧИЛА СЕБЯ

Во времена Шамиля своей внешностью в ауле Цыйша славилась дочь почтенного Хайдара – Изеза. О черноглазой и краснощекой девушке услыхали мюриды имама и, вопреки строгостям того времени, решили ее похитить.

К аулу они подъехали, когда сумерки уступили место абсолютной темноте. В шагах ста от Цыйша они заметили тень, набиравшую воду из родника.

Женщины – это такой народ, что если что-нибудь и не знают, то догадываются, что к чему. Догадалась и Изеза, что за птицы явились в их селение.

– Как не знать, – отвечала на вопрос мюридов девушка. – Следуйте за мной и я приведу вас прямо к дому этой вертихвостки!

Она несла на плечах полный кувшин воды, а всадники неторопливо следовали за ней. Некоторое время, нарочно проплутав по кривым улочкам Цыйша, Изеза, попросив незваных гостей как можно тише вести себя, издали указала на дом, где проживало многочисленное семейство и были самые злые собаки.

Не успела она исчезнуть в темноте, как услышала громкую брань мужчин, поднятых страшным лаем собак. Затем раздались выстрелы и топот лошадей, удаляющихся от аула. Мюриды ускакали с мыслью, что красавица живет за воротами с семью замками.

С тех пор родичи стерегли Изезу как зеницу ока, без сопровождающих никуда не выпускали. Когда же в ауле узнали, что и как случилось с дочерью почтенного Хайдара, то все восторгались ее находчивостью. Семья, к дому которой направила мюридов Изеза, хотела с нею породниться, но получила вежливый отказ.

Потомки Хайдара и его прекрасной дочери живут в Цыйша по сию пору. По крайней мере, так уверял меня мой собеседник – житель этого аула М. М. Магомедов.

> ***«Мысль без морали – недомыслие; мораль без мысли – фанатизм»***
>
> ***В. Ключевский***

РЕВНОСТЬ – И РОВНЫЙ СЧЕТ

В Цыйша проживал состоятельный крестьянин по имени Ошет. Славный человек и добрый труженик, не хуже других, однако было у него (как бы это поделикатнее сказать) одно «преимущество» перед сельчанами: красивая жена.

В последнее время к Ошету зачастил кунак из Вихли. Сидит, пьет, ест, строит глазки его жене.

Замечено, что если женщина влюбляется в мужчину, не обращая внимания на его достоинства и недостатки, – значит с нею не все в порядке. Ошет ждал, что супруга возмутится вызывающим поведением гостя, но она и виду не подавала, что ей неприятны ухаживания вихлинца.

– Значит, – сказал себе Ошет, – что-то у них назревает, если плод уже не сорван.

Когда в очередной раз прибыл гость, хозяин приказал супруге приготовить обильное угощение. Красавица не только не возмутилась таким расточительством, а с удовольствием приступила к хлопотам.

Чего только не было на столе, что только не ели и не пили. Вихлинец блистал остроумием, сыпал анекдотами, смешными рассказами, а в довершение ко всему взял пандур и стал петь. Пел он странные, если не сказать – страшные, песни, видно, хмель окончательно помутил его разум:

Если бы у мужа
было побольше баранов,
Мы бы объелись мясом,
а ему бросили кости.
Если бы у него
было побольше ульев,
Мы бы ели мед,
а ему воск подали бы…

И все в таком духе. Хозяйка тоже заливалась соловьем, будто в шутку воспринимая песню вихлинца. А как переносил эти слова Ошет – одному Аллаху ведомо. В то же время видно было, что он сам был виноват, позволяя гостю высказываться столь рискованно.

Наконец Ошет проводил гостя далеко за аул. Он шел впереди, держа за уздечку лошадь, на которой восседал премного довольный гость.

Перед тем как расстаться, Ошет попросил:

– Уступи-ка на минуту свой пистолет.

– Зачем, – удивился гость.

– Сейчас узнаешь! – И не успел вихлинец узнать в чем дело, как пуля угодила ему прямо в сердце. На теле убитого земляки нашли записку с такими словами: «Заберите своего Камала» (что иносказательно означало: заберите сушеное на зиму мясо быка).

По решению седобородых Ошета сослали за гору Шунудаг в Сургинский участок нынешнего Акушинского района.

Ошет на новом месте не унывал. Преодолев в ночное время горные тропы, появлялся у своей красавицы, из-за которой совершил кровопролитие. Жена понимала свою вину, по-

тому молча переносила не проходящую ревность мужа.

Весть о том, что их враг жив, как больной зуб, не давала покоя вихлинцам. Они прознали о ночных визитах Ошета. И однажды, устроив засаду, прикончили его. На груди Ошета родственники нашли аналогичную той первой записку со словами: «Теперь вы заберите своего Камала».

Эта история 140-150-летней давности, приключившаяся из-за потерявшей голову женщины, не имела продолжения, так как с той и с другой стороны было убито по одному человеку.

РАССКАЗАЛ АЧАКАН…

Фотокорреспондент буйнакской городской газеты «Луч коммунизма» А. Гадисов с директором эрпелинского совхоза шли по улице. Из мечети вывалил народ.

– Вах, – воскликнул Абдурахман Гадисов, – как много у вас старожилов!

– Это что, – ответил директор совхоза, – главного среди них нет.

– Кто же «главный»?

– 117-летний Ачакан. Хочешь его увидеть?

– Чтобы такого аксакала увидеть, из Москвы можно было бы приехать…

Пошли к Ачакану, тот дома сидит, чай пьет.

– Я представляю газету, – обратился к аксакалу Гадисов. – Хотел бы о вас заметку написать.

Ачакан засмеялся.

– Кому интересна моя жизнь?

– Как кому? – удивился корреспондент. – На примере таких, как вы, мы будем учить молодежь…

Старик будто все еще скромничал:

- Ни один из молодых не выдержит тех испытаний, что я перенес…

– Согласен, – поддержал Гадисов. – И все-таки…

– Хорошо, – сдался Ачакан. – Рассказать – расскажу, только писать обо мне в газету нет смысла.

– Почему?

– Сам посуди: с семи лет начал курить и только два года назад бросил эту привычку. Так что у меня стаж курильщика, считай, 108 лет. А вот как научился. Моим соседом был мальчик старше меня года на два. Завел в сарай и предлагает закурить. Я отказался. Тогда он ударил меня. Дальше не стоит рассказывать. Пришлось заняться этой глупостью, и увлекся.

– Но, дедушка Ачакан, – решил корреспондент перевести разговор в другое русло, – пить-то вы, наверное, не пьете?

– Это я не пью? – расхохотался Ачакан. Эй, Кумсият, принеси-ка чего-нибудь хмельного.

Через минуту женщина лет шестидесяти зашла в саклю, неся в каждой руке по бутылке портвейна.

– Угощайтесь! – предложил хозяин. – Да и себя я не обижу.

– А какие вы должности занимали? – продолжал уводить разговор в другое русло Гадисов. – Какую работу выполняли?

– Считай, никакую, – отвечал эрпелинец. – Больше скитался по белу свету, даже в тюрьме как-то пришлось отсидеть.

> ***«Искусство – одно из средств различения доброго от злого»***
>
> ***Лев Толстой***

Отчаявшийся корреспондент в сердцах произнес:

– Уважаемый дедушка Ачакан! Я чту ваш возраст, но то, о чем вы рассказываете, нельзя печатать в газете. Вы несовременный герой…

– Вам герой нужен? – нисколько не обиделся долгожитель. – Эй, Кумсият, поди-ка сюда! Вот она настоящий герой. Кумсият вышла за моего сына, а через тринадцать дней началась война. Сын погиб, а она меня, старика, кормила, одевала, а теперь, когда я вовсе беспомощен, обращается как с дитем малым: искупает, спать уложит… Сколько молодцов сватали ее, сколькие пытались соблазнить богатством, а Кумсият не изменила памяти моего дорогого сына, верила, что он вернется, и осталась со мной, с бездельником.

– О ней непременно напишу, – пообещал корреспондент и, чтобы не обидеть старика, попросил Кумсият приодеть Ачакана, а затем во дворе их очень скромного дома он несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата.

ИЗ ВАРШАВЫ В ТЕМИР-ХАН-ШУРУ…

В Дагестане говорят: разрежь арбуз – и там найдешь лакца. Представители этого племени разбросаны по всему земному шару. Один из них проживал в Варшаве, зарабатывал на хлеб-соль ювелирным искусством. Он имел броскую внешность – рослый, красивый молодой человек.

Одна варшавянка, молодая и тоже не обделенная внешностью, зачастила к нему. Она приносила свои драгоценности, дольше других оставалась в мастерской, будто интересовалась поделками дагестанца. Девушка то и дело прохаживалась мимо окон мастерской, кокетливо покачивая бедрами. Наш человек, не дурак, сообразил, что нравится полячке. Очень скоро у них закрутился роман, и они стали тайно жить вместе. Связь не могла оставаться тайной бесконечно. Когда стало очевидно, что дагестанец может поплатиться не только мастерской, но и собственной свободой, влюбленные бежали и поселились в Дагестане, в одном богом забытом горном ауле. По утрам далеко внизу плыл молочно-белый туман, а по вечерам мычали возвращающиеся с пастбища коровы. Через какое-то время, убедившись, что их след утерян, чета переехала в Темир-Хан-Шуру.

Всему, даже очень хорошему, приходит конец. Лакец, увлекшись другой красавицей, остыл к полячке. Покинутая женщина собралась было вернуться на родину, но тут за ней стал волочиться чиновник из областного центра. Причем так напористо, что она не выдержала осаду и сдалась. Зажили они прекрасно, душа в душу, оба были довольны друг другом. К вечеру каждого дня варшавянка прихорашивалась у зеркала, и они вдвоем с мужем, смешавшись с публикой, гуляли по Акушинской улице или танцевали допоздна на балу в офицерском клубе.

К тому времени полячка не потеряла еще ни свежести лица, ни стройности фигуры. Поэтому, наверное, и молодые, и пожилые мужчины украдкой наблюдали за влюбленной парой. И ни он, ни его красавица-жена не знали, какая беда ждет их впереди.

Однажды летним вечером они как обычно пили чай на балконе своего двухэтажного дома. Раздался выстрел, и муж как подкошенный рухнул со стула на пол. Незнакомые люди стали барабанить в ворота. Красавица оказалась не робкого десятка. Она схватила ружье и закричала, что если убийцы мужа не уйдут, она их перестреляет как куропаток. Твердый голос отчаявшейся женщины и угроза отмщения подействовали на незваных гостей.

Похоронив мужа и продав дом, измученная женщина решила вернуться на родину. В это тяжелое для нее время явился бывший супруг – лакец-ювелир. Его уговоры помириться и зажить как прежде, в ладу и в мире, ни к чему не привели. Она заказала фаэтон и покинула Темир-Хан-Шуру. Но, увы, на этом ее страдания не закончились. На Атлыбоюнском перевале разбойники остановили экипаж и ограбили ее дочиста. Как она добиралась до родины и добралась ли вообще, я не берусь судить, но в областном центре упорно циркулировали слухи, что полиция была в курсе событий, однако почему-то никаких мер не приняла.

Бадрутдин МАГОМЕДОВ

Родной язык

Высок и темен гулкий храм Вселенной,
Его, поди, и мыслью не объять.
Ты сто миров пройдешь попеременно,
И все равно конца им не видать.

Высок и темен гулкий храм познанья,
Главою уходя за облака.
В его глуби, ключом к всесветным тайнам,
Горит огонь родного языка.

Перевод с кумыкского П. КОШЕЛЯ

***

В старом доме
комнату я получил
на рассвете пришел, рукава засучил,
мыл я оконные рамы двойные
с помощью тряпки, мыла и соды, –
между рамами щелочки есть потайные,
где пыль накопилась за долгие годы.
Сколько птиц в этот день
отдыхали на форточке,
когда распахнулась она!
Стекла я мыл, приседая на корточки, –
мыл от зари до темна.
А к вечеру, в сумерках,
пахнущих ветром,
так много воды утекло,
что стал я таким же
прозрачным и светлым,
как вымытое стекло.

Перевод с кумыкского Ю. МОРИЦ

Колокола России

Надежде Кондрашиной

Я мало о прошлом помню,
Я мало о прошлом знаю,
Но расскажу, как помню,
Как знаю, была не была –
Гудели на всю округу,
На праздник народ сзывая,
Медные, стопудовые,
Древние колокола…

Можно спалить мою память
И пепел развеять даже,
Но вспомнит, но отзовется
Чуткая моя кровь –
Когда на земле рассветной
Скакала конница вражья –
С багровой зарей мешался
Густой колокольный рев…

Я знаю, что их снимали,
Канаты перерезая,
Когда нас ломила сила,
Одолевала в бою,
Их зарывали в землю,
Закапывали, спасали –
Как волю свою, как надежду,
Как звонкую душу свою!

Было, всякое было –
И грозный звон раздавался,
В тревожные и лихие,
В смутные времена, –
И лютая брань стихала,
Безумным разум давался,
И в берега входила
Бушующая страна.

На медных боках зажигались
Пожаров багровых блики,
И с женами снова прощались
Сидор, Петр, Иван…
Но глуше и тише звоны –
То государь Петр Великий
Колокола церковные
В пушки переливал…

Мы связаны кровью единой,
И в жилах она не остынет,
И в наших сердцах не заглохнет
Знакомый, далекий зов,
Подхватывают горьким эхом
Колокола Хатыни
Высокую скорбную ноту
Древних колоколов.

Загудело по всей планете –
Хатынь,
Бухенвальд, Хиросима…
Чтоб мир вовек не дымился
В развалинах и в золе –
Тревогу свою и надежду
Колокола России
Несут по белому свету,
По всей необъятной земле.

Я мало о прошлом помню,
Я мало о будущем знаю,
Одно только знаю твердо –
Моя бы воля была:
Обошел бы, обшарил Землю
Всю от края до края –
Собрал бы угрюмые пушки -
Перелил бы – в колокола!

Перевод с кумыкского В. АРТЕМОВА

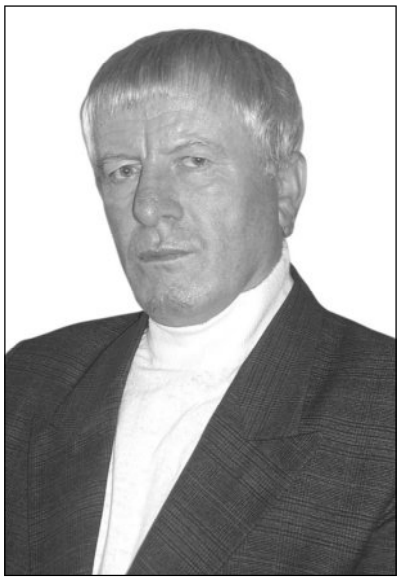
Хромой Мажит

Не застать Мажита дома.
Днем и ночью он в полях.
Ни сединки не заметно -
В золотистых волосах.

А когда в седло садится,
Выезжая на луга,
Тяжело скрипит, как дышло,
Деревянная нога.

И бывает, за обедом,
Неуемный балагур,
Он пошутит напоследок,
Обрывая перекур:

– На быка шлею цеплял я –
Самому теперь нужна…



Сколько ноженек до крови
Затянула та война!

Чтобы зря не распинаться,
На себя я укажу:
Звали раньше «быстроногим»,
Вышел весь – в «хромых» хожу.

Вы мне часто говорите,
Что пора, мол, отдохнуть…
Так уж прямо и скажите –
Лечь да ноги протянуть.

Похожу на деревяшке.
Что ж охаивать ее?
Пусть хоть дерево, но все же
Не чужое, а свое.

Вспомним лучше не дошедших
Из окопов, лагерей
До салютов, до медалей
Или просто – костылей…

У судьбы дорожек много,
Но тогда она светла,
Если главная дорога
Через сердце пролегла.

Называло «быстроногим»
До войны меня село.
Но скажу, от клички новой
Мне совсем не тяжело.

Тяжела земля от крови.
В этой тяжести земной,
Что мои семь с половиной,
Щедро кинутых войной?!

Подтяну шлею потуже –
И на сердце веселей…
Вот стране моей, бывало,
Приходилось тяжелей…

Перевод с кумыкского П. КОШЕЛЯ

***

Такие прозрачные лица есть,
С морщинами прежде срока…
У них под глазами я смог прочесть,
как судьба их прекрасна и как жестока!

Эти лица – лучистые зеркала.
По мере трудов и усталости
святая их скромность перетекла
в благородную тайну старости.

Есть лица, пестрые как плоды,
И гладкие, словно шторы.
Их маски, глаза из цветной слюды –
одна пустота, в которой

ничто не искрится – поздно! –
бесчувственный мрак чугунный…
Если юность не стала звездной, –
старость не будет лунной.

Перевод с кумыкского Ю. МОРИЦ

Уходящая женщина

Она еще годам не уступает,
По-прежнему чертовски хороша.
Но сквозь лицо преступно проступает
Дотла перегоревшая душа.

Идет по жизни, словно по базару,
Где чувства выставляют напоказ.
По-прежнему волнующа, недаром
Глядят юнцы, не отрывая глаз.

Но тихой тенью на румянах тают
Пожухлые сырые сентябри,
И тускло драгоценности пылают
В печальном свете гаснущей зари.

Как не сумела в молодости давней
Быть крепостью и не считать года,
Так и теперь цветущею поляной
Она уже не станет никогда.

От встреч былых остался только холод.
Любили не ее, а красоту.
Возлюбленные бывшие обходят
Разбившуюся вдребезги мечту.

Страдает оттого, что нет на свете
Ее следов, – развеялись, легки.
Не возвратит звенящий в небе ветер
Ни горсточки просеянной муки.

Страдает оттого, что жизнь увяла
И остается только лишь страдать.
Когда-то, не жалея, разбросала
То, что теперь вовеки не собрать.

«Ну что случилось, боже мой,
со светом, –
Промолвит тихо, – как же дальше быть,
Куда мне обратиться за советом,
Кому мне душу горькую открыть?

Как хочется тоскою поделиться
И в чьей-нибудь судьбе оставить след.
Вокруг мелькают лица, лица, лица,
Но одного, единственного – нет!»

И, даже не подозревая,
что этот единственный – я,
уходящая женщина завернула
В магазин «Алмаз»…

Перевод с кумыкского П. КОШЕЛЯ

Динислам КАРДАШЕВ

Цветы дождя не боятся

Так сложилось исторически, что в Дагестане каждый крупный аул имел раньше свою, как теперь говорят, «специализацию»: Яхсай всегда поставлял кумыкам ученых, поэтов и министров, Казанище – поэтов, богословов, кооператоров, чекистов и так далее.

Времена изменились. Какашура – родина замечательных хлеборобов, животноводов, прекрасных администраторов и энергетиков, стала еще и кузницей превосходных поэтов, писателей и драматургов, журналистов и режиссеров: Насрутдиновы, Магомедсолтан Яхьяев, Зубаил Хиясов, Бадрутдин Магомедов… Перечень можно продолжить. Об одном из них, Бадрутдине Магомедове, и пойдет речь.

Я взял для начала только три довольно серьезных по содержанию и тематике стихотворения – «Женщины идут с жатвы», «Думы, поведанные кумыком кумыку» и «Что случилось с нами сегодня?».

В плане поэтическом, на мой взгляд, особое место занимает первое. Обыкновенная бытовая зарисовка: в конце тяжелого трудового дня с работы возвращаются женщины-колхозницы. Но как выпукло нарисована картина: даже не понимая языка, можно на слух уловить четкий ритм и звучную рифму:

Къатунлар геле оракъдан
Яв аякъдан, йыракъдан…

Стихотворение сделано крепко, мастерски, со знанием того, что описывается и как. Портреты выписаны так ярко, естественно, рельефно, что надо быть начисто лишенным воображения, чтобы не суметь увидеть героинь поэта. Розовые от ежевики ноги, лица в поту, но на губах шербет, как сабли обнажены руки, сердца полны весенних песен, лица зацелованы солнцем, души распахнуты весенним, пахнущим подсолнухом, ветрам. И пусть не напомажены их лица, не увешаны они драгоценностями, сами они и есть настоящее золото – золото, которое не продается. Они не станут пребывать долго в тяжелых думах, хотя у каждой найдется достаточно поводов для горьких мыслей. Немало среди них и встречающих старость в одиночестве, из почтения к отнятым войной мужьям, не устроивших личную жизнь. Несмотря ни на что, не утеряли они умения ценить небольшие жизненные радости. Многое в нем трудно поддается переводу: веселые каламбуры, шутки (известные только носителям языка), недомолвки, понятные только тем, кто хорошо знает жизнь села, и многое другое, прекрасное, неповторимое и трудно переводимое.

Второе стихотворение – «Думы» – поэт начинает с обширного экскурса в историю кумыкского народа, обнаруживая при этом отменное знание не только легенд из истории своих соплеменников, но и свободное владение богатствами степного эпоса, тюркского фольклора, народных сказаний, преданий, песен и притч. Суть очень большого стихотворения, которое по размеру (да и содержанию тоже) потянет и на поэму, сводится к ностальгическим воспоминаниям и беглому обзору не столь уж и отдаленного прошлого и констатации сегодняшнего положения степи и ее аборигенов. Два обстоятельства обращают на себя особое внимание. Первое – это то, что во всех их бедах, поэт винит самих кумыков, и никого больше и, в первую очередь себя. Второе «Думы» находят полное понимание (и одобрение) в умах и душах читателей.

Третье, тоже довольно крупное стихотворение, повторяет с небольшим смещением аспекта, в общем, ту же беспроигрышную тему, но в несколько иной вариации. Надо отдать автору должное, диагноз поставлен безошибочно: народ исчезает в буквальном

и переносном смысле, язык гибнет… Поэт взывает к исторической памяти народа, ссылаясь на яркие страницы прошлого; говорит, что потомки не простят нам забвения былого, не простят всеобщего пессимизма и губительной апатии. Осталось предложить еще и рецепт, но это уже дело не поэтов; их удел – ставить вопросы времени и (иногда) указывать ориентиры; решением же проблем народа должны заниматься другие.

Стихотворение это, насколько мне известно, нигде полностью не публиковалось, а только прошло по рукам в виде рукописи, и однажды прозвучало по радио на кумыкском языке.

Есть у поэта весьма удачные стихи о ворах, хапугах и прочей тупой, сытой, самоуверенной мрази, свысока взирающей на тех, кто не успел, или постыдился воровать. Но, странное дело, при чтении стихов Бадрутдина никак не покидает чувство, что писал он их в спешке, сильно куда-то торопясь и опаздывая. Это можно отнести даже к лучшим его поэтическим произведениям.

Поспешность, недоработанность (как говорят кумыки – «не пропущено через маленький топорик») неизбежно ведут к длиннотам, повторам и технической неряшливости. У кумыков есть хорошая пословица, звучащая примерно так: «Когда гость торопится, чурек подгорает». Оригинальные мысли, тонкие наблюдения, банальные сравнения нередко тонут в избытке слов, не всегда нужных, а то и просто неоправданных. Обидно.

Бросается в глаза одна интересная деталь: когда поэт пишет о хорошо ему знакомом, читать стихи – одно удовольствие. Но стоит ему приняться морализировать и философствовать, он моментально теряет самобытность, становится банальным и опускается до уровня доброй сотни наших доморощенных виршеплетов (самолично пишущих в газеты отзывы и хвалебные оды о своих стихах от имени «девушек и женщин поселка Тарки и пятого поселка города Махачкала»), сравнивать с которыми Бадрутдина и нельзя, и не хочется.

Каждый вправе иметь собственное суждение и видение, а ложь и лицемерие в оценке творчества кого бы то ни было (в том числе и «святая ложь» или ложь во благо), по-моему, плохая услуга тому, о ком идет речь. Я не нахожу особенно удачными стихи Бадрутдина, несущие биографический оттенок, перегруженные не всегда интересными для массового читателя деталями бытового характера. Либо поэту порой изменяет чувство юмора и самоиронии, либо он влюблен во все, что выходит из-под его пера – что, вообще-то, довольно обычно для начинающих и неопытных. Хвала Аллаху, Бадрутдин, к ним не относится! Но и первое, и, особенно – второе нередко заставляет изменять чувство меры и вкуса.

Ат карасгъа байлана,
Мен намусгъа байландым…

(**я к совести привязан** – буквально; пусть это скажут другие, самому говорить такое о себе – по меньшей мере, нескромно).

Есть и другие тому примеры. Интересно, что все они – не слова и поступки лирического героя, а, увы, интерпретация, похоже, чистейшей воды автобиографии.

«Ата юртум, ата юртум!» – это уже набило оскомину. Все распинаются, особенно распинаются в любви к родному селу. Чувство, свойственное любому человеку, естественно, не чуждо и поэтам, но все хорошо в меру. Да и не принято много говорить о глубоких чувствах, чего бы и кого бы они ни касались – родного села или любимой девушки.

Несколько слов о переводах. Бадрутдин перевел и даже издал трагедию Шекспира «Гамлет». Я просмотрел эту книгу, она не хуже множества других подобных вещей. Но вот на что я не могу найти ответа – это вопрос: зачем?

Шекспир – это другая эпоха, другой народ, иные нравы, другая почва и чужой язык. Даже современнику-европейцу в переводе он уже не столь актуален, как 100 или даже 50 лет назад. А для кавказцев, носителей не столь пригодного для переводов с европейского языка, как другие европейские языки, он таков – тем более. И, конечно же, поэт переводил не с английского, а с русского. Тогда – зачем? Кумыкский читатель, если захочет приобщиться к Шекспиру, прочтет его и на русском.

Бадрутдин преимущественно лирик, хотя в его поэзии, четче, чем у кого бы то ни было, превалирует гражданственность. Особенно в стихах последних лет. Он хорошо владеет богатством родного языка, подкупая старшее поколение лексикой, если не умершей окончательно, то уж точно вышедшей из употребления; по крайней мере – в городской среде (кесев, карас, тогъас и др.).

Нередко встречаются в его стихах интересные наблюдения, оригинальные находки:

Къара тегенек сакълай
Акъ чечекни абурун…

(черная колючка оберегает достоинство белого цветка).

Бадрутдин – поэт и плодовитый, он пишет много и, как это ни странно в наши, далеко не легкие времена, много издается. Помоги ему Бог, особенно, если это не в ущерб талантливым собратьям по перу.

Есть и еще один, крайне щепетильный момент в жизни каждой творческой личности. Это результат сопоставления творческих деклараций поэта и его реальный портрет. Приведу пример. Пушкин в творчестве и – он же в быту. По В. В. Вересаеву: гениальный поэт, неукротимый бунтарь, невольник чести, неподкупный рыцарь и пламенный трибун, и – гениальный циник, неподражаемый угодник, непревзойденный лакей и пошляк.

Я понимаю – надо уметь любоваться розой и не видеть шипов. Понимаю, что у великих могут быть великими и слабости, что все мы под Богом ходим, что под одеждой все мы – голые, и что надо смотреть на лицевую, а не на оборотную сторону медали. И все-таки, если сравнительно молодой, безусловно, одаренный и сильный походя расталкивает менее сильных и, может быть, не столь способных собратьев по перу, я этого не понимаю и понимать не хочу!

Наконец, последнее – Бадрутдин Магомедов, несомненно, способный, временами – даже талантливый поэт. В нем есть то самое – «от Бога». Не в каждом его произведении можно найти настоящую поэзию, но если поискать, то найдутся и прекрасные творения. О нем говорят много, и – разное. Но ведь трясут только то дерево, на котором есть плоды. И чем резвее скакун, тем больше за ним пыли…

Я бы хотел быть правильно понятым. Жалит и змея и пчела, все дело в том, каковы последствия: ужаленный может погибнуть, а может и излечиться. Незаслуженная похвала адресуется обычно женщинам, детям и ослам – остальным надо говорить правду. Но без злобы. Такая правда не может принести вреда, о чем давным-давно уже поведал миру талантливый добряк, кутила и чревоугодник Иван Крылов:

Таланты истинны на критику не злятся,
Она порочить им не может красоты,
И лишь поддельные цветы
Дождя боятся…

Даже если это было сказано задолго до него, все равно – хорошо замечено. Что же касается похвал и славословий к месту и не к месту, то аллилуйщиков хватает и без меня. Уж чего другого, а этого добра довольно…

Юлия ЗАЧЕСОВА

Помолись...

***

Одной идти по темной улице
И лгать родным, что проводили.
Хвалить себя: ведь ты же умница.
А грусть… Так что же? Все грустили.

И верить в то, что образуется,
И что приятней быть одною…
И чье-то ощущать присутствие,
Молчанье чье-то за спиною.

***

Навевает что-то грустное
Караван далеких звезд.
Удержала я звезду свою,
Наступив звезде на хвост.

Куролесит, оголтелая,
Вьюга, славя баловство.
А чего еще хотела я?
Скоро, скоро Рождество.

Две волчицы

Ветер тихо играет высокой травой
В первых сумерках рдеющей ночи.
– Он подумает, будто ты любишь его!
– Что ж, пускай понимает, как хочет.

Встало девственной первой звезды острие.
Ночь за омут лесной ее прочит…
– Он решит, для него ты готова на все!
– Что ж, пускай понимает, как хочет.

Стихло все, только слышно русалочий смех.
Только леший из чащи пророчит.
– Ты сегодня, я вижу, счастливее всех.
– Я увижу его этой ночью.

Дождь

И дождь пришел. Надеюсь на удачу,
Вдыхаю грудью сладостный озон.
Сейчас и я дождинками заплачу
С тобой, мой теплый ливень, в унисон.

Знать, суждено тебе дрожать в ресницах
И боль моей души отогревать.
А я бегу тобою причаститься
И пить из луж, и небо целовать.

***

И Ева и Лилит в одном лице
Твоем. Взгляд на тебя – сквозная рана.
Речь не веду о мировом конце -
Мы все из мирового Океана.

В твоем лице и Ева и Лилит
Слились навек и не хотят расстаться.
В тебе краса всех звездных Аэлит.
Тебе спокон и присно – восемнадцать.

И Ева и Лилит в лице твоем.
Твои ладони пахнут земляникой.
Я оступлюсь в бездонный водоем
Твоих ночей и утону без крика.

И Ева и Лилит… Тебя любить -
Как странный сон, волшебный и недолгий.
Вдвоем сгореть и за Порог ступить -
Так любят боги, демоны и волки.

Лилит и Ева… Нет, сто тысяч жен
В тебе слились навеки неделимо.
Я стрелами твоими поражен,
И ни одна не пролетела мимо.

***

А ты не плачь… Не стану притворяться:
Не чтоб учить, каким богам не верить,
Пришел, а чтобы снова потеряться
В твоих глазах, что небом не измерить.

Ты холодна, – да, я тебя не стою.
Но ты меня поишь горячим чаем.
Ты светишь мне вечернею звездою,
Я ангелом тебе препоручаем.

Не уходи еще… Пришел, как прежде,
Спасаться от безжалостных агоний.
И я целую луч звезды в надежде,
Что спустится она в мои ладони.

Помолись…

М. А.

Помолись за меня, помолись.
Я вообще не умею молиться.
Помолись за меня, чтобы ввысь
Улететь смогла гордая птица.

Чтоб не знал я ни зла ни забот,
Кроме тех, что начертаны свыше.
Чтоб среди непролазных болот
На тропу я надёжную вышел.

Чтоб не знал я беды и тревог.
Чтоб писались легко мои песни.
Чтоб я мог прочитать между строк
Про тебя, кто мне всех интересней.

Светлый ангел, ко мне обернись,
В платье белом небесная фея.
Доверяю тебе свою жизнь
Без оглядки и всё, что имею.

Помолись за меня, чтобы зло
Не совсем в мою душу проникло.
Мне не с богом, а с чёртом везло.
Но к тому ты, должно быть, привыкла.

На изгиб чёрных крыл обопрись.
А о большем просить не посмею…
Помолись за меня, помолись.
Я молиться совсем не умею.

***

Он называл её по имени.
Она отзывалась шелестом ветра,
Шумом моря и щебетом птиц.

Он называл её по имени.
Она оборачивалась, и он видел,
Что у неё миллионы лиц.

Он называл её по имени.
Она ему пела колыбельные песни,
Он любил дремать в тени её ресниц.

Он называл её по имени…
Ему откликались весенние зори,
Небо и земля без границ.

***

«…Он в Бога не верит.
Но Бог ещё верит в него»

К. Ваншенкин

Молилась как-то в полночь: помоги,
Ты помоги мне обрести потерю.
И верила рассудку вопреки:
Поможет Он, хоть я в Него не верю.

И в день, когда прольётся темнота
И город навсегда замкнёт все двери,
Я тихо стукну в Главные Врата,
И впустит Он… хоть я в Него не верю.

Надеюсь, хоть надежда мне чужда
(Она – не знанье, стало быть – не надо…).
Но кажется мне только иногда:
Незримый кто-то ждёт чего-то рядом.

Иду я, не хваля и не кляня,
И путь пройдённый вёрстами не мерю.
И Тот, кто свято верует в меня,
Надеясь, ждёт, что я в Него поверю.

***

Потерпи. Нам недолго осталось.
Здесь, похоже, без нас веселей.
С каждым годом сильнее усталость,
С каждым веком печальней и злей.

Бьет охотник по нам из пищали.
Друг, зачем же ты так приуныл?
Нам тут вечную жизнь обещали.
Так примерь пару ангельских крыл.

Лишь к себе не испытывай жалость.
Это хуже, чем бить лебедей…
А вначале забавным казалось,
Когда приняли нас за людей.

КРИТИКА

Разговор на распутье

Алексей ЧАГИН,
доктор филологических наук, профессор

Казбек Султанов. «Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы». Москва. Издательство «Наследие». 2001

Вот книга, собравшая в себе все «проклятые» вопросы русской литературы: и «кто виноват?», и «что делать?», и порядком забытое нынешней публицистикой «зачем?» (помните лермонтовский «Валерик»? – «Жалкий человек!.. Под небом места много всем, но беспрестанно и напрасно один враждует он – зачем?»), открывающаяся почти пушкинским вопросом: «Куда плывем?».

Все эти вопросы, давно ставшие родовой приметой российского интеллигента, наполняются вполне реальным и подчас грозным смыслом, будучи обращены к сегодняшней ситуации на Северном Кавказе, к ситуации, увиденной гораздо шире, чем предстает она со страниц газет – как духовный, цивилизационный перекресток, на котором оказались народы этой земли. Внимательный читатель, взяв в руки книгу К. Султанова, убедится, несомненно, что книга эта нужна сегодня и что появилась она вовремя.

История, как известно, учит (или, по крайней мере, должна учить) в том числе и тому, что каждый раз, когда страна наша оказывается на историческом распутье, со всей остротой дают знать о себе вопросы национального развития – говоря конкретнее, вопросы духовного развития населяющих ее народов. Так было во времена петровских реформ, так было после исторического потрясения, каким стал 1917 год, на таком же опасном распутье оказываемся мы и сейчас. Как и прежде, маячат перед нами или «соблазны духовного эсперанто, мировой ярмарки», о которых писал в свое время Г. Федотов, или химеры национального самообольщения, вплоть до «мессианства». Как и в былые времена, над всеми этими соблазнами и химерами возвышается задача восстановления и сбережения истинного духовного лица родины.

В этом отношении книга К. Султанова полезна вдвойне: и тем, что обращена к сегодняшним острейшим, часто болезненным вопросам национального самосознания, и тем, что вопросы эти решаются автором на материале литератур Северного Кавказа, предстающего не только тугим узлом исторических, политических, культурных проблем, но и, в определенной мере, уменьшенной моделью всей нашей многонациональной страны.

Масштабность и многоуровневый характер проблематики – от сегодняшнего дня до времен Шамиля, от глобальных проблем взаимодействия и исторического движения народов на крутых поворотах национальной судьбы до творчества конкретного писателя – предопределили полифонию книги: автор ее предстает здесь и как литературовед, и как историк, и как публицист. Именно такой объемный взгляд на сегодняшние проблемы национального развития и на отражение их в литературах народов Кавказа дает возможность, поднимаясь над противоречивостью событий, над разноголосицей споров и мнений, обозначить ряд ориентиров, важных для понимания того, на каком историческом рубеже все мы (не только Кавказ) сегодня оказались.

Уже в связи с тем, какое принципиальное значение придает автор культуре, «духовной сфере» как одному из важнейших слагаемых в решении нынешних непростых вопросов, связанных с Кавказом, его книга оказывается весьма значимым и своевременным шагом в осмыслении и самых насущных в наши дни проблем национального самосознания, и связанных с ними путей литературы. При этом важно, что звучащие в книге К. Султанова настойчивые напоминания об объединительной сущности культуры, о важности «культурной составляющей» в любых действиях или размышлениях, связанных с вопросами национального развития, об опасности (если говорить о Кавказе) выхода за поле большой кавказской культурной традиции направлены в «оба дома»: и к тем, кто пытается формировать сегодня северокавказскую политику России, и к идеологам и выразителям некоторых новых тенденций национального возрождения на Кавказе.

Да, северокавказская политика у нас была и остается внекультурной – и в этом смысле слепой, оставляющей без внимания важнейшие духовные основания кавказского бытия. Именно здесь, на этом диком поле культурного нигилизма, возникают ростки инстинктивной вражды к «чужому», попытки (в прессе, публицистике) демонизации образа Северного Кавказа. Прямо указывая на это, автор справедливо обращается к игнорируемым политиками заветам русской культуры, вспоминая размышления Л. Толстого об «уменьшении несогласия» между народами, о необходимости для этого «глубже зачерпнуть» из глубоких ключей «чужой» культурной традиции. С той же прямотой и убедительностью говорит он и о переживаемой ныне на кавказской земле «детской болезни инфантильного этноцентризма», оборачивающегося уходом в архаику, нетерпимостью к национальной самокритике, отстранением от опыта иных культур, от универсальных ценностей – и, в конечном счете, угрозой культурной маргинализации. Альтернативу этим двум, реально существующим, крайностям К. Султанов видит в необходимости заново принять и пережить идею «нашей историко-культурной взаимодополнительности», существования в едином культурном пространстве.

Здесь, в этой исходной позиции, подытоживающей содержание первой, вступительной главы, ясно дала знать о себе главная, пожалуй, внутренняя идея всей книги, неизменно стоящая за наиболее важными суждениями автора – идея равновесия как необходимого условия нормального развития культуры, как предпосылки любых объединительных процессов. Она – и в понимании плодотворного характера сегодняшней ситуации «духовной промежуточности», в которой оказался кавказский мир, стоящий ныне перед возможностью взаимодействия, синтеза двух цивилизационных контекстов, двух культурных миров – российского и исламского. Она – и в неприятии как национального нигилизма, так и национального эгоцентризма, двух полюсов, равно губительных и для внутрикавказских отношений, и на всем российском культурном пространстве.

Само понятие «национальная культура» предстает здесь как целостность, необходимым условием существования и развития которой оказывается равновесие, союз центробежных и центростремительных сил, тенденций национального самоутверждения и открытости для диалога и взаимодействия с иными культурами. Именно поэтому так постоянен автор в своих призывах не путать рост национального самосознания с культивированием национальной обиды, расширение духовных горизонтов нации с элементарной сменой флагов, с тем «новым ликом старой несвободы», о котором говорит он, размышляя об усилив-

шихся в последнее время в регионе тенденциях этноцентристского мышления, выросшего из сознательной примитивизации национальной идеи, из равнодушия к истине, равно не приемлющей ни попыток обезличения национальных культурных миров, ни психологии нации-крепости.

Отсюда – и предлагаемый К. Султановым взгляд на то, что происходит в последние годы в литературах Северного Кавказа и на ситуацию с их восприятием, изучением в литературоведении и критике. Не случайно, конечно, вся центральная часть книги отдана утверждению ценностного подхода к явлениям литературы, культуры. Напоминая об имеющейся здесь богатой традиции (от немецкой классической философии – к Н. Бердяеву, С. Франку, Н. Лосскому и далее – до М. Бахтина), автор видит существо ценностного подхода в органичной связи национального своеобразия и универсальных ценностей, особо подчеркивая необходимость поверять национальную самобытность литературных явлений критерием художественной ценности. Погружение в теорию оборачивается вполне конкретными размышлениями о проблемах литературоведения народов Северного Кавказа, где все очевиднее становится возрастающее внимание к национально-литературным аспектам при равнодушии к сфере наднационального, в результате чего предмет изучения – литературный процесс региона – в его истинном масштабе, вырастающем из интеграции различий, ускользает, его многообразие и внутренняя целостность остаются за бортом внимания исследователей. Именно поэтому поднимает К. Султанов вопрос о корректировке «методологического зрения» как неизбежном условии дальнейшего движения вперед, снова и снова напоминая о важности выхода за пределы внутринационального истолкования проблем, тенденций литературного развития. Особенный интерес, я думаю, в этом смысле представляет его предложение о введении понятия «межлитературный процесс», без апелляции к которому как к движущейся целостности не может быть понята в полной мере ни одна из национальных литератур региона. Ясно, конечно, что этот подход плодотворен не только в отношении северокавказских литератур.

И другая, увиденная автором, важнейшая сторона той же проблемы – игнорирование эстетических критериев в критике и литературоведении Северного Кавказа, уход от анализа художественного своеобразия произведения, утрата вкуса к подлинности, забвение таких понятий, как «талант», «красота», «художественность» при истолковании явлений литературы. Понятна вся своевременность этого наблюдения – хочу лишь напомнить, что беда это старая, выходящая далеко за пределы кавказских гор. Ведет она, в конечном счете, к оскудению представлений о литературе как о художественной ценности, к подмене этого критерия оценки произведения любого рода внелитературными ориентирами. Прежде подобной мнимой «компенсацией» отсутствия эстетического анализа могла быть идеологическая составляющая, теперь – если говорить о Северном Кавказе (да и не только о нем) – внимание лишь к этнической самобытности произведения, вывод о которой вроде бы может оправдать художественную его несостоятельность. А результат один – выход на первый план в истолковании художественных явлений того самого идейно-тематического подхода, о котором еще В. Ходасевич писал со свойственной ему ядовитостью: «…Произведение художественно никчемное никакой начинкой не спасается, как безголосые певчие не спасаются «отменным поведением».

И еще о бедах старых и новых. Справедливо и совершенно уместно предостережение К. Султанова о реальной опасности нового историко-литературного мифотворчества, подмены необходимого сегодня усложнения взгляда на историю своей национальной литературы, освобождения от былых идеологических клише, искажающих действительную, богатую картину пути, пройденного литературой, – выстраиванием новых идеологем, в которых на смену прежней безудержной апологии всего, что было связано с советским периодом, пришла столь же самозабвенная страсть ниспровержения всего и вся. Принципиально важны здесь размышления К. Султанова об имманентных законах развития литературы, далеко не полностью зависящей от внешних сил, от социальных обстоятельств, сохраняющей, несмотря на любую «рябь на воде» (или даже бурю), и духовные свои глубины, и направленность русла. Не случайно, конечно, в этих размышлениях возникает проблема тридцатых годов – речь идет здесь о необходимости сложного, многомерного осмысления этого периода, несводимого к «привычным упрекам в единомыслии и торжестве идеологической манипуляции». Вполне убедителен и важен в связи с этим развернутый сопоставительный анализ творчества аварца Г. Цадасы и лакца Э. Капиева, наглядно свидетельствующий о художественном своеобразии каждого из этих писателей, о драматизме пройденных ими путей в литературе и о невозможности подвести их под единую «шапку» соцреализма.

Один из сегодняшних вариантов литературоведческого мифотворчества автор видит в концепции «этнического ренессанса» – реакции литературоведения на привнесенный в литературу (как компенсация былой недооценки этнического фактора) избыточный, стилизованный, ностальгический этнизм. Напоминая о немалой дистанции, отделяющей «этническое» от «национального», возвращаясь к проходящей через всю книгу мысли о необходимости рассмотрения национального своеобразия произведения как одного из слагаемых его художественного строя, К. Султанов вполне обоснованно говорит о том, что отход от этого принципа в критике и литературоведении Северного Кавказа оборачивается угрозой сужения возможностей эстетического анализа, возникновения новой нормативности. Полемический пафос его размышлений обращен к «неистовым ревнителям» (не случайно возникает здесь это определение) чистоты и самоценности этнического, утверждающих идею «этнического ренессанса» как сверхценности, придающих описанию этнического значение самодостаточной характеристики произведения. Вспоминая известную гоголевскую формулу: «не в описании сарафана, но в самом духе народа», он не принимает попыток ограничить рассмотрение литературных явлений лишь пределами «сарафана».

Аргументы автора вполне убедительны: говоря о необходимости равновесия этнического и общезначимого в литературе, он обращается и к подтверждающему эту мысль опыту северокавказских писателей начала XX века (Т. Керашева, Х. Аппаева, Е. Урузмаговой); и к творчеству Э.Капиева, не принимавшего самоценный этнографизм как проявление духовного провинциализма; и к «Моему Дагестану» Р. Гамзатова, где воспевание своего национального, духовного дома неотделимо от открытости его в огромный мир. Не стану приводить большого ряда названных в книге К. Султанова имен современных писателей Северного Кавказа, в чьих произведениях живет гармония этнического и всеобщего – замечу лишь, что немалый интерес в этом смысле представляет его анализ творчества А. Евтыха, Н. Джусойты, Ч. Гусейнова, Б. Шинкубы.

В заключительной части своей книги К. Султанов возвращается к изначальному ее образу переживаемой сегодня ситуации цивилизационного распутья, перехода, пограничья, напоминая, что именно в такие моменты истории возрастает удельный вес и значение национальной идеи. Подход его к этой проблеме, несомненно, плодотворен – речь здесь идет о союзе культуры и национальной идеи, о неоценимой роли в этом важнейшем деле литературы, которая не декларирует, не навязывает национальную идею, а каждый раз, в каждом состоявшемся произведении как бы заново открывает ее. Позиция автора вполне определенна: рождение подлинной, не навязанной никем национальной идеи в большой степени зависит от врастания в нее культуры, литературы, оплодотворяющих ее духовным опытом нации, очищающих от спекулятивных построений; от воссоздания исторического пути национальной культуры и восстановления истинных ее границ, включающих в себя и давно отсеченную, но возвращающуюся сегодня часть материка – литературу национальной диаспоры.

Словом, цена равновесия, о котором неизменно ведет речь автор – внутреннего равновесия национальной литературы и необходимых ориентиров в ее изучении – как видим, высока: она требует подлинности творчества художника, профессионального мужества и выверенной позиции исследователя. И книга К. Султанова, обращенная к сегодняшним непростым проблемам национальных литератур, культур, предлагает плодотворные пути их решения, выходящие в своей значимости за пределы литературного региона.

Рельефность мира – резцом вымысла

Зулхижат ГАДЖИЕВА,
доктор филологических наук

В предыдущем номере журнала «Дагестан» была напечатана притча аварского писателя Газимагомеда Галбацова «И пошел снег…». Она вызвала немалые споры не только у широкой публики, но и на заседании нашей редакционной коллегии. И то, что такая реакция закономерна, подтверждает предлагаемая читателям журнала статья, автор которой будто по следам недавней публикации высказывает свое мнение о творчестве нашего автора.

В небольшой статье нет смысла даже пытаться всесторонне и полно охарактеризовать творчество писателя, о котором почти ничего не написано. Тем более что это творчество настолько богато, многомерно и самобытно, что непозволительно говорить о нем скороговоркой. Поэтому я в этой статье ставлю перед собой конкретную задачу – сформулировать коротко свое впечатление о Газимагомеде Галбацове, человеке и писателе, определить главные черты его творческого облика.

С распадом СССР, развалом социалистического строя вся многонациональная литература страны потеряла питавшую ее мощную идеологическую энергетику. Об этих годах Фазиль Искандер писал: «Там, где была идеология, зияет черная дыра. И оттуда веет космическим холодом. И сейчас неуютно поеживаются не только те, кто привык паразитировать на идеологии, но и те, кто весьма критически к ней относились».

В эти годы пришел конец «романтической парадигме» о приближении коммунизма и отпала необходимость верой и правдой служить делу социализма. В то же время исторический перелом 90-х годов стал для писателей мощным психологическим импульсом, который спровоцировал возникновение внутри литературного процесса новых тенденций. В этой весьма не простой ситуации деятели литературы стали на путь поисков нового художественного языка, иных форм и способов, позволяющих адекватно выразить новые переживания и ощущения. Появились течения и направления, которые ученые определяют как традиционалистские и новотворческие.

Естественно, и в аварской литературе отпала идеологическая зашоренность, узость видения мира. Перед ней открылся простор мировой литературы, в лоне которой поэтам и писателям отныне предстоит создавать новые художественные субстанции. То есть, можно констатировать, что начался качественно новый виток развития аварской литературы.

В этой сумасшедшей и болезненной круговерти счастливчиком, «родившимся в рубашке», оказался Г. Галбацов, аварский прозаик и драматург, специфика таланта которого заложена самой природой в его характер, характер его ума.

Галбацов – человек, известный независимостью суждений, пытливостью и остротой ума и, конечно, не всем угодный. Это неординарная личность с ярким и страстным темпераментом, беспредельно искренний и где-то озорной, необыкновенно добрый и радушный, но и бескомпромиссно резкий в своих суждениях о жизни и о «собратьях по правописанию», что, конечно же, не прощается по извечному закону человеческого общества. Это натура художнически тонко чувствующая все грани мира, того и этого, легко ранимая и беззащитная. Его открытое сердце всегда «на ладони». Оно заполнено преданностью дружбе, брызжет весельем и пронизано музыкой, чаще печальной, ритмы которой не сложно уловить в его даже самой фантастической прозе. Переживая глубоко обиду, незаслуженно нанесенную ему, он никогда не мстит, потому что он не мелочен, не примитивен и в жизни и в творчестве. Галбацов – это иное измерение в аварской литературе.

Имя Галбацова в ней появилось еще до перестроечных катаклизмов, неся с собой неожиданный ракурс видения мира, и было встречено многомерной, разнохарактерной реакцией общества. Одни недоумевали: что это такое? Другие возмущались: как можно писать такое? Но были и третьи, приятно изумившиеся, мол, это что-то новое. И все ждали появления его новых произведений, мол, что еще выкинет, какой сюрприз преподнесет, чем удивит и обрадует? Так что читательским вниманием автор никогда не был обделен. Его произведения все эти годы и по сей день окружены достаточно яростными спорами читателей и собратьев по перу. У одних он вызывает интерес необычным для аварской прозы аспектом трактовки тем, самой специфичной тематикой, отличительной стилистической манерой, лапидарной, словно резцом наносящей строгие, суровые, четкие штрихи, связывающиеся волею авторского интеллекта в загадочную вязь рисунка жизни, в его, галбацовский, художественный текст. Других он возмущает шокирующим, эпатирующим натурализмом, якобы не позволительным с точки зрения горской этики и эстетики. Его имя и творчество окружают бурные восторги тех, кто чувствует нечто новое и искреннее, достоверное и нужное людям. И ожесточенное брюзжание других, тоже почувствовавших приближение нового, иного качества, уровня, способного оттеснить привычное. Его приветствуют, но и судят. Судят за отступление от законов «зеркального отражения» жизни, не замечая, как он талантливо интерпретировал в своем «космосе» законы этого отражения, увидел их в «зазеркалье».

Все, что говорится вокруг имени и творчества Галбацова, можно отнести к области аттестации писателя, которая, заметим, проводится оцениванием его произведения с позиций чуждых для него художественных ценностей. Почему-то даже не пытаются вникнуть ни в его собственную эстетическую философию, ни в его «космос», которые так важны, чтобы понять писателя, ни в его литературную технику ваятеля, демиурга. Как-то не замечается, что художественный мир Галбацова совсем иной, с иными ценностями, и что сегодня получило право на жизнь искусство, освобожденное от оков будничности, реальности, хотя именно такое искусство, как показывает история, представляет собой мощь, подобную непредсказуемым творческим силам природы.

Начнем «реабилитацию» писателя с того, что именно он явил собой в аварской прозе новую ветвь, сущность которой состоит в умении органически сочетать интерес к психологии не носителя социальной идеи, а просто человека, с где-то западным мастерством строить сюжет, с блестящим владением литературной техникой, умением встать над реальностью, наблюдать ее через свой собственный творческий космос и выстраивать такую действительность, которая вполне может соперничать и соперничает с реальностью. Апресян Ю.Д. так пишет о Набо-

кове: «Высшим воплощением творческой способности писателя Набоков считал такой вымысел, который по рельефности деталей и богатству красок способен соперничать с действительностью». Вероятно, это и есть те измерения, которыми следует измерять и оценивать поиски Галбацова.

Г. Галбацов, на первый взгляд, кажется чрезвычайно «странным» писателем, странными могут показаться его тематика, мировидение, даже сама техника письма. Но когда размышляешь над его «странностями», невольно вспоминаются строки из «Дара» Набокова: «Люби лишь то, что редкостно и мнимо, что крадется окраинами сна, что злит глупцов, что смердами казнимо, как родине, будь вымыслу верна».

Как он и сам постоянно подчеркивает, и как свидетельствуют об этом сами его произведения, Галбацова интересует, неудержимо тянет к себе все особое, приметное, необъяснимое, мимо которого он не может пройти. Он замечает в жизни то, что другие, может быть, не видят. А может быть, увидев, удивившись, тут же забывают и идут дальше. Он обладает редкой и драгоценной особенностью, которая только и может рождать истинно художественное произведение – силой воображения. Яркое и сильное воображение в сочетании с развитым в его творчестве миметизмом, точно и лаконично данными подробностями, деталями, приводит к тому, что читатель как будто бы убеждается, начинает верить в возможность, в действительность представленных в его произведениях образов, ситуаций, хотя они, может быть, и вовсе невозможны. Он мастерски может придать почти невероятному с точки зрения обычного человека вид такой «действительности», которая воспринимается реальнее реального. В каждом произведении он открывает еще один неприглядный штрих реальности и, пропустив через свою «действительность», дав выпукло, реально, сконцентрировано преувеличив, окружив деталями, подносит «ближе к глазу» читателя. Поэтому его вымысел, его действительность не вуалируют реальность. Она наоборот воспринимается еще яснее.

Произведения Галбацова завораживают, полонят читателя логически выверенным свинченным сюжетом, неожиданностью, парадоксальностью ситуаций, которые порою эпатируют, шокируют. Ему нравится обрушивать на читателя, навязывая ему свою игру, неожиданные конструкции текста, и делает это он буквально с первой ударной фразы художественного текста. Его произведения завораживают, захватывают читателя, и это свойство усиливается автором где-то нарочито определенной дозой и драйва, и шокинга.

Но, несмотря на кажущуюся внешнюю хладнокровность, созерцательность, отстраненность повествования, весь ритм произведений и каждая деталь просвечены мерцанием души автора, придающим общему настрою оттенки авторского настроения. Его произведения музыкальны и лиричны, но они так завуалированы и сдержаны, что становятся доступными только душе, способной к сотворчеству. Писатель умеет незаметно, одним словом, аспектом его смысловой амбивалентности, синтаксической инверсией внести в хладнокровную миметическую точность ощутимое, цепляющее за внимание трепетание души. Оно может проявляться в недосказанности, паузе, умолчании, смысловой лакуне, многоточии, в оттенках интонации, юмористической, насмешливой, печально констатирующей. Он может описать лаконичную картину, сцену так, что читатель начинает ее видеть и ощущать зорким галбацовским взглядом и реагировать его чуткой душевной реакцией. Автор как бы предлагает читателю вступить в игру, в которую он вовлекает все – людей, вещи, тени, природу, и все это маскируется, перевоплощается, переливается из одного состояния в другое. В его игре участвуют и знаки, и символы, перевертыши и двойники, насекомые, живой снегопад, зыбкий и жуткий желтый свет, пульсирующий туман, холод и тепло. Это все живые участники игры, чувствующие состояние человека, предчувствующие и сопровождающие беду, участвующие в ее свершении.

Но все эти странные события и ситуации, тянущие за собой читателя, в его прозе, в конечном счете, формируют действительность со своей реальностью. Судьба, вершащая свое грозное дело вопреки воле, желаниям человека, попавшего в паутину жизни, «слепой рок», ведущий шаг за шагом человека к расплате, к гибели, физической или моральной, всем этим, всем составом своего творчества Галбацов пересматривает и роль читателя. Писатель, похоже, рассчитывает на активного партнера, вовлеченного им в двусторонний процесс сотворчества, способного понять модель жизни, созданную автором, ее сгущенную метафору. Он ждет от своего читателя внимательного чтения своих произведений, работы ума, интеллектуального сотворчества. Ему нужен читатель, способный понять авторский замысел, постичь и оценить его. Он словно бы предлагает читателю разыграть вместе с ним увлекательную шахматную партию, в которой ему одному все известно заранее, а партнеру надо лишь понять и дать себя вовлечь в игру.

Тексты его прозы необычны. По смысловой и эмоциональной насыщенности образа, чеканности строки, ритмичности периодов они похожи на вязь линейного узора, орнаментальную символику горского прикладного искусства и заполнены жизнью, авторской действительностью. Порою они суровы, как черно-белая графика. Часто в этом же колоре дается и пейзаж, который иногда подсвечивается цветами, вероятно, являющимися для автора символами гибели, боли, отчаяния, как холодная белизна снега, манящая, призрачная желтизна тумана, глубокая темень ночи, жар, идущий от «гибельных мест».

Проза Галбацова – явление новое, и новое для аварской прозы, свидетельствующее, что отныне она ориентируется на образцы мировой литературы. Она аварская по языку, топонимике, месту происхождения. Но она поднялась над локальной реальностью и устремлена к иным, общечеловеческим ориентирам разума, познания, постижения. Я не собираюсь вписывать имя Галбацова в ряд великих имен мира. Это дело времени, оно его или впишет, или не впишет. Но чтобы подтвердить типологическую общность явления в лице Галбацова, право этого явления на жизнь, хочу привести имена, всем хорошо знакомые – Гофман, Лири, Апдайк, Кафка, Соллогуб, Пильняк, Платонов, Набоков, Булгаков, Белый, Искандер. Или сегодняшние – Галковский, Ануфриев, Пепперштайн, Сорокин, Лейдерман, Пелевин.

Я не ошибусь, если скажу, что Галбацов использует успешно формы и приемы, давно известные, в новом сочетании открывая их неисчерпаемые возможности, создавая свой мир, свой текст жизни. Он не сочиняет, не выдумывает новые формы, использует уже сформировавшиеся, отстоявшиеся, традиционные – повесть, рассказ, миниатюра, пьеса, то есть уже имеющийся «генетический» жанровый код, позволяя читателю вроде бы предвидеть ход событий, а себе – играть с ожиданиями читателя, предлагая ему непредсказуемые развороты событий и судеб. Вот так, казалось бы, в поэтике пастиша он возвращает в свои произведения интригу, которая у него строится на кажущемся бесстрастным умосозерцании, в котором чуткий читатель ощущает пульсацию авторской воли.

Уловленные его зорким взглядом важные для него моменты жизни он проецирует на свой мир, психологически обосновывает их в сложном сплаве противоречий. Он углубляется в таинство выхваченного факта, преломляя его через поток сознания, параллельное движение миров, авторские ретардации, смену картин и ситуаций в их связанности с общей «паутиной» жизни, где каждое движение находится в причинно-следственной связи с чем-то или с кем-то.

У Галбацова нет произведений, рассчитанных на массового читателя. Слава богу, сегодня эта пресловутая «массовость» не является показателем таланта. У читателя есть возможность выбирать своего кумира. С. Константинова в одном из своих интервью говорит: «Вообще надо писать для одной тысячи человек. Этого вполне достаточно. Если я знаю, что у меня есть твердая тысяча читателей, это стоит того, чтобы садиться за стол и писать». Не знаю, сколько читателей у Галбацова, знаю одно, они у него есть, и они ждут его новых произведений.

НАСЛЕДИЕ

Муэтдин ЧАРИНОВ

Лакская литература: 70 лет назад

Вниманию читателей предлагаются извлечения из «Краткого очерка истории лакской литературы» – первого монографического исследования лакской литературы, более 50 лет пролежавшего в архивах НКВД (КГБ).

В 1935 году эта работа в числе других рукописей была изъята у автора, обвиненного в «буржуазном национализме» и тому подобных «грехах». На страницах рукописи «Кратких очерков…» сохранились пометки чекиста, придирчиво выискивавшего крамольные мысли и положения, которые, будучи вырванными из контекста, могли бы лечь в основу обвинения. Сфальсифицированное дело по обвинению Муэтдина Чаринова во «введении в терминологию арабизмов» и «систематическое извращение переводов» не было доведено до суда – в 1936 году в тюремной больнице поэт умер от, как сказано в истории болезни, «туберкулеза легких активного». Только после 1954 года, после посмертной реабилитации, появилась возможность издания рукописей поэта. С тех пор прошло почти полвека, но на русском языке вышла всего одна его книга (1974 г.), включающая в себя стихотворения и поэму «Габибат и Гаджияв» в переводах, оставляющих желать лучшего. Большая же часть литературного наследия М. Чаринова до сих пор недоступна русскоязычному населению. В том числе и «Краткий очерк истории лакской литературы», который только в 1990 году стараниями его брата Абдуллы Чаринова был возвращен наследникам.

К большому сожалению, объем журнала не позволяет воспроизвести весь текст, но мы надеемся, что к 110-летнему юбилею (май 2003 г.) «Краткий очерк…» будет издан отдельной книгой.

Необходимость такого издания, на наш взгляд, вызвана тем, что «Краткий очерк истории лаской литературы» – не только характерный документ своего времени, но и важное звено как лакского, так и общедагестанского литературного процесса.

<…>

…Разберемся теперь, что же стало с поэтами-клерикалами после Октября, при советской власти.

Они вели и ведут еще идейную борьбу против всех мероприятий советской власти, против строительства социализма, выступая явно или тайно в качестве агентов кулачества и умело используя фольклор, пишут кулацкие вещи. Напр., в 1920 г., в первый период советской власти, в период митингов и агитации, высмеивая это, они писали:

«Языком раздающие пришли,
Но ладони остались сухими,
И каждый остался в ожидании
Обещанной ему доли».

Или же:

«В Шуринские лавки, что бывали полны шелком,
Забрались теперь чарихчи и набили гнилыми чарихами».

Еще дается замечательно художественное описание современной техники: тут и велосипед, и автомобиль, и аэроплан, телеграф, радио, пароходы, танки и пр.

Под конец автор задает вопрос: как, по-вашему, создались эти достижения техники – мудростью ли ученых или по другой причине. Если мудростью ученых, то не приходит ли вам в голову мысль, почему это все не появилось во времена мудрейших и ученнейших, во времена пророка Магомеда. И не кажется ли вам, что все это служит признаком приближения конца мира. Не представляется ли вам, что бог все эти чудеса припрятал к концу мира и раздал последним поколениям.

Таким образом, все достижения техники объясняются по-своему и в своих интересах.

Другая группа клерикальных поэтов пробовала приспособиться хотя бы внешне к советской власти, но выбелившейся вороне трудно скрыться среди голубей.

Они революцию объясняют как дело бога, который «высоких спустил вниз, а низких возвысил».

Революция от бога

Можно ли получить, что не дано богом?
Не имея счастья, что можно совершить?
Счастливый орел даже с разбитым крылом
Может перелететь с горы на гору…
… Ты – создатель небес земли великий царь.
Я поражен твоим всемогуществом.
Скольких неимущих ты сделал имущими,
У скольких имущих ты отнял все.
Скольких высоких ты спустил вниз
И скольких низких ты возвысил.
Сколько немых беспомощных ворон
Ты превратил в мощных соколов.

Вот каким образом классовый враг объясняет социалистическую революцию. Все от бога. Всему виною он – всемогущий, всезнающий, превращающий немых ворон в мощных соколов, только эти соколы не дают покоя автору даже ночью, только одно непонятно: за что его же бог так жестоко его наказал.

Характерным для духовной поэзии является, как уже упоминалось выше, обилие арабизмов; среди них, оказывается, установился даже взгляд, что чем больше арабских слов, тем произведение красивее, но самое главное – введение арабских, следовательно, непонятных массовому читателю, слов вносило некоторый мистицизм, таинственность в духовную поэзию.

<…>

Рассказывают, что в прошлые ханские времена в лакских аулах в мечети бывал бешмет из красной материи, и все, кто по делу или вызову ходили к хану в Кумух, надевали его. На одних он висел мешком, для других был слишком узким.

Таким же бешметом являлся арабский алфавит для дагестанских народностей.

Ныне советская власть на основе национальной политики Ленина выкроила по соответствующей мерке каждому языку соответствующую одежду, т.е. новые дагестанские алфавиты и после того культурная революция с ликвидацией безграмотности, с развитием сети низших, средних школ по всему Дагестану, с развитием печати и

полиграфических возможностей дали широкие возможности для полного расцвета национальных литератур.

Сейчас мы имеем десятки выявившихся писателей, поэтов, участвующих своим творчеством в строительстве социализма, и еще больше начинающих, только-только пробующих свои силы, становящихся на ноги. Но в порядке самокритики надо указать, конечно, что молодые литераторы еще не освоили как следует литературное дело.

Если просмотреть все, что мы имеем сейчас в лакской послереволюционной советской литературе и поставить вопрос – дала ли она незабываемые исторические моменты гражданской войны, классовой борьбы и строительства социализма, использовала ли лакская литература все возможности, какие ей даны советской властью, мы должны ответить – нет. Лакская послеоктябрьская литература, как и литература других дагестанских народностей, развивалась вокруг местных газет; поэты и писатели растут на литстраницах этих газет.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении литературного материала, помещаемого в газетах первых годов советизации – это совершенная оторванность от жизни и, во-вторых, исключительно стихи. Имеются стихи учителей-арабистов, перестроившихся на советский лад, где проводится в основном буржуазное просветительство. Только с 1924 г., с посвящений на смерть Ленина появляется литература классово-направленная, идеологически-выдержанная.

<…>

Но все же просматривая в целом весь литературный материал, помещенный в лакских газетах и в последний период, замечаешь, что он состоит в основном из юбилейных посвящений 1-му мая, 8 марта, годовщине Октября и т.д. Одним словом, календарная поэзия.

Каждый год пишут по одному, по два и больше стихотворений, посвященных этим праздникам. Содержание всех посвящений одинаково: описывается торжественность обстановки, как рабочие всего мира, бодро шагая, демонстрируют свою силу, а буржуи и кулаки у нас развеяны и т.д. и т.д.

Но особенно бросается в глаза шаблон, штамп в отношении формы: установился определенный стандарт не только для первомайских, но вообще для всех юбилейных посвящений.

<…>

Необходимо отметить громадное значение исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23/V-32 г. о перестройке литературных организаций в смысле широкого вовлечения в литературу писателей и количества даваемой ими продукции. Одним из таких втянутых является и Гафуров Абу-Талиб.

Абу-Талиб Гафуров – кустарь, самобытный, даровитый поэт, недавно только ликвидировавший свою неграмотность.

Делегаты первого съезда писателей Дагестана в июле 1934 года в Махачкале. Нижний ряд (слева направо): А. Амаев, Ю. Хаппалаев, Чутуев, Гаджиев, Омаршаев; средний ряд (слева направо): А. Гафуров, Валиев, Канчиев, Чукундалав, Г. Гаджиев, М. Чаринов; третий ряд (слева направо): А. Алиев, Лелевич, Э. Капиев, Б. Астемиров и Ю. Шовкринский.

Начал писать с 1932 г. и уже выпустил сборник стихотворений «Новый мир» и рассказ из жизни кустарей.

Основная тематика его поэзии – это противопоставление старого и нового.

Гафуров интересен своими оригинальными формами и приемами. Стихотворения его насыщены художественными образами, а легкий юмор придает особую свежесть его произведениям.

К недостаткам его можно отнести нежелание повысить свои познания и вредное предубеждение, что настоящий поэт не должен учиться ни у кого, а должен творить самостоятельно. Конечно, эта самостоятельность упирается в ограниченность строго крестьянского фольклора, который является единственным источником поэта.

Его произведения более удачны, когда он пишет о знакомой среде; примитивны и вовсе неудачны, когда он касается вопросов, стоящих вне его представлений. Чтобы писать полноценные вещи, необходимо ему неустанно повышать свое политическое и литературное развитие. Основным мотивом его сборника «Новый мир» является противопоставление новой жизни жизни прошлой, старой, дореволюционной.

В последнее время выявляются также молодые силы в лице Ю. Хаппалаева, А. Аммаева, Кянчиева Ибрагима, которые дают ценные произведения и готовят сборники своих стихов. Хаппалаев интересен как знаток лакского языка и аульского быта. Аммаев же, несмотря на молодость, имеет большие формальные достижения, его стихи звучны, красочны.

Необходимо отметить один крупный пробел в нашей литературе – это совершенное отсутствие критики, критики трезвой, помогающей поэту, писателю увидеть свою продукцию. Вместо критики у нас существует сплошное оплевывание, что вызывает ответное действие, и получается взаимный мордобой. Отсюда, никто не желает подвергаться критике, появляется критикобоязнь, которой заражены некоторые авторы, страдающие болезненным самомнением и при малейшей попытке указать на их недочеты вспыхивающие, рвущие свои работы, а иногда и бросающие писать.

Правление Союза Советских Писателей совместно с ДНИИНК организовало секцию критиков. Будем надеяться, что этот пробел будет заполнен в дальнейшем.

1934 г

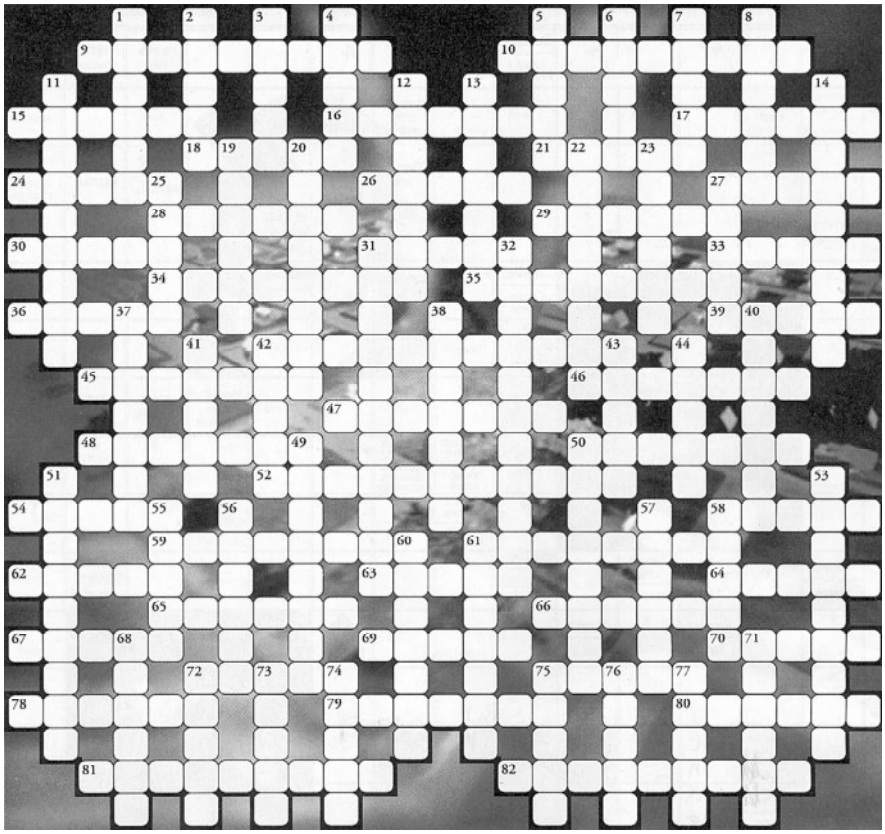
От редакции:

Выдержками из «Краткого очерка истории лакской литературы» М. Чаринова мы начинаем публикацию неизданных по тем или иным причинам материалов и обращаемся к читателям с просьбой помочь нам в благородном деле восстановления нашего культурного наследия. Если у вас сохранились неопубликованные фотографии, рукописи и другие архивные материалы, представляющие интерес для истории дагестанской литературы и культуры, то мы с удовольствием их опубликуем.

Материал подготовлен к печати Маазат Чариновой, владелицей архива поэта.

КРОССВОРД

Эксклюзивный – только для дагестанского читателя



Среди приславших верное решение жребий изберет одного, кто и получит ценный (безусловно) приз. Фото победителя (если получим его вместе с решением до 15 декабря с. г.) мы поместим на этой странице в следующем номере.

По горизонтали: 9. Безграмотный молодой джигит по Денису Фонвизину. **10.** Криминальное действие, часто совершаемое у нас при строительстве капитализма. **15.** Вместо него в восточных сказках для полета выбирают ковер. **16.** Пока жена возится на кухне, муж, лежа на диване, строит его в неосуществимых мечтах. **17.** «Кирпичик» песни. **18.** Детектив-скрипач. **21.** Гречанка божественного происхождения по фамилии Паллада. **24.** Качество речи, восхваляющей очередного юбиляра. **26.** Это съедобное существо водится не в Каспии, а в Черном море. **27.** Практическая часть рулона ткани, из которой можно сшить черкеску или брюки-галифе. **28.** Чем она тоньше, тем арбуз лучше. **29.** Чарыки наших предков в нем нуждались, как и шея пижонов. **30.** Животный джамаат. **31.** Когда умыкали невесту, лошади транспортировали ее этим способом. **33.** 1,5 тысячи – качество нашего журнала. **34.** А о каком компоненте нашей редакции говорит цифра 7? **35.** К чему чаще всего призывают на митингах позитивные ораторы? **36.** В Дагестане – буза, в Грузии – чача, а в России – … **39.** Столица страны, где живут давние родичи ногайцев. **42.** В доме все падает и летает, а виновных нет. **45.** Человек-робот, понимающий только пароль. **46.** Компания «Авиалинии Дагестана» эксплуатирует самолеты этого авиаконструктора. **47.** В Буйнакске – Кавалер-батарея, в Париже – Эйфелева башня, в Риме –… **48.** Окосевший горный склон. **50.** Напарница широты. **52.** И цветок, и звонок. **54.** Что меняется у спортсмена и у влюбленного в момент икс. **58.** В какую деталь интерьера жилища нового дагестанца трансформировалась деталь интерьера горской сакли. **59.** Конфета, носящая название кустарника с кислыми плодами. **61.** Она присуща как ягодам кустарника из п.59 по горизонтали, так и несвежему пиву. **62.** Кондитерское изделие, иностранного происхождения. **63.** Водитель арбы по-русски. **64.** Плакса по любому поводу. **65.** Капризная греческая дама, мифическая любительница астрономии. **66.** В Дагестане мой город у моря – Махачкала, а на Украине – … **67.** Страна, производящая любимые в Дагестане музыкальные фильмы. **69.** Имя папы влиятельного лица в президентской администрации. **70.** Рыба, первая часть фамилии знаменитого футбольного тренера. **72.** В каждом дагестанском доме если не ковер, то … есть обязательно. **75.** Травянистое растение, первая буква "А", а последующие – великий немецкий философ. **78.** Пятая часть затянувшегося совещания. **79.** Туда-сюда, туда-сюда… **80.** Блин, но употребляется не вместо ругательства, а в пищу. **81.** Чукча про него сказал: сначала ничего, а потом… – и все матом, матом (анекд.). **82.** Расстояние между начальником и подчиненным.

По вертикали: 1. То, что является сырьем для амузгинских мастеров и из чего «вышел стон» большевиков по Маяковскому. **2.** «Музыкальное» огородное растение, как в Дагестане, так и в остальном мире. **3.** В Дагестане – казан, в России – … и очень большой. **4.** Дагестанские женщины предпочитают дырку в ухе, чем пользоваться таким украшением. **5.** Посредник между всеми, кто пишет и читает. **6.** Стихи на старинный манер. **7.** По ткани – шитье и порка, по металлу – сварка и … **8.** «Драка» в научных кругах с применением языковых средств. **11.** Там мужчины и женщины живут отдельно. **12.** Что обозначают ярлык на базаре и цифры на денежной купюре. **13.** У нас вместо этой породы овец вывели свою, дагестанскую. **14.** Эту процедуру по уходу за ребенком, как и все остальные, дагестанские мужчины доверяют женщинам. **19.** Мужчина, у которого «трудовая мозоль» заслоняет его мужское достоинство. **20.** Выяснение отношений на уличный манер. **22.** Кто займет первое, кто второе место, но каждый из них… **23.** Мох на скале или дереве, кость на кости после ушиба или другого случайного действа. **25.** Редкая птица, питается рыбой и в Дагестане не водится. **27.** Если посадить рядом пятерых зурначей и трех барабанщиков, это будет… **31.** Искусство, которое у нас воплощается более всего в хинкале и чуду, курзе и шашлыке. **32.** «Давай начнем в…» **37.** «Говорящая» буква кириллицы. **38.** Взлелеянный собрат банального огурца. **40.** Этим словом можно «обозвать» рахатинскую бурку или конфетный фантик. **41.** Чувство мужчины, опережающее любовь. **42.** Место в кладовке или место в бане. **43.** Лицо «анатолийской» национальности. **44.** Старинный инструмент воспитания молодого поколения, но не в Дагестане. **49.** На медведя, бывало, шли с кинжалом, а в Сибири с …. **50.** Этот доисторический гигантский зверь из породы динозавров у нас не встречался. **51.** Маленький, живет у нас, а смахивает на живой символ Австралии. **53.** У курского соловья – трель, а у дагестанского воробья – … **55.** Лошадиная «опалубка». **56.** Это архитектурное «излишество» любят в дагестанских аулах. **57.** Если муж и жена – одна сатана, то они живут в … **58.** Структура телесвязи и городского хозяйства Венеции. **60.** Провоцирует мудрый дагестанский народ на межнациональные распри. **61.** Писатель, знаток джунглей – не каменных, а индийских. **68.** Начальник п.11 по вертикали. **71.** В паузах речи комвождей всегда возникала … **72.** У каждого человеческого… девять братьев родных и десять двоюродных. **73.** Соседняя страна, где развит баскетбол. **74.** Этот разрушительный круговорот любит посещать Америку, но случается и в России. **75.** Документ, несущий «золотые яйца». **76.** Заяц с природным физическим недостатком, в Дагестане не водится. **77.** Бриллиант измеряют каратами, а корабли…

Расул Гамзатов с внучкой
Сулеймана Стальского - Лидией

Наследие классиков бессмертно

В районах республики по инициативе Союза писателей РД, его деятельного председателя Расула Гамзатова, проходят Дни дагестанской литературы. Первым дагестанских литераторов принимал Хунзахский район, где в августе отмечалось и 125-летие Гамзата Цадасы. Республиканская печать широко освещала этот праздник. У хунзахцев, в ауле Цада, побывало много именитых гостей. Съехались они 2 октября и в Сулейман-Стальский район, который принял эстафету от хунзахцев. Члены Госсовета, Народного Собрания, Правительства республики, представительская делегация Союза писателей РД во главе с Расулом Гамзатовым провели этот солнечный, по-летнему жаркий день на родине замечательного дагестанского ашуга Сулеймана Стальского. Звучали стихи на русском и дагестанских языках, перед земляками поэта выступали коллективы художественной самодеятельности из других районов республики, а импровизированную сцену венчал плакат "Литературное наследие дагестанских классиков бессмертно". Радушие хозяев, благодарная память участников праздника еще раз подтвердили эту непреложную истину.

На снимках: в Хунзахском и Сулейман-Стальском районах. На первой странице обложки - монумент в Гунибе, где в рамках Дней дагестанской литературы прошел День памяти "Белые журавли".

Фото Т. ЮХВАРИ и Ю. ИВАНОВА.

НАД ПРОПАСТЬЮ БЕЗ СТРАХОВКИ

Нынешним летом, в августе, знаменитое Карадахское ущелье, что в Гунибском районе, стало свидетелем потрясающего воображение события. По канату длиной 33 метра и диаметром всего в 15 миллиметров, натянутому между краями узкой теснины на высоте 194 метра, несколько раз прошел без страховки мужественный человек. Причем, не только прошел, но и совершал на канате разные трюки, в том числе один кульбит назад и четыре кульбита вперед. Назад - лежа на спине, а вперед - сидя на корточках.

Кто же этот смельчак? Это Адам Виситаев, родом из Хасавюрта. Вместе с женой Айной работает в Российской государственной цирковой компании (они народные артисты России). В цирке Адам ходит по канату на высоте 9 метров. А несколько лет назад близ селения Гонода в Гунибском районе он прошел по натянутому канату между краями ущелья на высоте 60 метров. И вот - новое достижение 54-летнего артиста.

Адам Виситаев и в этот раз приезжал в гости в селение Гонода к своему другу Магомеду Магомедову, президенту правозащитной организации "Логос". Посмотреть на выступление гостя в Карадахском ущелье собралось около пятисот жителей окрестных аулов. Документация достижения канатоходца направлена в штаб-квартиру Книги рекордов Гиннесса.

На снимках: та самая пропасть и человек над ней; Адам и его жена Айна.